
63.3(0)
Р63
Н. РОЖКОВ
РУССКАЯ ИСТОРИЯ
В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ
ТОМ
VI
ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ
КНИГА

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

(ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

ТОМ ШЕСТОЙ

ДВОРЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

в южной Руси, в Западной Европе, на древнем востоке и в античном мире

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

„КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

★
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТИПОГРАФИЯ
НАРКОМВОЕНМОРА
Пл. Урицкого, 10.
Ленинградский
Областлит
№ 2706.
Тир. 3.100-18 п. л.
Заказ № 427.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпускаемый сейчас шестой том представляет собою по содержанию, главным образом, сравнительно-исторические параллели к IV и V томам „Русской истории в сравнительно-историческом освещении“. Поэтому своевременно и уместно именно теперь сказать несколько слов о задачах и приемах таких сравнительно-исторических параллелей.

Нет и не может быть историка, который был бы специалистом по всем отделам мировой истории. Достаточно, если человек, предпринимающий сравнительно-историческое построение, является специалистом по истории одной страны, а в истории других осведомлен о важнейших явлениях исторической литературы. Это—во-первых.

Во-вторых, при сравнительно-историческом изучении необходимо держаться единого метода. Можно ли этого достигнуть, держась исторического материализма? Автор предлагаемой работы думает, что можно, так как, по его глубокому убеждению, все талантливые историки на деле следуют этому методу, хотя в теории его часто и отвергают. Во всяком случае их работы постольку и ценны и новы, поскольку строятся сознательно или бессознательно на реальной почве или дают по крайней мере важный материал для реально-исторических обобщений.

Третье, что здесь важно,—это знакомство исследователя, предпринимающего сравнительно-исторический труд, с важнейшими доступными ему источниками истории разных стран, что необходимо для критического отношения к чужим выводам. Это знакомство со многими,—конечно, не со всеми—источниками истории во-

стока, античной древности, средних веков и нового времени служило для автора настоящей работы средством решения спорных вопросов. Оно выдвигает для него в будущем еще одну важную задачу: дать ряд специальных этюдов не только по русской, но и по всеобщей истории в подтверждение проводимых взглядов. Работа автора для публики идет и пойдет таким образом тремя концентрами: первым являются его учебники и „Методика истории"—это широкая популяризация; второй—„Русская история в сравнительно-историческом освещении"—общий, но уже обширный, более углубленный курс, рассчитанный на более образованную исторически аудиторию и сопровождаемый поэтому ссылками на пособия и в значительной мере также на источники; третьим будет ряд специальных исследований, последний, прочный фундамент всего здания. Только после окончания всей этой работы можно будет судить о результатах.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Дворянская революция в южной Руси.

I.

Общий ход бурных событий дворянской революции в южной Руси.

Дворянская революция в южной Руси,—на Украине, по обе стороны Днепра,—охватывает время с половины XVII до конца XVIII века, до 80-х его годов. Но из этих 130-ти лет бурным был только первый момент этой революции—с 1648 по 1676 год,—т.-е. лишь первые 25—30 лет. С другой стороны, последнее тридцатилетие южно-русской дворянской революции,—с 50-х до 80-х годов XVIII века—по существу лишь формально заканчивает те процессы, которые вполне определились в своих конечных результатах уже к половине XVIII столетия. Таким образом и в ходе дворянской революции в южной Руси можно различать три момента. Нет, однако, настоятельной нужды выделять в изложении каждый из них особо. Необходимо лишь предпослать исследованию перемен в хозяйстве, устройстве общества, государственном строе и духовной культуре общий, сжатый обзор хода бурных событий дворянской революции в южной Руси, происходивших в третьей четверти XVII столетия.

Восстание Хмельницкого, весьма зажиточного казака, ушедшего в Запорожье и поднявшего потом широкое движение „хлопов", крепостных, имело многочисленные прецеденты в прошлом южной Руси. Главнейшими из

них были восстания Наливайка, Лободы и Шаулы, подавленное гетманом Жолкевским в 1596 году, бунт Тараса Федоровича в 1630 г., восстания Павлюка Бута в 1637 г. и Острянины в 1638 г. Хмельницкий в 1647 г. опирался не только на запорожцев и украинское крестьянство и казачество, но и на крымских татар, в союз с которыми он вступил. В 1648 г. ему удалось при Жолтых Водах разбить польское войско молодого Стефана Потоцкого, причем на сторону восставших перешли украинские реестровые казаки, а затем потерпели поражение и главные военные силы, посланные против Хмельницкого под начальством старика Потоцкого, отца Стефана, погибшего при Жолтых Водах, и Калиновского. По всей Украине поднялось тогда крестьянское восстание, сопровождавшееся разгромом панских имений. Оно распространилось далеко на запад, — на Волынь, где главным его вождем явился Максим Кривонос. Восставшие истребляли панов, евреев, католическое духовенство, разоряли замки и имения. Там, где могли, польские и полонизированные дворяне мстили им не менее жестоко. Особенно прославился этой местью самый талантливый из польских предводителей князь Иеремия Вишневецкий.

Подчиняясь давлению своих сторонников, желавших до конца сокрушить Польшу, и желая оказать влияние на выборы нового короля, так как Владислав IV умер в самом начале восстания, Хмельницкий двинулся на Волынь и в Галицию, разбил польское войско под Пилявою, причем казаки ограбили богатейший польский обоз, обстрелял Львов и взял с него выкуп и дошел до Замостья, гарнизон которого был организован Вишневецким. Ему не удалось взять эту крепость, и он отступил в Украину, когда вновь избранный король Ян-Казимир потребовал у него этого.

Для переговоров с Хмельницким был отправлен русский по происхождению и православный по вере Адам Кисель в качестве главного королевского комиссара. Но ему удалось заключить только временное перемирие на всей воле Хмельницкого.

Перемирие было непрочно. Нельзя было Польше принять его условия за условия окончательного мира. К то-

му же весной 1649 г. снова началось крестьянское движение, возглавляемое и поддерживаемое казацкими отрядами. Сам Хмельницкий собирал свои силы, призывал татар. Наконец, польские магнаты, лишившиеся своих огромных имений на Украине, которую они недаром называли обетованной землей [1]), не могли с этим помириться, не попытав еще раз военного счастья. Война была неизбежна, и она вспыхнула с новой силой.

Войско крымского хана и Хмельницкого было огромно, и оно грозной тучей двинулось на Волынь. Небольшое польское войско под начальством Фирлея было окружено татарами и казаками в городе Збараже и успешно выдержало семинедельную осаду только благодаря мужеству, энергии, таланту и твердости князя Иеремии Вишневецкого. Король Ян-Казимир в то же время двинулся с всеобщим ополчением шляхты, но был также окружен под Зборовом и склонил деньгами хана на мир.

В 1649 г. заключен был зборовский договор, по которому количество реестровых казаков установлено было в 40 тысяч человек на территории воеводств Киевского, Черниговского и Браславского, причем на этой территории отменялась уния, не могли жить ни иезуиты, ни евреи, и не расквартировывались польские войска; православный митрополит киевский должен был получить доступ в польский сенат.

Но зборовский договор не уничтожил полуфеодального землевладения польских магнатов на Украине. К тому же сорокатысячный реестр не вмещал всех желающих в него попасть. Наконец, приходилось платить союзникам-татарам, которые не удовольствовались 500 тысячами талеров, данными самим Хмельницким, и пришлось ввести для расплаты с ними еще специальную поголовную подать [2]). Притом татары, уходя домой, грабили и уводили пленников, в особенности пленниц. Все это раздражало украинские народные массы, поселяло среди них глубокое недовольство.

Недовольны были и в Польше. Киевского митрополита просто не пустили в сенат. Дурно встретили в Вар-

---

[1]) *Костомаров*, Богдан Хмельницкий, т. II, стр. 392.
[2]) *Соловьев*, История России с древнейших времен.

шаве короля и горячо приветствовали Вишневецкого. Возвращаясь в свои украинские имения, польские магнаты карали своих крестьян за участие в восстании и восстановляли старые порядки. Хмельницкий должен был их поддерживать. Тогда масса крестьян, „посполььство" хлынула с Украины в Московское государство, особенно в Слободскую Украину.

Хмельницкий через особое посольство на чрезвычайный сейм 1650 года потребовал полного уничтожения унии во всей Речи Посполитой, присяги первых сановников государства—духовных и светских, в соблюдении зборовского договора и проживания на Украине без военной охраны, как бы в виде заложников Вишневецкого, Конецпольского, Любомирского и Калиновского [1]). Это был вызов, и он произвел действие искры на бочку пороха. Сейм единогласно об'явил войну.

Хмельницкий через султана заставил крымского хана снова прийти на помощь. Но хан был недоволен: он получил все, ему нужное от Польши по зборовскому договору и хотел, чтобы Хмельницкий помог ему ограбить Московское государство. Польское войско, находившееся под начальством самого короля, сошлось с татарами и казаками под Берестечком в 1651 г. Вишневецкий прорвал здесь казацкий строй, и хан со своими полчищами, не принимавшими участия в битве, оставил поле сражения. Казаки потерпели поражение, укрепились для дальнейшей обороны, но с ними не было ни Хмельницкого, ни писаря Выговского, которых задержал при себе далеко ушедший назад хан. Это вызвало спешное отступление, бегство казацкого войска из под Берестечка. В результате получился договор в Белой Церкви, по которому число реестровых казаков уменьшено было до 20.000 и жить они должны были только в одном Киевском воеводстве.

Конечно, это не успокоило Украины. Возврат магнатов и польского войска означал полное торжество крепостного права. Крестьянское восстание продолжалось, вызывая жестокие репрессии вождя польской армии Калиновского. Новая, более широкая струя пе-

---

[1]) Там же.

реселенцев двинулась в Слободскую Украину, и „менее, чем в полгода, на пространстве от Путивля до Острогожска появились многие слободы, из которых образовались города и богатые местечки — Сумы, Лебедин, Ахтырка, Белополье, Короча“, наконец, и Харьков [1]). Украине грозило обезлюдение, Хмельницкий лишался сил.

Тогда, начав сношения с Москвой, он в 1652 г. разбил Калиновского, причем польский гетман пал в сражении. Соединившись с крымским ханом, Хмельницкий готовил полякам, стоявшим под Жванцами недалеко от Каменца, новый удар, но Ян-Казимир подкупил хана, и тот оставил союзника. Тогда Хмельницкий отступил на Украину и в 1654 г. на раде в Переяславле отдался в подданство Московскому государству на условиях реестра в 60 тысяч, свободного выбора гетмана, сохранения гетманом права внешних сношений с обязательством лишь извещать московское правительство обо всем, что будет вредно для Московского государства. Московский воевода был посажен из городов только в одном Киеве.

Началась война Московского государства с Польшей. Ее успешный ход был прерван вмешательством Швеции, поставившим Польшу на край гибели. Швеция стала сноситься и с Хмельницким, склоняя его на свою сторону. Тогда царь Алексей заключил перемирие с Польшей и повел войну с Швецией, в общем неудачную и возбудившую в Хмельницком опасения, что Украина будет возвращена Польше. Во время этой войны в 1657 году умер Хмельницкий.

Новый гетман—Иван Выговский, сторонник полной автономии Украины и верный защитник интересов казацкой старшины, столкнулся с представителями демократической казацкой массы—запорожцами и казаками полков Полтавского и Миргородского, возглавлявшимися запорожским кошевым атаманом Барабашем и полтавским полковником Пушкарем. Он, однако, справился с противниками, нанес полное поражение Пушкарю. Но так как Москва настаивала на введении во все украинские го-

---

[1]) *Костомаров,* Богдан Хмельницкий, т. III, стр. 6.

рода московских воевод и на подчинении киевского митрополита московскому патриарху, то Выговский в 1658 году заключил договор с Польшей, оправившейся тогда от поражений после побед Чарнецкого над шведами. Этот договор, так-называемая Гадячская уния—давал Украине полную автономию, но повел к войне с Московским государством. В 1659 г. Выговский в союзе с крымскими татарами разбил клязя Трубецкого. Но казацкая демократия была против Польши и Выговского. Вождями ее на этот раз явились запорожский кошевой Сирко и уманский полковник Ханенко. Запорожцы напали на Крым и заставили татар покинуть Выговского. Тогда масса казачества ушла от гетмана, и при нем остались только его наемные войска и поляки. Выговский отступил в Польшу, а князь Трубецкой провел выбор казацкой радою в гетманы Юрия Хмельницкого, сына Богдана. Условия подчинения нового гетмана Москве были несравненно тяжелее прежних: он должен был совершенно отказаться от самостоятельной внешней политики и допустить московских воевод не только в Киев, но и в Переяславль, Нежин, Чернигов, Браслав и Умань.

Война Московского государства с Польшей возобновилась. Она была удачна для Польши: Чарнецкий разбил князя Хованского, а Хмельницкий и Шереметев потерпели поражение в походе на Волынь, причем Хмельницкий перешел на сторону Польши, а Шереметев попал в плен к крымским татарам. В 1663 г. произошло фактическое разделение Украины на две половины: Юрий Хмельницкий отказался от гетманства и ушел в монахи, вместо него в правобережной Украине гетманом стал Тетеря в подданстве у Польши, но на левом берегу Днепра на раде в Нежине гетманство получил от демократии, не хотевшей подчинения Польше, запорожский кошевой атаман Бруховецкий, признавший главенство Москвы. При выборе Бруховецкого казаки ограбили богатую старшину [1]).

Левобережная Украина в 1663 и 1664 годах подверглась опустошительному нападению Яна-Казимира и Тетери, но под Глуховым их успехи кончились, и король

---

[1]) *Соловьев,* История России.

ушел с большими потерями, отступая перед Бруховецким и московским воеводой князем Ромодановским. В 1665 году гетманом правобережной Украины стал Петр Дорошенко, отдавшийся под покровительство Турции и осоюзившийся с Крымом. Бруховецкий, чувствуя опасность для себя от Дорошенка, искал прочной опоры в Москве, готов был допустить московских воевод и финансовую власть царя во всей Украине, принять даже назначение киевского митрополита из Москвы. Сам Бруховецкий получил боярство, ряд старшин—дворянство.

В 1667 году по Андрусовскому перемирию разделение Украины на две отдельные половины было официально и формально признано и Польшей и Москвой. Но Дорошенко подчинялся на правом берегу Днепра не Польше, а Турции, и смуты в Украине продолжались. Дорошенко обещал Бруховецкому гетманство над всей Украиной, если он изменит Москве и передастся Турции. Тогда московские воеводы были истреблены на Украине, но Бруховецкий был убит, и Дорошенко об'единил в своих руках всю страну.

Он мечтал о полной самостоятельности, успешно защищался от московских войск, но, вызванный на правый берег Днепра, оставил на левом наказного гетмана Многогрешного, который перешел на сторону Москвы. На раде в Глухове в 1669 году Многогрешный был выбран гетманом левобережной Украины, и приняты были новые, смягченные условия подчинения Москве: московские воеводы—и то с чисто военной властью, без административной и судебной—оставлены были только в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре.

Турецкий султан Магомет IV в 1671 и 1672 годах пошел на Польшу вместе с Дорошенком и вынудил уступку Турции всей Подолии. Страх перед турецким нашествием склонил московское правительство к уступчивости, когда Дорошенко завел с ним тайные переговоры, выговаривая об'единение всей Украины под своим гетманством, полную ее автономию, вывод московских воевод из всех городов, даже из Киева. Но турки ушли, страх перед ними исчез, а Польша об'явила, что присоединение правобережной Украины к Москве она сочтет нарушением перемирия. Поэтому план Дорошенка рушился.

Между тем левобережная старшина была недовольна ґетманством „мужика“ Многогрешного, арестовала его и выслала в 1672 г. в Москву, обвиняя в сношениях с Дорошенком. Многогрешный был сослан в Сибирь, а гетманом выбран Самойлович. В 1674, 1675 и 1676 годах шла ожесточенная война между Самойловичем и Дорошенком при участии турок, татар и русских. Правобережная Украина превращена была в совершенную руину. Когда турки и татары перестали оказывать помощь, Дорошенко передал свою власть над правобережной Украиной Самойловичу и остаток жизни провел в Москве. Турки пытались и потом удержать правобережную Украину, ставя гетманом сначала Юрия Хмельницкого, потом волошского господаря Дуку, но польский король Ян Собеский, успешно воевавший с Турцией, вернул правый берег Днепра, кроме Киева, оставшегося за Москвой, в обладание Польши.

Так кончились бурные события, составлявшие первый момент дворянской революции в южной Руси. Мы должны теперь познакомиться с состоянием хозяйства, общества, государства и духовной культуры на Украине в это время и позднее —до конца XVIII века.

II.

Население и хозяйство.

Нам уже известны основные явления истории населения и хозяйства южной Руси в XVI и первой половиле XVII века [1]). Сейчас остается только, чтобы установить исходное положение изучаемых явлений, напомнить выводы, в свое время сделанные.

Уже тогда население южной Руси росло очень заметно и быстро: в Чернигово-Северской и Киевской землях этот рост являлся результатом прилива со стороны—с Волыни, Полесья и из Белоруссии,—а в Подолии, Галиции и на Волыни население увеличивалось путем естественного размножения. Сверх того, в южном Поднепровье образовалось Запорожье с его ответвлениями, постепенно умножавшимися в виде зимовников и слобод.

Еще до половины XVII в. в южной Руси делало первые успехи товарное хозяйство с обширным рынком—внутренним и внешним, причем в левобережной Украине и в нижнем Поднепровье первенство сохранялось за добывающей промышленностью, тогда как в других частях страны преобладало земледелие.

Великие потрясения второй половины XVII века, особенно опустошения 70-х годов, превратили правобережную Украину в руину, почти в совершенную пустыню. Только Дуке и потом в особенности Собескому удалось к концу века привлечь в этот благодатный край значительное число колонистов с запада и с востока и восстановить здесь население и хозяйство. Но все-таки правобережная

---

[1]) См. том третий, глава седьмая, II.

Украина, как и вся Речь Посполитая, оставалась до последних десятилетий XVIII века в том же упадочно-феодальном состоянии, в каком мы их наблюдали в XVI и первой половине XVII столетия.

Хотя и левобережная Украина сильно пострадала от бурных событий второй половины XVII века, но положение там получилось все же совершенно другое: и населения было больше, и оно сравнительно быстро росло, и хозяйство приобрело товарную окраску, сложился обширный рынок, совершился переход к торговому капитализму. То и другое—и рост населения и переход к торговому капитализму — засвидетельствовано хозяйственными документами—„генеральным следствием о маетностях“ 1729—1730 годов и так-называемой Румянцевской описью начала 80-х годов XVIII в.

Так, в Стародубе в 1781 г. считались 15 казенных зданий, 114 больших частных домов, сверх того, 27 дворов великороссийских купцов, 63 двора духовенства и 863 двора разных других слоев населения, причем в последних числилось 1.007 хат и, кроме того, были еще 111 бездворных хат [1]). Нет сомнения, что это давало в итоге население в несколько тысяч человек. Характерно при этом, что имелись в городе 27 дворов купцов из Великороссии, и что на обе стародубских ярмарки, длившиеся по две или по три недели и происходившие на второй неделе Великого поста и на десятой неделе после Пасхи, приезжали купцы из Москвы, Тулы, Калуги, Рыльска, Курска [2]). Уже эти факты свидетельствуют о переходе к торговому капитализму. Но еще более на это указывают данные о товарах, которые покупались и продавались на этих ярмарках. Великорусские купцы привозили сукна, шелковые материи, галантерейные и серебряные изделия, пушные, красные и мелочные товары, сахар, посуду и железо. Из Черкасска, с днепровского лимана и с Волги доставлялась рыба, из Риги соленая и копченая рыба, французские вина и сыры, из окрестных сел мед, воск, деготь, щетина, грибы, из Мглинской и

---

[1]) *Лазаревский*, Описание старой Малороссии, т. I, Киев 1888, стр. 135.

[2]) Там же, I, стр. 136.

Новоместской сотен Стародубского полка меха—медвежьи, волчьи, лисьи, куньи, беличьи, рысьи, горностаевы, козьи и бобровые, из раскольничьих слобод полотно, из Трубчевского уезда Орловского наместничества хлеб. „И то все распродают оптом и врознь жителям сего города, а отсюдова отпускается рыба, водка и вино французское в Нежин, Глухов, Киев, Чернигов, Полтаву и другие знатнейшие малороссийские города“ [1]). Главным местным продуктом, шедшим на продажу, являлась пенька, которой собиралось до 500 тысяч пудов в год на 50—70 тысяч рублей (тысяч 300—400 на наши золотые деньги). Кроме того, продавались скупщикам разные кустарные изделия: канаты—скупщикам из Херсона и Черкасска, кожи, полотна, лапти, конопляное масло, деготь—скупщикам со всей Украины, деготь во все украинские города; строевой лес покупался теми же скупщиками в Новоместской сотне и сплавлялся Ипутью, Десною и Днепром в Херсон [2]).

Так было в XVIII в. Но уже, „начиная со второй половины XVII в., Стародуб был главным торговым рынком для всей почти Малороссии“. Здесь сбывались тогда местные товары—пенька, конопляное масло, воск, мед, меха. Стародубские купцы уже тогда возили пеньку на продажу в Ригу и Архангельск, покупая там у иностранных купцов сукна и вино и развозя эти товары по всей Украине. Великороссийские купцы скупали в Стародубе на его ярмарках, тогда уже существовавших, главным образом мед и воск и привозили сюда соболиные, куньи и беличьи меха, юфть и железо, а стародубские купцы, покупая их, вывозили заграницу. Те же стародубские купцы развозили по всей Украине в XVII веке на продажу другие товары, привозившиеся на местные ярмарки из Риги и из Москвы [3]).

Подобное же, лишь в меньших размерах, наблюдается и в других полках и городах левобережной Украины XVII и XVIII веков. Для примера отметим вкратце еще данные о Нежинском полке и Нежине. Только около

---

[1]) Там же, I, стр. 136.
[2]) Там же, I, стр. 136—137
[3]) Там же, I, стр. 113—114.

1625 года стали заселяться Нежин, Батурин, Конотоп, Глухов, Борзна, Ивангород, Кролевец. Население приливало сюда из-за Днепра. Но очень скоро, уже с половины XVII века Нежин „становится заметным торговым пунктом, особенно, когда этот город избрали наезжие греки-торговцы сначала центром своей торговой деятельности, а потом и местом своего поселения“ на Украине [1]). Очень рано, уже в конце 30-х годов XVII в., в Нежине возникли три ярмарки [2]), а в 1740 г. там было 633 двора казачьих, старшинских, монастырских, церковных и иноземческих и 194 двора мещанских, 24 винокурни и 8 мельниц [3]).

К концу XVIII века и земледелие, и промыслы, и торговля, и, наконец, население сильно выросли во всей левобережной Малороссии.

Чтобы убедиться в быстром росте населения, достаточно просмотреть описания любой сотни того или другого полка.

Так, в полковой сотне Стародубского полка там, где в 20-х годах XVIII в. были 1, 2, 10, 14, 28 дворов казачьих, в начале 80-х оказывается 5, 4, 21, 14, 40; точно так же число крестьянских дворов, сплошь и рядом увеличивается вдвое [4]).

То же самое наблюдается в отношении, напр., Шептаковской сотни того же полка: так, село Шептаки имело в 20-х годах 90 дворов казачьих и 105 крестьянских, а в 80-х 122 двора казачьих и 209 дворов крестьянских [5]). Можно признать почти общим правилом для сел этой сотни увеличение вдвое числа дворов разных разрядов за указанный промежуток времени [6]). В описании Шептаковской сотни есть любопытный пример скупщицкой, коммерческой, разумеется, грубо-эксплоататорской деятельности крестьян села Лизуновка, как нельзя более ярко характеризующей хозяйственные порядки накануне полного торжества торгового капитализма: „главный

[1]) Там же, т. II, Киев 1893, стр. 52—53.
[2]) Там же, II, стр. 58.
[3]) Там же, II стр. 64.
[4]) Там же, I, стр. 143—144, 146, 147 и др.
[5]) Там же, I, стр. 186.
[6]) Там же, I, стр. 186—189 и др.

промысл лизуновских крестьян в XVIII веке состоял в том, что, накупив на торгах в селах Семяновке, Перелюбе, Прибине и других дегтя и деревянной посуды, возят все это в Сумский полк, а там деготь продают на деньги, а посуду деревянную меняют на разный хлеб в отсып, т.-е. за каждую посуду дают ржи столько, сколько в покупаемую войти может, а гречи вдвое противу того. Сами покупают десяток ведер от 30 до 40 копеек, за кои выменивают хлеба вышесказанным образом мерою полчетверти. На одну повозку кладут ведер по 50, за кои, заплатя 1 р. 50 к. или 2 р., выменивают ржи 2 или $2^1/_2$ четв., а гречи 5 четв., в то самое время, когда здесь (на месте) бывает ржи четверть по 2 р. и выше; следовательно, получают прибыли: променявший 50 ведер, стоющие ему 2 р., берет барыша 3 р. и выше“ [1]). 150% и более чистой прибыли,—это очень характерно для времени наступления торгового капитализма, типичной эпохи первоначального накопления.

Но нам уже известно, что украинские смуты содействовали если не образованию, то развитию и росту новой восточной окраины южной Руси,—так-называемой Слободской Украины. Каково было ее положение в отношении населения и хозяйства в XVII и XVIII веках?

В начале XVII века будущая Слободская Украина была еще пустыней: там были „поля яловы“, где водились только дикие звери [2]). Население стало приливать сюда только позднее, — особенно сильно лишь с построением белгородской черты. В первой половине XVII века единственным местом, где существовало постоянное население, был Чугуев, заселенный выходцами из Малороссии в царствование Михаила [3]). При Алексее, особенно во время руины, прилив украинских поселенцев сильно увеличился, и параллельно этому усилилась колонизация однодворцев из Великороссии [4]). Страна в XVII веке подвергалась постоянным набегам крымских татар—мелким и крупным.

---

[1]) Там же, I, стр. 189—190.

[2]) *Багалей*, Очерки из русской истории, т. II, Харьков. 1913, стр. 37.

[3]) Там же, II, стр. 2—3.

[4]) Там же, II, стр. 3.

И несмотря на это население сильно росло. Это видно уже из того, что в 1680 г. татары в 18 городах и селах Слободской Украины сожгли 889 дворов и перебили и взяли в плен 3.014 человек [1]). Харьковская крепость стала строиться в 1656 году, а 30 лет спустя в Харькове было уже служилых людей великороссов 977 человек, а малороссов 1.366 с детьми и свойственниками, но, кроме того, в городе жили еще духовенство, казацкая старшина и мещане [2]).

В первой половине XVIII века Слободская Украина потеряла свое прежнее окраинное положение: ее заслонили с юга новосербские и славяносербские поселения. Во второй половине того же века она перешла в состояние совершенно мирное, и потому в 1773 г. в ней числилось уже 677 городов и селений с населением в $666^{1}/_{2}$ тысяч человек [3]).

И здесь также мы имеем налицо явные, яркие и достаточно многочисленные признаки перехода к торговому капитализму. Край начал в XVII веке с занятий земледелием, скотоводством, ремеслами и торговлей, а также и добывающей промышленностью. В 1680 г. татары разорили 1.273 улья пчел, сожгли 17.369 четвертей хлеба, более 1.500 копен сена, угнали около 22 тысяч голов скота [4]). В конце XVIII века земледелие уже вполне удовлетворяло местные потребности [5]). Хорошо шли садоводство, пчеловодство, огородничество, винокурение и пивоварение. В 80-х годах XVIII века в Харьковском наместничестве было 976 винокуренных заводов, причем вино продавалось не только на месте, но и в Великороссию, Новороссию, на донские станицы и в Таганрог [6]). Кн. Кропоткин со своего смолокуренного завода в селе Березовом в 1728 г. отправил в Орел на продажу 500 бочек смольчуги [7]). Мед и воск поставлялись и в другие губернии и заграницу [8]). Соль добывалась в

[1]) Там же, II, стр. 4.
[2]) Там же, II, стр. 25, 42.
[3]) Там же, II, стр. 6.
[4]) Там же, II, стр. 4.
[5]) Там же, II, стр. 6.
[6]) Там же, II, стр. 8.
[7]) Там же, II, стр. 8.
[8]) Там же, II, стр. 8.

XVII и XVIII веках на Торских (ныне Славянских) озерах и в соляных озерах при селе Заводах [1]). Ремеслами в конце XVIII века занималось до 12°/₀ населения Слободской Украины, и производство здесь расчитано было не только на местное потребление, но и на более шикий сбыт: харьковские ремни и кожи шли, напр., в Малороссию и Новороссию, шубы местного изделия продавались в Великороссию, „коцарки“ (ковры) не только туда же, но и заграницу, сермяжные кафтаны и шаровары находили себе сбыт в Киевском, Черниговском и Екатеринославском наместничествах [2]). В 1732 г. в Харькове жили 62 чел. великорусских купцов, в Сумах 14, а в 1773 г. иностранных купцов было 100, а великорусских 223 в Харькове, а в Сумах первых 29, а вторых 36 [3]).

Слагавшийся таким образом в обеих Украинах—левобережной—приднепровской и Слободской—торговый капитализм повел к важным переменам в области землевладения.

Одно судебное дело XVIII века ярко характеризует южно-русское вольное или захватное землепользование, возникшее после победоносного восстания Хмельницкого и изгнания польских панов. Оно свидетельствует, что в южном Поднепровье „земля была малороссиян сполная и общая, покамист они первее под полки, а в полках под местечка, села и деревни и в оных под свои жилища, двори, дома и футори осели и позаймовали; и потому сталися все добра малороссиян быть властными чрез займы. Они же займы свои малороссияне разными означали способами: одни оборували (опахивали), другие копцами обносили и рвом окопували, кляками (зарубками на деревьях) ограничали“ [4]). Такое же захватнос владение, причем захватывать можно было лишь столько земли, сколько можно одолеть своим личным тру-

---

[1]) Там же, II, стр. 8.

[2]) Там же, II, стр. 9.

[3]) Там же, II, стр. 11.

[4]) *Лазаревский* в „Записках Черниговского Статистического Комитета“, кн. 1, стр. 26.

дом, засвидетельствовано и гетманским универсалом 1690 года [1]).

Таков был исходный пункт истории южно-русского землевладения в изучаемый период. Мы имеем, однако, сведения, что такие порядки рано стали нарушаться по крайней мере частично. Старшины реестрового казачества с самого начала владели землей в значительном количестве на праве частной собственности. Так, Хмельницкий, будучи сотником, жил в Субботове близ Чигирина состоятельно [2]). Победы над поляками сильно обогатили казачество и особенно его старшину. После побед при Жолтых Водах и Корсуни Хмельницкий отослал домой 30 возов с сокровищами [3]). После Зборовского договора у Хмельницкого оказалось огромное богатство. Он роскошно жил в Чигирине и отнял у Конецпольского богатое местечко Млнов, известное красильным промыслом и дававшее ему 200 тысяч талеров дохода. Хмельницкий оказался в состоянии заплатить татарам 500 тысяч талеров из своих собственных средств [4]). Еще при Хмельницком „дуки", т.-е. старшина, выпрашивали себе у московского правительства грамоты на земли, занятые „нетягами" — бедными казакам и посполитым крестьянством [5]).

Затем началась скупка старшиной казацких и крестьянских земель, приобретение их за долги, прямые насилия, осваивание „ранговых маетностей", т.-е. земель, приписанных к определенной должности по казацкому войску.

„Есть указания на то, что паны (из старшины) не только старались не вторгаться перекуплями в районы взаимных владений, но и помогали друг другу в округлении владений. Выработалось даже нечто вроде обычно-правовой нормы, в силу которой никто в районе владений известного пана не смел продавать землю никому

---

[1]) *Ефименко*, Малорусское дворянство и его судьба: „Вестник Европы" за 1891 г., № 8, стр. 518.

[2]) *Костомаров*, Богдан Хмельницкий, т. I, стр. 58—59.

[3]) Там же, I, стр. 134.

[4]) Там же, т. II, стр. 203.

[5]) *Грушевъский*, Илюстрована история Украины, Киив — Львив 1913, стр. 325.

помимо этого пана". Гетманы скрепляли покупку земель своими универсалами [1]). Очень часто паны также отбирали землю у казаков за просроченный долг [2]). Над отдельными крестьянами - владельцами производились прямые насилия, земли прямо и беззастенчиво от них отбирались [3]). Наконец, „рядом с захватом имущества частных лиц шло усиленное расхищение общественного имущества", происходившее путем захвата свободных земель и посредством обращения ранговых маетностей в личную, наследственную собственность [4]).

У нас нет недостатка в конкретных фактах, иллюстрирующих все эти многоразличные способы развития крупного и среднего землевладения. Вот даные, относящиеся к территории Стародубского полка: около 1678 года полковник Григорий Коровка „забрал в свое ранговое владение несколько сел, не спрашивая разрешения гетмана"; гетман Самойлович наделил в 1680 г. своего сына Семена землями в Стародубском полку; у Корсака составилось имение в 1.000 дворов; Миклашевский скупал земли и, став полковником, „маятности нажил очень богатые"; полковник Жоравка в 1709—1719 годах массами захватывал земли и извлекал значительные доходы из торговли пенькой и водкой [5]). Просматривая описание отдельных сел и деревень Стародубского полка, мы редко встретим там монастырские, архиерейские и магистратские имения, большею же частью господствуют всюду имения частновладельческие, причем особенно много магистратских и волостных владений оказываются перешедшими в частные руки [6]). То же заметно и на территории других полков левобережной Малороссии [7]). Остатки захватного владения были еще и во времена составления Румянцевской описи, и они перерождались тогда сплошь и рядом

---

[1]) *Ефименко,* Малорус. дворянство: „Вест. Евр." за 1891 г., № 8, стр. 530.

[2]) Там же, стр. 541.

[3]) Там же, стр. 532 и след.

[4]) Там же, стр. 534.

[5]) *Лазаревский,* Описание старой Малороссии, I, стр. 23, 26, 33, 39.

[6]) Там же, I, стр. 143 и след., 186 и след.

[7]) Там же, томы II и III.

в долевое, складническое, сябринное владение [1]), но все эти казачьи и крестьянские земли быстро переходили в руки войсковой старшины.

Подобные же явления наблюдались одновременно и в Слободской Украине. И здесь дело началось с захвата, свободной заимки военной земли казаками. Потом началась скупка этой занятой земли казацкой старшиной, и эта скупка невозбранно, беспрепятственно совершалась вплоть до 30-х годов XVIII века. В 30-х годах правительство пыталось положить этому предел, но безрезультатно: скупка старшиной казачьих грунтов продолжала играть огромную роль [2]). Мало того, в наказах депутатам в комиссию 1767 года изюмская и острогожская старшина добивалась уступки ей излишней полковой земли, из которой правительство хотело составить резервный земельный фонд для малоземельных [3]). В 60-х годах XVIII века в Слободской Украине имелся уже целый ряд богатых, крупных землевладельцев. В Харьковской провинции тогда граф Гендриков имел 1.206 душ крестьян, Матвей-Куликовский 878, Шидловская 1.325, княгиня Кантемир 643, Спичинская 2.131, Щербинин 1.858. В Сумской провинции Кондратьев 5.958 душ, Анненков 5.071, Савичи—один 709 душ, другой 1.631, Лизогуб 708, Куколь-Яснопольский 622, граф фон-Волькенштейн 652, Полуботков 1.523, кн. Голицын 4.514, Дубянский 1.792, и князь Шаховской 797 душ. В Ахтырской провинции богатейшими землевладельцами были Надаржинская, владевшая имением, в котором числилось 1.315 душ, Подгоричани с 642 душами, Осипова, имевшая 791 душу, Коновницын 905, Абаза 808. В Изюмской провинции Заруднев, имевший 854 души, Данилевский 622, Сошальский 605, Краснокутская 1.283, Шидловская 747, Захаржевская 2.614. Наконец, в Острогожской провинции крупнейшими владельцами земли являлись Тевяшев, у которого в имении было 2.657 душ, другой Тевяшев—4.256, Татарчуков 961 и Ерошевский—847 душ [4]). Про-

---

[1]) *Филимонов,* Формы землевладения в Малороссии.
[2]) *Багалей,* Очерки рус. истории, II, стр. 130—131.
[3]) Там же, II, стр. 132—133.
[4]) Там же, II, стр. 107.

сматривая этот список, легко убедиться, что большинство крупнейших землевладельцев—не посторонние, не из Великороссии, а именно из местной казацкой старшины.

Описанные перемены в землевладении совершенно естественны и понятны при переходе к торговому капитализму: новый землевладельческий класс слагается именно под влиянием образования обширного рынка, а масса крестьянства и казачества оказывается плохо приспособленной и мало способной приноровиться к новым сложным условиям хозяйства, требующим больших денежных средств. Такое приспособление для большинства было тем затруднительнее, что переживался огромный перелом, страшный кризис. Вот почему казачество в жажде денег в 1648 году быстро распродало все захваченные панские богатства московским и турецким купцам, а затем наступили нужда и дороговизна [1]), пришлось платить, кроме того, особую подать для вознаграждения крымских татар за оказанную помощь [2]), и, наконец, терпеть многолетнюю войну и связанное с ней разорение. Этим всем, на-ряду с необходимостью перестройки хозяйства на новые основы, об‘ясняются и задолженность, часто безнадежная, и продажа земли более богатым и сильным, и невозможность сопротивляться их насилиям, и постоянная нужда в их хозяйственной поддержке.

---

[1]) *Костомаров,* Богдан Хмельницкий, II, стр., 204.
[2]) Там же, II, стр. 204.

III.

Устройство общества в южной Руси с половины XVII до 80-х годов XVIII в.

Люблинская уния 1569 года, по которой южная Русь была присоединена непосредственно к Польше, была исходным пунктом крупных социальных перемен. Ею был вызван прилив богатых польских магнатов в Поднепровье, отчего угрожала опасность реальная, действительно уже существовавшая в самой Польше,—опасность застыть в состоянии упадочного феодализма.

Эту опасность сильнее всего почувствовали более зажиточные слои местного общества—те, кто носил название реестровых казаков. Широкая масса населения—поспольство, посполитые крестьяне,—вернее более беспокойные, не склонные примириться с крепостническими перспективами элементы этой массы находили исход своим стремлениям в Запорожье, где примитивные условия хозяйства—охота, пчеловодство, скотоводство, рыболовство, разбойничья торговля, набеги на турецкие и татарские города черноморского побережья, наконец, вольное, захватное владение землей и примитивная демократическая безурядица [1]) представляли собою осуществление того золотого века, который всякому крестьянству рисуется назади, на заре истории. Более зажиточные слои временами тоже укрывались в Запорожье, откуда выходили и описанные выше, в первом отделе этой главы, восстания, но идеалы их были иные—шляхетские или дворянские.

---

[1]) *Эварницкий*, История запорожских казаков, т. I, Спб. 1892, стр. 80, 189—192, 465—480.

На-ряду с казацкими были в южной Руси в противовес польским магнатам и русские дворяне, шляхта, которая получала в начале XVII в. земли от королей и производила торговый обмен земель, утверждавшийся каждый раз королевской властью [1]). Притом землями, в особенности лесами, владели часто „сябры—шляхта" [2]).

Классовые противоречия между магнатами и дворянами были настолько велики, что иногда, напр., в 1618 г., к казацкому движению примыкала и мелкая польская шляхта, не говоря уже о православных русских дворянах [3]).

При всем том, однако, мелкой шляхты—католической-польской и православной-русской—было немного в южной Руси [4]). Важнее и численнее был другой слой, которому предстояло создать новое дворянство,—зажиточные казаки, занимавшие потом в реестровом казачестве старшинские уряды.

Реестровое казачье войско было необходимо Польше, как охрана пределов Украины и всей Речи Посполитой от Турции и ее вассалов—Крыма и Валахии, а также как вспомогательная сила вообще в войнах Речи Посполитой с соседями; наконец, казачий реестр все же был некоторым отвлечением от Запорожья, классовым противовесом запорожской бедноте, постоянно ссорившей своими набегами на Турцию и ее вассалов эту могущественную тогда державу с Польшей; притом же запорожские „нетяги" были основой для всякого рода бунтов и восстаний против полуфеодальной польской государственности, и противопоставить им зажиточное казачество было необходимо и политически и социально целесообразно.

Но реестровое казачество уже в начале XVII века в награду за свою службу хотело себе полной свободы

---

[1]) *Ефименко,* Малорус. дворянство: „В. Евр." за 1891 г., № 8, стр. 515—516; *Лучицкий,* Материалы для истории землевладения в Черниговщине и Северщине: „Чтения в Истор. об-ве Нестора-летописца, кн. XV, стр. 5, № II.

[2]) *Лучицкий,* в „Чт. ист. общ. Нестора-лет.", кн. XV, стр. 5, № II.

[3]) *Каманин,* Очерк гетманства Петра Сагайдачного: „Чтения в Историч. об-ве Нестора-летописца", кн. XV, вып. I, стр. 21.

[4]) *Ефименко,* Малорус. дворянство: „В. Евр." за 1891 г., № 8, стр. 515—516.

и шляхетских прав [1]). В первой половине XVII в. много сделал для организации реестрового казачества Сагайдачный, сначала кошевой атаман Запорожья, потом гетман казачьего реестра [2]). Сагайдачный действовал тонко и осторожно: он хотел по возможности увеличить численность казачьего реестра, провести православную церковную иерархию и готов был ради этих целей помогать Речи Посполитой в ее военных предприятиях [3]). Его умеренная политика привлекала зажиточных казаков, „дуков", но беднота, „нетяги", тяготела к Бородавке, который по крайней мере временно и сменил Сагайдачного в гетманском положении [4]).

Польские паны-магнаты отлично понимали, что в лице казачества против них выделяется новое дворянство, и потому требовали от правительства уничтожения казачества [5]). Уничтожить его было трудно, даже невозможно по указанным нами выше причинам, и потому старались по крайней мере, насколько то было возможно, сжать состав реестрового казачества, довести до минимума его численность.

Восстание Хмельницкого убило старые господствующие социальные силы и выдвинуло новые, зарождавшиеся уже раньше. По условиям договоров Хмельницкого с поляками—в Зборове и потом в Белой Церкви—польские магнаты должны были вернуться в свои имения. Но их попытки осуществить это право сразу же потерпели неудачу: „хлопы наотрез отказались служить панам. Большая часть панов, едва только вступила в свои имения, как тотчас же должна была спасаться бегством" [6]). „Самые богатые прежде паны не получали ни гроша из огромных маетностей, которые только по имени слыли собственностью их" [7]). В конце-концов крупное магнатское землевладение было сметено с лица украин-

---

[1]) *Грушевський,* Илюстрована история Украини, стр. 242.

[2]) *Каманин,* Очерк гетманства Петра Сагайдачного: „Чт. в ист. об-ве Нестора-лет.", кн. XV, в. I, стр. 9 и сл.

[3]) *Грушевський,* Илюстр. история Украини, стр. 256.

[4]) Там же, стр. 266.

[5]) Там же, стр. 271.

[6]) *Костомаров,* Богдан Хмельницкий, I, стр. 217.

[7]) Там же, I, стр. 235.

ской земли, вырвано с корнем в южной Руси[1]). Православная мелкая шляхта также уцелела лишь в немногих остатках[2]) и по положению сблизилась с зажиточным казачеством.

Существенные перемены произошли и в новом, теперь многочисленном реестровом казачестве. Из массы этого казачества стали выделяться верхи. Это—прежде всего „можнейшее“ казачество, „знатное войсковое товариство“, из которого выходили кандидаты в войсковую старшину. Еще выше стояла сама старшина—прежде всего „бунчуковое товариство“, состоящее при гетмане, „под бунчуком“, т.-е. так-называемая генеральная, высшая старшина—ближайшие помощники гетмана в его должности и полковники, затем также „значковое“ или полковое товариство, наконец, простые знатные или „словетные“ казаки, занимавшие места сотников[3]).

Казацкие верхи и являлись основным кадром будущего южно-русского дворянства. Нам уже известно, что они приобрели и хозяйственную основу своего привилегированного положения—землю, образовали крупное и среднее землевладение.

Украинская старшина и ее потомство в XVIII в. стремились к полному уравнению с великорусским дворянством. Отдельные старшинские фамилии рано стали добиваться пожалования в дворянство. При этом часто указывалось на происхождение их от польской шляхты или от какой-либо иностранной дворянской фамилии, хотя эти указания и были большею частью неосновательны, но центральное правительство дворянской России, считая ассимиляцию украинского дворянства с великорусским целесообразной и соответствующей интересам дворянской государственности, утверждало эти ходатайства. Жаловалось дворянство и тем украинским старшинским фамилиям, которые—правильно или ложно—выводили свою генеалогию от деятелей недавнего казацкого пришлого: так, дворянство получили Тарасевичи, ведшие свое происхождение от гетмана Тараса Тряшлы, и Искры, считавшие своим родоначальником Острянину

---

[1]) *Ефименко,* Малор. двор.: „Вест. Евр.“ за 1891 г., № 8, стр. 515.
[2]) Там же, стр. 515—516.
[3]) Там же, стр. 522—524.

или Остраницу. Наконец, был целый ряд фамилий, получавших дворянство за службу, заслуги и просто угодливость [1]).

Наказы депутатам, выбиравшимся в комиссию 1767 г. от украинского казачества, переполнены просьбами об уравнении украинских старшинских фамилий с великорусским дворянством. Указом 1783 г. это уравнение признано и утверждено окончательно [2]). Украинское дворянство вошло составною частью в дворянство общерусское.

Конечно, оно воспользовалось своим привилегированным положением, чтобы окончательно, путем закона, закрепить ту работу по приобретению крепостных рабочих рук, которую оно вело параллельно приобретению земельного богатства, и которая так естественна при переходе к торговому капитализму. В специальной литературе установлено прочно то положение, что крепостное право на Украине сложилось в жизни раньше, чем оно было утверждено законом 3 мая 1783 года.

Казачество и в особенности казацкая старшина уже при Хмельницком, после первых его побед, хотело иметь не только землю, но и подданных [3]). Это свое желание они не могли осуществить в достаточно широких размерах в XVII веке, пока на Украине длился бурный процесс дворянской революции в ее первые моменты. Но когда к концу XVII в. и особенно в XVIII столетии он миновал, положение стало более устойчивым и определенным, тогда открылись большие возможности закрепощения.

Процесс закрепощения нашел себе первые яркие проявления в ранговых маетностях, землях, являвшихся должностными, связанными с определенной старшинской должностью — гетмана и его ближайших помощников, полковников, сотников и проч. Посполитые крестьяне, жители этих ранговых маетностей, должны были работать на старшину. Количество этого обязательного труда

---

[1]) Там же, стр. 555—557.

[2]) Там же, стр. 561.

[3]) *Грушевський,* Илюст. история Украини, стр. 325.

росло [1]) под влиянием развития торгового капитализма, расширения рынка и увеличения спроса на продукты сельского хозяйства и деревенской промышленности. К земле посполитый крестьянин был привязан как к источнику средств существования. Сам он, вопреки мнению некоторых исследователей, вовсе не имел ясного сознания о своем праве собственности на обрабатываемую им землю; подобно северному крестьянину, он просто владел ею, пользовался ею в силу трудового захвата. Так как в своем хозяйстве посполитые крестьяне обыкновенно, при изменявшихся быстро и коренным образом условиях рынка, не могли обойтись без экономической помощи владельцев ранговых маетностей, то последние оказались вложившими в эти маетности значительные средства. Мало-по-малу владельцы маетностей „начали толковать универсалы и грамоты на ранговые или жалуемые маетности не в первоначальном смысле права на распоряжение известным количеством труда населения, сидящего на этих землях, а в смысле полного права собственности и на самую землю“, и на тех людей, которые ее населяют и обрабатывают [2]). Так сложилось крепостное право на крестьян, сидевших на ранговых маетностях [3]).

Но задолженность при новых экономических условиях составляла отличительную черту не одних крестьян, — она постигала и казаков. Конечно, старшина не стеснялась юридическими препятствиями, стоявшими на пути ее крепостнических тенденций и вожделений: иногда и посполитых крестьян, и казаков силой принуждали вступать в подданство [4]), действовали путем так-называемого внеэкономического принуждения. Но чаще было иначе, особенно в отношении к казачеству. Обыкновенно „пан отбирал“ у казака „землю за просроченный долг. Обезземеленного казака он принимал к себе подсоседником, оставляя его жить на той же самой земле, которую он, пан,

---

[1]) *Ефименко,* Малорус. двор.: „Вест. Евр.“ за 1891 г., № 8, стр. 538.

[2]) Там же, стр. 538—539.

[3]) Там же, стр. 539; *Лазаревский,* Малороссийские посполитые крестьяне.

[4]) *Ефименко,* в „Вест. Европы“ за 1891 г., № 8, стр. 541.

обратил в свою собственность; а потом принуждал его отбывать повинности наравне с подданными, угрожая в противном случае выгнать со двора". Русское центральное, петербургское правительство в XVIII веке запрещало и покупку казачьих земель, и закрепощение казаков, но и власть самодержавного правительства была ничто сравнительно с силою обстоятельств [1]), с давлением экономических условий, вызывавших закрепощение значительной массы свободного казачества.

Наконец, был еще один способ закрепощения: он состоял в заселении пустых земель, по договору, свободными людьми. Свободно захватывая, занимая эти земли, старшинские фамилии просили у гетманов разрешения поставить там слободы и призвать поселенцев. Отказа в этом не было. Обыкновенно сначала новые поселенцы получали льготы или даже полное освобождение от всех платежей и повинностей. Но по истечении срока льготы они облагались легким чиншем. „Чинши все росли, к ним присоединялись и другие обязательства, и вольность слободская быстро обращалась в тяжелую, сначала только экономическую, а затем и юридическую неволю" [2]).

Так разными способами задолго до указа 3 мая 1783 г. старшинские фамилии в Приднепровской Украине „достигли на деле прекращения свободного передвижения народа" [3]).

Еще в 1707 году гетман Мазепа дал приказ полтавскому полковнику ловить и строго наказывать тех, кто уходил на слободы [4]). „В 1739 г. генеральная войсковая канцелярия считает себя в праве, под угрозой смертной казни, запретить переходы, чтобы пресечь будто бы таким образом побеги заграницу" [5]). В 1742 г. центральное правительство отменило это запрещение, но, несмотря на это, полковые канцелярии, опираясь на Литовский статут, трактовали земледельца, как несвободного и своею властью ограничивали право перехода. А гетман Разумовский издал распоряжение, утвержденное

[1]) Там же, стр. 541.
[2]) Там же, стр. 542—543.
[3]) Там же, стр. 544.
[4]) Там же, стр. 545.
[5]) Там же, стр. 545.

указом 10 декабря 1763 г., по которому посполитые, намеревающиеся оставить владельца, не имели права брать с собою свое имущество, „как нажитое с владельческих грунтов“ и обязаны были брать у владельца, от которого уходили, особое свидетельство о разрешении перехода [1]). Это был предпоследний шаг к окончательному закрепощению, утвержденному указом 3 мая 1783 года. Но позднее возникновение полной крестьянской крепости в Приднепровской Украине и отчасти также наличность некоторой изолированности местных рынков, лишь до известной степени парализуемой ярмарками [2]) и поддерживаемой сравнительной непродолжительностью санного пути, привели к тому, что в 1798 г. запрещено было продавать украинских крестьян без земли [3]).

В возникновении или, точнее, окончательном утверждении крепостного права на Украине видную роль сыграли наказы в екатерининскую комиссию 1767 года. Такое же значение имели они и в Слободской Украине, на которую также распространено было действие указа 1783 года: уже харьковские, острогожские и изюмские наказы просили запретить крестьянам переход в гусары и войсковые обыватели, а ахтырские и сумские дворяне прямо ходатайствовали о полном запрещении крестьянам свободного перехода [4]).

Так и в южной России сложились две основные черты общества времен перехода к торговому капитализму—сословность и крепостничество.

В предшествующем изложении ничего не было сказано о положении городского населения. Причина заключается в том, что здесь все осталось в старых формах, свойственных западной и юго-западной Руси XVI и первой половины XVII в.: магдебургское, вообще немецкое, право поддерживало элементы городского самоуправления и охраняло цеховой и гильдейский строй, лишенный, однако, уже крайностей средневековой феодальной принудительности [5]).

---

[1]) Там же, стр. 545—546.
[2]) *И. Аксаков*, Исследование о малороссийских ярмарках.
[3]) *Беляев*, Крестьяне на Руси.
[4]) *Багалей*, Очерки из русской истории, II, стр. 134—136.
[5]) *Клименко*, Западно-русские цехи.

IV.

Управление в южной Руси XVII и XVIII веков.

История управления в южной Руси с половины XVII до конца XVIII в. любопытна тем, что дает ускоренное повторение тех процессов и порядков, которые характерны для смены хозяйственных и социальных форм, наблюдавшихся здесь в то время.

Примитивные хозяйство и социальный строй Запорожья отразились и на его политическом и административно-судебном устройстве.

У запорожцев даже в XVIII в. было мало хлебопашества [1]). Они заняты были главным образом скотоводством в его притом экстенсивной, выгонной форме: недаром самое название войска запорожского — „кош" — означало первоначально не что иное, как палатку для защиты пастухов от дурной погоды [2]). Важное значение имели также охота, пчеловодство и в особенности рыболовство, причем рыба продавалась за деньги, вино, хлеб и продукты обрабатывающей промышленности польским и украинским чумакам, греческим, турецким и армянским купцам или отвозилась на продажу самими запорожцами в Очаков, Украину и Польшу [3]). Источником большой добычи были также грабительские морские походы на Кафу (Феодосию), Синоп, Трапезунт, даже окрестности Константинополя, которыми особенно прославился Сагайдачный в бытность свою запорожским кошевым

---

[1]) *Эварницкий*, История запорожских казаков, I, стр. 465.

[2]) Там же, I, стр. 80,

[3]) Там же, I, стр. 478—480.

атаманом [1]). В общем и целом хозяйство Запорожья в течение всего времени его существования носило на себе печать той примитивности, какая нами наблюдалась в период до-феодальный, в эпоху родового и племенного быта [2]).

Естественно, что и запорожское общество, войско, „товариство" было слабо расчленено, примитивно в своем устройстве. Выборная старшина непосредственно связана была с сечевой массой, „сиромашней", мало чем от нее отличалась. С другой стороны, к массе примыкали „юные молодики", готовившиеся к вступлению в войско. Было еще небольшое количество наймитов или аргатов (греч. ἐργάτης) — поденщиков или работников, нанимавшихся к казакам на работу за плату [3]). Жизнь была притом кочевая: лишь немногие оставались на зиму в особых зимовниках, большинство уходило на Украину [4]). Едва ли можно признать верным мнение [5]), что в зимовниках жило особое „запорожское поспольство": такого классового расчленения в Запорожье не было и быть не могло.

Порядками давно известной нам примитивной, слабоорганизованной, полуанархической демократии отличался и политический строй Запорожья.

Территория, которою владело войско, имела свои области деления, так-называемые „паланки", которых было восемь [6]). Но здесь не было никакого организованного, правильного управления: то были просто военные единицы; „паланка" — собственно значит „крепость" [7]).

Первая, Сечь была устроена на острове Хортице [8]). Но этот остров вовсе не сделался местом постоянного центра запорожской общины, Сечь переносилась

---

[1]) *Каманин,* Гетманство Сагайдачного; „Чт. в Ист. общ. Нестора лет.", т. XV, вып. I.

[2]) См. том I „Русской истории в сравн.-истор. освещ."

[3]) *Эварницкий,* История запор. каз., I, стр. 191—192.

[4]) *Грушевьский,* Илюстр. история Украини, стр. 245.

[5]) *Эварницкий,* Ист. запор. каз., I, стр. 191.

[6]) Там же, I, стр. 203.

[7]) Там же, I, стр. 203.

[8]) Там же, I, стр. 82.

с одного острова реки Днепра на другой [1]), так что и центр войска запорожского отличался подвижным, кочевым характером.

Все войско делилось на полки, которых было четыре, полки на сотни, а сотни на десятки или курени. Каждый курень жил вместе в особом помещении, называвшемся тоже куренем [2]) (от „курить“ = „дымить“) [3]). Во главе войска запорожского или „коша“ стоял кошевой атаман, которого часто именовали также гетманом. Помощниками его были асаул, — его заместитель и ближайший сотрудник по командованию,—обозный, ведавший артиллерию, и писарь. Всю эту старшину выбирала рада. Но рада, сходка всех запорожцев, собиравшихся по полкам, сотням и куреням вместе, не была сколько-нибудь организованным учреждением: она лишь криком, без формального обсуждения и голосования, одобряла или отвергала предложения старшины и в сущности имела мало власти: сильный и влиятельный кошевой вносил в раду только те вопросы, которые сам хотел, и всем распоряжался на деле совершенно самостоятельно, имея право жизни и смерти над каждым запорожцем [4]).

Реестровое казачье войско первоначально являлось в значительной степени сколком с запорожского войска в отношении его организации, если исключить, разумеется, один важный элемент—влияние польского правительства. Здесь были также гетман, асаул, обозный, писарь, полковник, сотники. Они не обходились только без утверждения польского правительства, и бывали времена, как, напр., после поражения Острянины, когда только сотники были из казаков, а полковники и высшая старшина прямо назначались польским правительством из поляков [5]). С победами Хмельницкого дело, конечно, изменилось, и вся старшина стала выбираться свободно.

С 30-х годов XVII века полки, на которые делилось реестровое казачество, перестают быть только военными

---

[1]) *Грушевьский*, Илюстр. ист. Укр., стр. 244.
[2]) Там же, стр. 245.
[3]) *Эварницкий*, Ист. зап. каз., I, стр. 200.
[4]) *Грушевьский*, Илюстр. ист. Укр., стр. 247—248.
[5]) Там же, стр. 295.

единицами и становятся единицами территориальными, областными делениями Поднепровья. Соответственно этому полковники и сотники превращаются из чисто военных начальников также в судей и администраторов над казачеством. В 1649—1650 годах, после зборовского и белоцерковского договоров, на правом берегу Днепра было девять полков—Чигиринский, Черкасский, Каневский, Корсунский, Белоцерковский, Уманский, Браславский, Кальницкий и Киевский, а на левом семь—Переяславский, Кропивенский, Миргородский, Полтавский, Прилуцкий, Нежинский и Черниговский. Число сотен в полках было неодинаково: были полки, где не было и десяти сотен, а в иных число сотен доходило до двадцати. Неодинаково было и число казаков в сотне: в одних сотнях было по 200 — 300 казаков в каждой, в других лишь несколько десятков. Юридически и в это время полковники и сотники были военными начальниками, администраторами и судьями только над казаками, но на деле они имели административную и судебную власть над всем населением полка и сотни. Только важнейшие города, церковные и панские имения были от них в меньшей зависимости, а подчинялись прямо гетману [1]).

При Хмельницком рада реестрового казачества собиралась редко, только по важнейшим делам и то больше для формы [2]).

В дальнейшем положение с гетманской властью сложилось так, что она стала выразительницей интересов старшины и старшинских фамилий, т.-е. слагавшегося украинского дворянства. Защитником интересов старшины был Выговский [3]), Многогрешного старшина ненавидела как „мужика“ и погубила его, добившись его ссылки в Сибирь московским правительством [4]), Самойлович пробовал практиковать личное самовластие и также был сослан [5]), при избрании Мазепы не только за старшиной были утверждены приобретенные ею имения,

---

1) Там же, стр. 320—322.
2) Там же, стр. 323.
3) Там же, стр. 326.
4) Там же, стр. 348—349.
5) Там же, стр. 358.

но и ограничена была власть гетмана: гетман лишен был права отбирать должности у старшины без царского указа [1]).

Переход Мазепы на сторону Карла XII повел к важным последствиям в устройстве управления Украиной. В 1709 году к преемнику Мазепы Скоропадскому приставлен был боярин Измайлов, без которого новый гетман не мог решить ничего. Гетманская резиденция была перенесена из Батурина в Глухов, под самую московскую границу. Полковников и сотников Петр Великий назначал сам, своею волею. Так, Толстой был назначен стародубским полковником, а под конец царствования Петра на Украине появилось несколько полковников из великороссов. В 1722 г. учреждена была малороссийская коллегия—совет при гетмане из шести великорусских старших офицеров — начальников гарнизонов на Украине—во главе с бригадиром Вельяминовым. То была высшая административная, судебная и финансовая инстанция на Украине, подчиненная сенату [2]) и сведшая почти к нулю власть гетмана и украинскую автономию. Смысл этих явлений понятен: украинская старшина и народная масса—поспольство и казачество—разошлись в своих интересах, резко столкнулись, и дворянская государственность Великороссии воспользовалась этим, чтобы уничтожить автономию слагавшегося украинского дворянства, в которой масса украинского народа фактически не видела для себя ничего доброго.

Когда в 1723 г. умер Скоропадский, новых выборов произведено не было. Власть была передана на Украине в руки полковника Полуботка и старшины, действовавших по соглашению с Вельяминовым. Когда Полуботок и старшина приехали в Петербург просить о возвращении Украине старых прав,—они попали в Петропавловскую крепость, где Полуботок и умер в 1724 году, а в Украину на ревизию Петр отправил Румянцова [3]).

При Екатерине I гетманство было восстановлено, и гетманом был выбран и утвержден Апостол. Но это со-

---

[1]) Там же, стр. 361.

[2]) Там же, стр. 388—392.

[3]) Там же, стр. 392—397.

провождалось на деле новым сужением украинской автономии: в 1727 г. был учрежден генеральный войсковой суд из трех великороссов и трех малороссов; для заведывания финансами поставлены два подскарбия — великоросс и малоросс; установлено было, что сотников после выбора их сотенными казаками утверждает гетман, полковую старшину выбирает полковая старшина с сотниками и лучшими казаками, и утверждает гетман, генеральная старшина и гетман утверждаются императорской властью [1]).

Когда в 1733 г. Апостола постиг паралич, Украиной стал управлять резидент князь Шаховской, при котором был совет, состоявший наполовину из великороссов, наполовину из малороссов. В 1734 г. Апостол умер, и составлено было правительство из шести лиц—князя Шаховского с двумя товарищами великороссами и генерального обозного Лизогуба с двумя украинцами [2]).

Гетмана на Украине не было 16 лет. Но в 1750 году гетманом был сделан Кирилл Разумовский. Он мало правил Украиной, всем ведала старшина, подчиненная сенату. Войсковая рада не собиралась уже со времен Самойловича. Она только выбирала гетмана, да и то обратилось в пустую формальность. Всегда все решалось гетманом или с генеральной старшиной только одной или с генеральной старшиной и полковниками [3]).

После того как правобережная Украина перешла к Польше, левобережная разделилась на 10 полков — Стародубский, Черниговский, Киевский, Нежинский, Прилуцкий, Переяславский, Лубенский, Гадяцкий, Миргородский и Полтавский. Полки были попрежнему различны по числу сотен и казаков—конных и пеших. Во всех 10-ти полках было в 1723 году 114 сотен и до 50-ти тысяч казаков [4]).

Гетманство Разумовского окончательно подготовило слияние украинского дворянства с великорусским в одно сословие [5]).

---

[1]) Там же, стр. 401—402.
[2]) Там же, стр. 404—405.
[3]) Там же, стр. 412—416.
[4]) Там же, стр. 416.
[5]) Там же, стр. 418.

В 1764 г. Теплов составил записку о необходимости полного уничтожения гетманства и остатков украинской автономии. На основании этой записки Разумовский был уволен от должности гетмана по прошению, учреждена была малороссийская коллегия, и ее президентом и генерал-губернатором Малороссии назначен граф П. А. Румянцов. Новая малороссийская коллегия состояла из четырех украинцев и четырех великороссов и, сверх того, президент и прокурор также были великороссы. Но на деле всем правил Румянцов, которому поручено было окончательно уничтожить автономию Украины [1]).

Важное значение в этом уничтожении остатков украинской самостоятельности имела судьба Запорожья. Запорожская сечь была разорена русскими войсками при Петре Великом, и только в 1734 г. 7.000 запорожцев вернулись и возобновили сечь [2]). Но ее положение оказалось уже иным: с 30-х годов часть запорожских вольных земель занята была колонистами-сербами. Эта „Новая Сербия“ сделала дальнейшие успехи в 50-х годах XVIII в. [3]). Для примитивного хозяйства запорожцев не оставалось простора. Все это вызывало их протест и сопротивление.

С другой стороны, продолжавшиеся набеги запорожцев на Турцию и их участие в крестьянских движениях в польской, правобережной Украине, наконец, противоречие, естественно существовавшее между дворянской государственностью и примитивной казацкой вольницей, вызывали желание петербургского правительства покончить с Запорожьем. В 1775 г. сечь была окончательно уничтожена.

После разгрома Запорожской сечи Украина по управлению скоро была во всем сравнена со всей Россией. В 1781 году уничтожены были малороссийская коллегия, генеральный суд, генеральное и полковое управление, и образованы три наместничества—Киевское, Черниговское и Новгород-Северское [4]). Учреждение о губерниях 1775 г.,

---

[1]) Там же, стр. 455—457.
[2]) Там же, стр. 403.
[3]) Там же, стр. 460.
[4]) Там же, стр. 468.

таким образом, введено было во всей приднепровской Украине.

Остается в немногих словах отметить несложные перемены в управлении Слободской Украины. Здесь образовалось пять полков—Харьковский, Сумский, Ахтырский, Изюмский и Острогожский. Полки и здесь делились на сотни и управлялись выборной старшиной, но подчинялись непосредственно русскому правительству. В 1732 году казацкие полки в Слободской Украине заменены были драгунскими, но это было отменено в 1743 г., военное устройство казаков было восстановлено, но в судебном и административном отношениях слободские полки были подчинены власти белгородского губернатора. Наконец, в 1763—1764 годах слободские казацкие полки преобразованы были в гусарские [1]), и учреждена Слободско-Украинская губерния, где губернским городом стал Харьков.

Так во всей южной Руси закончилась дворянская революция и в области управления. Остается только прибавить, что с 1685 г. и митрополит киевский подчинился московскому патриарху.

---

[1]) Там же, стр. 421.

V.

Духовная культура.

Духовная культура всякого народа в период дворянской революции отличается тем, что она принимает светский, нецерковный характер. Но и в области религиозной мысли и чувства виден в это время обыкновенно перелом: религия углубляется.

Нам уже известно то влияние южно-русской образованности и в частности киево-могилянской академии, которое проявилось в Московской Руси XVII в. и в петровской России начала XVIII столетия. Такие личности, как Петр Могила, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович и многие другие являют собою примеры и углубленной и очищенной в значительной степени религиозности, и глубокого интереса к образованию, просвещению. Известно, что отношение к обряду, внешней религиозной форме, к букве на юге России было в XVII веке гораздо более продуманным и обоснованным, чем на севере [1]).

Конечно, традиции церковного, духовного просвещения были сильны и в XVIII столетии: недаром киевская академия в 30-х и 40-х годах этого века, при внимательно относившемся к ней митрополите Рафаиле Заборовском, процветала, имела свыше тысячи студентов и была высшей школой не только для духовенства, но и для светского общества, для старшинских детей до 50-х годов [2]).

---

[1]) *Каптерев*, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович.
[2]) *Грушевъский*, Илюстр. ист. Укр., стр. 427.

Но с половины XVIII века она превращается уже в школу чисто духовную, значение ее падает: схоластическая наука перестает удовлетворять потребностям слагающегося украинского дворянства, и оно направляет своих детей учиться новой, светской науке в столицы России—Петербург и Москву — и заграницу, главным образом в немецкие университеты [1]). Просвещение секуляризуется, становится светским, не церковным.

Но великорусское и европейское образование украинской дворянской молодежи содействовало тому разрыву с национальной почвой, который и без того намечался по мере того, как слагались на Украине резкие классовые и сословные противоположности и крепостное право. Новое украинское дворянство культурно все более сближалось с дворянством великорусским.

Этим ослаблялся интерес к национальной украинской литературе. К тому же и правительство с 20-х годов XVIII в. стало запрещать печатание книг на украинском языке [2]). В результате этих обстоятельств почти вся украинская литература конца XVII и всего почти XVIII века осталась рукописной.

Но и это не помешало ей принимать соответственно духу времени светский, не церковный характер. Это видно уже из того интереса к историческому творчеству на Украине, который выразился не только в печатном „Синопсисе“ Гизеля, но и в рукописных тогда летописях хрониках и мемуарах. Таковы были, напр., Летопись Самовидца о войнах Хмельницкого и позднейшей истории казачества до конца XVII в., летописи Супрасльская и Густынская, хроники Сафоновича, Боболинского, Грабянки, Лизогуба, Лукомского, повесть Величка [3]), мемуары Маркевича и „Диариуш“ Ханенка, „История руссов“ Конисского [4]).

Важное значение имели также вирши и школьная драма, выработавшаяся из церковных мистерий. Драма „Размова вкратце о душе грешной, суд принявшей от

---

[1]) Там же, стр. 427—428.

[2]) Там же, стр. 423.

[3]) Там же, стр. 425.

[4]) *Русова,* Украинская литература в XIX в.: „История России в XIX в.“, изд. бр. Гранат, т. IV, стр. 294.

Христа Спасителя“ была по существу еще мистерией или, вернее, моралите, в которой было много, однако, уже бытовых подробностей, характеризующих суд того времени [1]). В 1728 г. была написана драма историческая— „Милость божия, Украину от неудобоносимых обид лядских через Богдана Зеновия Хмельницкого свободившая“ [2]). Драма Георгия Конисского „Воскресение мертвых“, относящаяся к 1747 году, характеризовала порядки управления и затрогивала положение крепостных [3]), причем в конце ее были комические эпизоды [4]). В антрактах при постановке школьных драм ставились комические интермедии—народные сценки, написанные народным языком. Таковы были интермедии, писанные в 30-х годах XVIII века Довгалевским и в 40-х годах Конисским [5]). Так, в „Комическом действии царя царей“ Довгалевского вся вторая часть составлена из народных сцен [6]). Что касается виршей, то они имели сатирический или юмористический или, наконец, любовный характер [7]).

Самый конец XVIII века дал „Энеиду“ Котляревского, но это произведение, как и деятельность Сковороды и некоторых других, выходит уже за пределы периода, которым мы занимались в настоящей главе нашего труда

---

[1]) Там же, стр. 293.
[2]) *Грушевський*, Илюстр. ист. Укр., стр. 426.
[3]) Там же, стр. 426.
[4]) *Русова*—в „Ист. Рос. XIX в.“, т. IV, стр. 293—294.
[5]) *Грушевський*, Илюстр. ист. Укр., стр. 426.
[6]) *Русова*—в „Ист. Рос. XIX в.“, т. IV, стр. 294.
[7]) Там же, стр. 293—294.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ДВОРЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.

I.

Италия в XV и XVI веках.

Италия в конце средних веков представляла собою экономически передовую страну в Европе. Она господствовала на Средиземном море, важнейшем тогда для международной торговли водном бассейне. Развивалась в то время и ее внутренняя торговля в более широком масштабе.

Перенесение центра тяжести мировой торговли в Атлантический океан с конца XV века, после открытия Америки и морского пути в Индию, отодвинуло Италию на второй план сравнительно со странами атлантического побережья. Но, конечно, и в ней продолжался процесс роста товарного хозяйства с обширным рынком, и в ней слагался торговый капитализм. Мало того: в отношении кредита и притом кредита международного, итальянским банкам, особенно генуэзским и венецианским, попрежнему принадлежало одно из первенствующих мест. В то же время шерстяная, шелковая и суконная промышленность таких центров, как Флоренция и Милан, не только в XV, но и в XVI столетии имела большое и местное, и даже мировое значение.

Торговый капитализм, выдвигая на первый план дворянство сначала в виде наемных солдат-кондотьеров, потом в виде постоянной армии и ее вождей, а также богатейшее купечество, создал и новую централизованную государственность.

Правда, в Италии вследствие ее отсталости не создалось единого государства. Но и в ней в XV в. слагается пять относительно довольно крупных государств: на севере—Милан и Венеция, в центре Италии Тоскана во главе с Флоренцией и Церковная область со столицей Римом, на юге королевство Неаполитанское или обеих Сицилий. Мелкие тиранны лишь номинально пользуются самостоятельностью, на деле же они всецело подчиняются крупным государствам или по крайней мере сильно тяготеют к ним. Основу об'единения средней Италии положил во второй половине XV в. Цезарь Борджиа, а его завоевания были сохранены за Церковной областью в начале XVI в. папой Юлием II.

Отсутствие полного политического об'единения и борьба за него между отдельными крупными политическими об'единениями открывали перед европейскими монархами возможности покушений на Италию при поддержке местных сил. Папа Сикст IV имел в виду подчинить себе Милан и Тоскану. Тогда миланский тиран Лодовико Моро из фамилии Сфорца призвал к себе на помощь французского короля Карла VIII. Но Карл захватил Неаполитанское королевство. Тогда коалиция папы, Милана и императора Священной Римской империи германской нации заставила французского короля покинуть Италию. Юлий II хотел уничтожить самостоятельность Венеции и с этою целью составил Камбрейскую лигу: папская власть здесь вступила в союз с императором Максимилианом, французским королем Людовиком XII и испанским королем Фердинандом Католиком. Но интересы союзников были различны,—Испания и Франция стремились к завоеваниям в Италии, чего не мог и не хотел папа, имевший в виду полное политическое единство страны под своей властью,—и потому венецианской дипломатии удалось отвратить грозу от Венеции и разрушить Камбрейскую лигу. В результате Людовик XII захватил Милан и тем вызвал образование папой Юлием II Священной лиги, изгнавшей Людовика XII из Италии. Попытки Франции овладеть по крайней мере частью Италии продолжены были и Франциском I. Но его более счастливый и сильный соперник Карл V положил предел его успехам поражением при

Павии в 1525 году. Испания завладела тогда Неаполитанским королевством и Миланом, Венеция сильно ослабела, а в центральной Италии Козимо Медичи встал во главе герцогства Тосканского, и большую политическую силу представляла Церковная область, возглавляемая папой [1]).

Новая государственность в Италии стремилась обеспечить себя административно-техническим аппаратом нового, не феодального, не вотчинного типа. Нужна была новая, постоянная, собственная, не наемная или по краней мере не только наемная армия [2]). Для ее содержания необходимы были финансы, налоги [3]). Все ближайшие тягости управления надо было возложить на бюрократию [4]). Вот почему, напр., миланские Висконти заботу о финансах политической полиции, администрации выдвигали на первый план [5]). Большое значение имела забота о развитии производительных сил, о торговле и промышленности, поощрение изобретений и усовершенствований [6]), покровительство науке и искусству,—все различные проявления экономической и культурной политики меркантилизма.

В духовной культуре Италии XV и XVI веков обращает на себя внимание прежде всего религиозное движение, связанное с именем Савонаролы.

Каковы бы ни были возражения некоторых исследователей [7]),—едва ли можно сомневаться в том, что Савонарола в своем учении и проповеди сошел с путей католической традиции, приблизился к протестантским религиозным учениям. Основным догматическим отступлением Савонаролы от католицизма было несомненно его учение о значении веры. В своих проповедях, произнесенных в Великий пост 1497 года, Савонарола прово-

---

[1]) *Burckhardt*, Die Kultur der Renaissance in Italien, т. I, ч. I, особ. главы III, V, VII, VIII, X.

[2]) *Макиавелли*, Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия, перевод Курочкина, Спб. 1869, стр. 7, 52, 180.

[3]) Там же, стр. 7.

[4]) Там же, стр. 80.

[5]) *Symonds*, Renaissance in Italy, Lond. 1875, стр., 72, 79.

[6]) *Макиавелли*, в перев. Курочкина, стр. 98.

[7]) *Виллари*, Джироламо Савонарола и его время, т. II, М. 1913, стр. 168.

дил такие идеи: милосердие—высший закон, совесть—высший руководитель человеческих действий; поэтому нужна вера, пробуждение сердца человеческого [1]). В своем написанном потом вскоре сочинении „Триумф креста“ Савонарола высказывается за веру, согласную с разумом и совестью, как за основу определения отношений между государством и церковью [2]). Он горячо ратовал за „огонь любви и чудо веры“ [3]). Подвергнутый пыткам, Савонарола говорил: „не за мои заслуги, а **за** твои, господи, я избавлен буду от всех мучений“ [4]).

И в церковной организации и иерархии Савонарола не был правоверным католиком. Это особенно заметно в его отношении к папской власти: собор он ставил выше папы и от собора ждал церковной реформы [5]); он был противником существования церковных имуществ [6]). Мало того, подобно Гусу, Савонарола личному убеждению подчинил повиновение церкви и папе: папа, по его мнению, не может приказать ничего, что противоречит христианской любви и евангелию [7]).

Наконец, в отношении к источникам веры у Савонаролы были также некатолические элементы: он верил в видения, ему являвшиеся, в божественный голос, ему говоривший [8]). Здесь сказывался мистицизм, проявлялось убеждение в непосредственном, таинственном сближении, общении с божеством.

В общем и целом тот индивидуализм и та углубленная религиозность, которые справедливо считаются отличительными чертами реформации [9]), наблюдаются в развитом уже состоянии в учении Савонаролы. Демократические церковные и политические идеалы Савонаролы сделали его вождем широких народных масс, повели к его гибели и не обеспечили ему доверие и

---

[1]) Там же, стр. 6.
[2]) Там же, стр. 65.
[3]) Там же, стр. 114.
[4]) Там же, стр. 167.
[5]) Там же, стр. 9, 86.
[6]) Там же, стр. 5.
[7]) *Pastor*, Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters, III, B., Freib, im Breisgau, 1895, стр. 382.
[8]) *Symonds*, Renaissance in Italy, стр. 445—447.
[9]) *Вульфиус,* Что такое реформация.

поддержку итальянского дворянства, отсталого особенно в XVI веке, но не надо забывать все-таки, что такие люди, как Пико делля Мирандола и Ботичелли, горячо ему сочувствовали. Таким образом и отсталая Италия имела свою церковную реформацию. Это подкрепляется и той углубленной религиозностью, которая продолжала характеризовать Италию и в XIV и в XV веках: тому примеры—Катерина Сиенская, простая верующая девушка, проповедывавшая всеобщий мир и всеобщую любовь, настаивавшая на реформе церкви [1]), Бернардино да Сиена, монах-минорит, проповедник половины XV века, кардинал Николай Кузанский, реформатор монастырей [2]) и т. д.

Не менее замечателен был в этом отношении и христианский гуманизм в Италии, родоначальником которого по всей справедливости следует признать Петрарку.

В воззрениях Петрарки ясно выступает религиозность, верность католицизму и даже склонность к суеверию. Вместе с другими своими современниками Петрарка вследствие авиньонского пленения пап, т.-е. переселения их со времен Филиппа IV Красивого французского в Авиньон, где они и прожили 70 лет, а также под влиянием чумы и других бедствий был склонен верить в скорый конец мира. Он увлекался также блаженным Августином, его „Исповедью", где ритор и христианин шли рука об руку. Петрарка был противником аверроистов и отдавал христианскому смирению предпочтение перед философским высокомерием [3]). Петрарке свойственны были мистические увлечения, даже аскетические упражнения: он, напр., постился [4]). Вот почему при критике философских учений Петрарка выбирал мерилом христианское учение, несколько приспособленное к индивидуалистическим наклонностям, и в решении метафизических вопросов отвергал и схоластиков и древних философов,

---

[1]) *Hase*, Katerina von Siena.

[1]) *Pastor*, Geschichte der Päpste, I, стр. 32, 348, 349, 359.

[3]) *Фогт*, Возрождение классической древности или первый век гуманизма.

[4]) *Körting*, Die Anfänge der Renaissancelitteratur in Italien, Erster Theil, Leipz. 1884, стр. 430.

считая, что эти вопросы вполне разрешены св. писанием [1]. И в итальянской поэзии Петрарки есть элементы позднего средневековья,—мистическая любовь.

Но Петрарка не был бы гуманистом, если бы он не присоединил к христианским взглядам новых, гуманистических, если бы его не влекла к себе земля, симпатии его не двоились бы между Августином и Цицероном [2].

Уже философские произведения Петрарки, мало самостоятельные, эклектические по своему характеру и проникнутые исключительно интересом к одной лишь этике, замечательны тем, что они—проявление светской, не церковной философской мысли, а также и тем, что в них ясно и определенно выражается индивидуализм [3]. В его исторических сочинениях мелькают некоторые элементы исторической критики [4]. Политические взгляды Петрарки не имели совершенной определенности; он то восхвалял Коло ди Риенци и захват им Рима, то поддерживал, вопреки республиканскому идеалу Риенци, Карла IV в его стремлении захватить монархическую власть в Риме. Повидимому, об'единение Италии в один политический организм безразлично какой формы и без отделения от Германии—вот то, чему политически симпатизировал Петрарка [5]. Дружба и любовь Петрарки отличались также резко выраженным индивидуализмом [6]. Наконец, в личном его характере вообще индивидуалистические стремления сочетались с высокомерием, тщеславием и славолюбием [7], с некоторыми, следовательно, эгоистическими чувствами низшего порядка.

К числу христианских гуманистов относят еще Манетти, Траверсари, Бруни [8], сюда же надо отнести Марсилио Фичино и Пико делля Мирандола.

---

[1] *Корелин,* Ранний итальянский гуманизм и его историография, М. 1892, стр. 195, 196.

[2] *Филипп Монье,* Опыт литературной истории Италии в XV в. Кватроченто. Спб. 1904, стр. 103.

[3] *Корелин,* Ранний итал. гуманизм, стр. 195, 196.

[4] Там же, стр. 239, 249.

[5] *Фогт,* Возрождение клас. древности.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] *Pastor,* Gesch. der Päpste, I, стр. 35 и след.

Амброджио Траверсари — камальдульский монах, потом генерал ордена Камальдулов, был ярый сторонник папской власти и противник Базельского собора. Он любил литературу, библиотеки, древности, но в то же время был благочестив. Вся его жизнь—сплошная борьба христианских принципов с языческими порывами, монашеского смирения с литературной деятельностью, честолюбия с угрызениями совести [1]).

Джаноццо Манетти учился у Траверсари латинскому и греческому языкам и был во многом его продолжателем. Он был также искренним христианином и вместе гуманистическим писателем, автором биографий Никколи, жены Николая V, речей и стихов [2]).

Леонардо Бруни в своих философских сочинениях обнаруживал склонность к морали, а не к метафизике. Он настаивал на необходимости морального миросозерцания и утверждал, что цель жизни—высшее благо, которое есть высшее счастье и заключается в добродетели. Отстаивая религию, как необходимый элемент образования и воспитания, Бруни в то же время утверждал важность научного образования и понимал ценность специализации. При всей религиозности Бруни ему свойственны были черты, типичные для всех гуманистов: он отрицал родовую и вообще наследственную аристократию, был рационалистом, в исторических работах отличался точностью изображения фактических подробностей и критическим отношением к материалу, проникнут был страстным стремлением к знанию и сильным индивидуалистическим интересом к действительности [3]).

Что касается Марсилио Фичино, то он был основателем платоновской академии при дворе Лоренцо Великолепного Медичи во Флоренции XVI века и проводил в своих сочинениях и лекциях философию неоплатонизма, религиозные элементы которой хорошо известны.

---

[1]) *Фогт*, Возрожд. класс. древн.

[2]) Там же.

[3]) *Корелин*, Ранний итальянский гуманизм, вып. II, стр. 598—599, 603, 604, 635, 645.

Наконец, Джованни Пико делля Мегрaндола был выдающимся энциклопедистом своего времени. Его христианское настроение в особенности явствует из его увлечения учением и личностью Савонаролы.

Другое течение в гуманизме — эпикурейски - жизнерадостное, по существу земное, плотское, языческое нашло своего первого яркого выразителя в лице Боккаччьо.

Отец Боккаччьо был крестьянского происхождения, но сам уже вышел из крестьянского положения, занимался торговлей, был участником и представителем торгового дома Барди [1]). Вместе с отцом он много странствовал по торговым делам по Неаполитанскому королевству, и эти странствования давали ему массу впечатлений, опасностей и удовольствий [2]). Купеческая среда того времени вообще сильно прониклась новыми веяниями. Так, купеческая фамилия Аччайоли под влиянием условий времени, новых, прежде небывалых, испытала большой под'ем самосознания, энергии, любви к славе и красоте жизни [3]). Таков был один слой социальных влияний, в подчинении которым рос и развивался молодой Боккаччьо.

Другой слой шел от светского дворянского, придворного общества, в котором Боккаччьо, как человек образованный, поэт, ученый и писатель, интеллигент того времени, также много вращался. В неаполитанском придворном, вообще дворянском обществе Амур был сам себе судья, постоянно шла речь о тонкостях любовной практики; в салонах Неаполя 30-х годов XIV века царил повышенный интерес к любви, как нельзя лучше и больше соответствовавший страстной, сензитивной натуре Боккаччьо [4]). В Неаполе Боккаччьо встретился с той женщиной, которую сделал главной героиней некоторых своих произведений под именем Фьяметты. Она была замужем, была побочной дочерью неаполитанского короля Роберта, а официально считалась дочерью графа

---

[1]) *Веселовский*, Боккаччьо, т. I, Спб. 1893, стр. 11.
[2]) Там же, стр. 17.
[3]) Там же, стр. 56.
[4]) Там же, стр. 63, 66, 19.

Аквино. Любовь кончилась несчастно,—Фьяметта изменила Боккаччьо, и он в 1540 г. уехал из Неаполя [1]). С тех пор второй его родиной до конца жизни была Флоренция.

Из сочинений Боккаччьо обращает на себя прежде всего внимание книжка „О несчастьях замечательных людей" („De casibus virorum illustrium“). Здесь мы видим новый, гуманистический взгляд на природу человека—она благородна, чиста и прекрасна, — вовсе не греховна, и потому целью жизни является, по Боккаччьо, счастье, а несчастия происходят у людей от непонимания ими своей пользы и от неуменья пользоваться обстоятельствами [2]). Здесь видны и политические воззрения Боккаччьо: он—флорентийский гвельф, за союз с папой и против императора, против монархов вообще, которых он именует разукрашенными ослами и тираннами и тем обосновывает теорию законности и святости тиранноубийства [3]).

Для Фьяметты Боккаччьо написал роман „Филоколо“ с превосходным описанием неаполитанской придворной жизни [4]). Затем им написан был первый пастушеский роман новой литературы „Амето“. Здесь видны в ярком проявлении новые гуманистические чувства — любовь к природе, интерес к внутренней жизни человека, к исторической и современной действительности [5]). Основной смысл этого произведения раз'яснен Кёртингом и Гаспари: при невозможности, по крайней мере для себя, достичь высшего блага Боккаччьо довольствуется высшим земным благом—любовью [6]). Видно здесь и новое отрицательное отношение к знатности происхождения: только одна добродетель действительно облагораживает [7]).

В „Тезеиде“ Боккаччьо дал первый образец классической поэмы [8]), обосновал новую дворянскую эпическую

---

[1]) Там же, стр. 111, 154, 156.
[2]) *Корелин*, Ранний итал. гуманизм, I, стр. 439.
[3]) Там же, стр. 442—443.
[4]) Там же, стр. 484.
[5]) Там же, стр. 486.
[6]) Там же, стр. 487.
[7]) Там же, стр. 489.
[8]) *Веселовский*, Боккаччьо, I, стр. 312.

поэзию. „Ninfale Fiesolano“—пастораль, в которой изображается „история деревенской любви—не идеальной, но юношески здоровой“ [1]).

Вполне на высоте своего творческого дарования Боккаччьо находится в двух своих лучших произведениях — „Элегии мадонны Фьяметты, посвященной всем влюбленным женщинам“, и „Декамероне“. „Элегия мадонны Фьяметты“ — психологический роман, где глубокая психология чувства любви, уже проходящей и прошедшей. Боккаччьо вообще является глубоким психологом любви в ее эволюции—от первых знойных порывов и тихой истомы до об'ективно-художественной идеализации. Подражая здесь Овидию, Боккаччьо оригинален и в самом подражании, потому что натура его родственна натуре Овидия [2]). Будучи настоящей летописью женского сердца, „Элегия мадонны Фьяметты“ кроме этих глубин психологического анализа содержит в себе живое и одушевленное описание прелестей деревенской жизни и вообще выражает гуманистический интерес к действительности при описании свадебных торжеств в Неаполе и морских купаний в Байе [3]).

Наконец, в „Декамероне“ мы встречаем изощренный психологический анализ, необычайное разнообразие жизненных типов, высокое мастерство веселого и оживленного рассказа, глубокое очеловечение типов, любовь к звучной фразе и к природе — ласковой, смеющейся, побежденной человеком, уменье изобразить массу конкретных подробностей, изображение всевластной любви, как принципа мирового согласия и устроения [4]). В общем и целом в „Декамероне“ мы видим блестящий образец художественного реализма [5]). Нигде протест против аскетизма и признание прав личности, естественные стремления которой не подлежат никаким сословным ограничениям, не достигли такого яркого и полного выражения, как именно в „Декамероне“ [6]).

---

[1]) Там же, стр. 346.
[2]) Там же, стр. 435—436, 439.
[3]) *Корелин*, Ранний итал. гум., I, стр. 494.
[4]) *Веселовский*, Боккаччьо, I, стр. 443, 444, 493, 507, 510, 514, 527.
[5]) Там же, стр. 473.
[6]) *Корелин*. Ранний итал. гум., I, стр. 507.

Гуманистическое направление, восходящее корнями своими к Боккаччьо, — чисто светское, не религиозное, эпикурейское—имеет главными своими представителями Поджио Браччиолини, Франческо Филельфо, Лоренцо Валлу и Антонио Беккаделли—все гуманистов XV века.

Поджио вел бурную и непостоянную жизнь, желал „досуга с достоинством". Будучи духовным лицом, имел связи с женщинами и под старость женился на молодой девушке и мирно и счастливо жил в деревне. Он был крайне самолюбив [1]). Будучи папским секретарем, Поджио в Риме являлся душой общества, имел большой успех своими остротами и нескромными рассказами, которые и издал под названиям „Фацеции" [2]). Папскую канцелярию он называл мастерскою лжи и особенно смеялся над монахами [3]). Поджио был замечателен, как ученый: он изучал археологию Рима, описал римские развалины и был руководителем по их осмотру приезжавшими в Рим художниками Брунеллеско-Донателло и Гиберти [4]). Он занимался также изучением древних надписей [5]).

Франческо Филельфо отличался большой спесью и заносчивостью [6]), считал себя гением, был тщеславен и легкомыслен [7]). Он любил жить в роскоши, имел любовниц, обладая режущим, опасным и вероломным пером, цинически попрошайничал, клянчил, льстил счастливым, отворачивался от несчастных [8]). То враждовал с Медичи, то униженно у них заискивал [9]). Он один из первых научился греческому языку и на своих лекциях с успехом комментировал латинских и греческих писателей — Цицерона, Теренция, Ливия, Гомера, Фукидида, Ксенофонта. Он и Поджио дали во взаимной полемике, в инвективах, которые они писали друг на друга, образцы

---

[1]) *Моннье*, Опыт литер. истории Италии XV в., стр. 112—113.
[2]) *Фогт*, Возрождение классич. древности.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) *Моннье*, Опыт литер. истории Италии, стр. 120.
[7]) *Фогт*, Возрождение классич. древн.
[8]) *Моннье*, Опыт лит. истории, стр. 121, 123.
[9]) *Фогт*, Возрожд. клас. древн.

самой беззастенчивой и бесцеремонной личной полемики с невероятными обвинениями, взводимыми не только на противника, но и на его отца, мать, жену [1]).

Лоренцо Валла был преисполнен чувства собственного достоинства, любил беседу и спор, склонен был к дружбе и приветливому обращению [2]). Он в своих диалогах „О наслаждении“ („De voluptate“) восставал против обычного со времен Петрарки стоицизма и защищал философию Эпикура, боролся за право чувственного наслаждения, против целомудрия и монашества [3]).

Он говорил, что для общества куртизанки—полезнее монахинь [4]). Обладая критическим умом и большой любознательностью, Валла доказал недостоверность легенды о даре Константина [5]), т.-е. предания о том, что император Константин Великий подарил папе Рим. Он был также основателем научной грамматики [6]).

Беккаделли вел веселую жизнь, счастливо и выгодно женился в Неаполе [7]) и в своем „Гермафродите“ — собрании гениально-смелых и беззастенчиво - нескромных эпиграмм [8]) — воспевал всестороннее наслаждение. Его произведения отличались чрезвычайно изящной формой, восхищали своей гармонией, легкостью стиха, непринужденностью шутки [9]).

XV век и вторая половина XV повели к синтезу, к сглаживанию крайностей. Гуманистическое движение вошло в русло, устоялось, и результатом явилось известное равновесие, получилась равнодействующая, как нельзя более соответствовавшая окончательно устанавливавшейся психологии нового дворянства. Это опять-таки выразилось в личностях и деятельности ряда гуманистических писателей и ученых того времени, — таких, как Эней Сильвий Пикколомини (впоследствии папа

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) *Монньe*, Опыт литер. истории, стр. 139.
[5]) Там же, стр. 139—140.
[6]) *Фогт*, Возрожд. клас. древн.
[7]) *Монньe*, Опыт лит. истории, стр. 150—151.
[8]) *Фогт*, Возрожд. клас. древн.
[9]) Там же.

Пий II), Леон-Батиста Альберти, Саннацаро и Гуарини, Полициано, Триссине, граф Кастильоне, Маккиавелли, наконец, Байярдо, Пульчи, Ариосто и Тассо.

Эней Сильвий Пикколомини был едва ли не первым образцом такой законченной, гармонической натуры. Он был сын разорившегося дворянина, много путешествовал. Сначала был пылкий, смелый ловелас, автор эротических поэмы и романа, жизнь его сама была настоящим романом с приключениями. Потом Пикколомини стал монахом—не по призванию, а потому, что в монашестве видел путь к удовлетворению своего честолюбия [1]). И действительно он вполне достиг своей цели, сделался папой и умел вести себя в новом положении тактично,—вел воздержную жизнь, был богомолен, способен, предприимчив, общителен. И в то же время практичен: умел ловко и тонко вести интриги, в случае нужды не останавливался перед строгими мерами, даже казнями [2]).

Леон-Батиста Альберти происходил из богатой и видной флорентинской фамилии, много странствовал, писал сначала по-латыни, но потом главным образом по-итальянски и ставил целью своей деятельности широкую популяризацию достижений новой культуры. Он писал о живописи, скульптуре, перспективе, морали, домашних порядках, управлении государством [3]). Он старше всех среди этих гармонических натур, и в нем есть еще следы неустоявшегося брожения с явными, однако, признаками начинающегося синтеза, гармонии.

Синтез новой эстетики и старой религиозности, необходимый для окончательно слагающегося дворянства, находит свое выражение в сентиментальной поэзии Саннацаро в XV в. и Гуарини в XVI. Саннацаро воспевал Мадонну так прекрасно, что Гёте в „Правде и поэзии“ воздал ему должное. Гёте метко указал при этом, что в поэзии Саннацаро сказалась особенная нежность души, как бы боящейся всяких внешних, земных влияний [4]). Это—зародыши сентиментализма или мистического ро-

---

[1]) *Монньe,* Опыт литер. истории Италии, стр. 188—189.
[2]) Там же, стр. 189.
[3]) Там же, стр. 444—450.
[4]) *Гёте,* Правда и поэзия.

мантизма, в котором религиозность и эстетика сочетались с эгоистическим чувством самосохранения, заставлявшим все делать, даже помогать другим, чтобы только спастись от неприятных впечатлений. В XVI веке продолжателем Саннацаро был очень популярный в Европе автор пастушеской, сентиментальной драмы Гуарини.

Анджело Полициано, один из первенствующих членов флорентинской академии Лоренцо Великолепного Медичи во второй половине XV века, превратил лекции из сухих чтений эрудита в легкие изящные беседы и создал в поэзии легкую и изящную оду, элегию, эпиграмму и эклогу, в которой главным являлось мастерство стиля, внешняя красивость. Уже здесь выступал на первый план литературный классицизм. Он нашел себе яркое выражение в классической трагедии Полициано „Орфео", появившейся в 1472 году. Продолжателем его был в XVI в. Триссино в своей трагедии в „Софонисба" [1]).

Кастильоне был типичным дворянином своего времени. Он получил хорошее образование, служил при дворах Сфорца в Милане, Гонзага в Мантуе, при папском дворе. В своем сочинении „Придворный" он учил нравиться людям и блистать в их глазах, создал учебник хорошего тона, необходимый для дворянского общества того времени и очень популярный во всей Европе. Он учил здесь необходимости служить в военной службе, быть любезным, уметь танцовать, разговаривать о литературе и искусстве, понимать музыку. Величайшее зло— принужденность, надо делать все легко и свободно, с искусственной непринужденностью. Не должно быть никакой аффектации, обязательно строгое соблюдение приличий. Мораль—светская: шутить надо осторожно, не следует грубо льстить, необходимо уважать дам и государей—особенно тех, кому служишь. Женщина— источник высших наслаждений и должна сохранять супружескую верность, но в то же время должна быть свободна: затворничество всегда является источником по-

---

[1]) *Монье,* Опыт лит. истории, стр. 286—287; *Гаспари,* История итал. литературы, т. II, стр. 198, 507.

роков. Для женщины обязательны живость ума и прямота сердца. В государстве главное—мир и порядок [1]).

Никколо Маккиавелли получил хорошее литературное образование, но не был ученым по подготовке. Ученым его сделали жизнь и опыт [2]). Он был не богат, постоянно нуждался, деятельно и талантливо служил флорентинской республике в качестве секретаря и скоро приобрел большой вес и хорошую репутацию [3]). Маккиавелли не мог обходиться в жизни без наслаждений, денег, службы и политики [4]). Он писал художественные произведения—сонеты, комедии („Мандрагора"), новеллы, в которых являлся верным и даровитым последователем Боккаччьо, написал сатиру „Золотой осел", развертывающую картину современной ему Италии, написанную в юмористических тонах [5]). Но основной его интерес — научный, исследовательский в области обществознания: он хотел посредством изучения истории и современности открыть общие законы развития и существования человеческих обществ и на их основе построить новую, об'ективно-научную политику [6]). Все это видно в двух главных произведениях Маккиавелли—„Государь" и „Рассуждения о первой декаде Тита Ливия".

В предисловии к „Государю" автор справедливо указывает, что то знание, которым он делится с читателем, он приобрел „долгим изучением современных событий и глубоким исследованием древней истории" [7]). Различая две основные государственные формы—республику и монархию, он в „Государе" исследует лишь основные законы монархии [8]).

---

[1]) *Trèverret*, L'Italie au XVI siècle, I, Paris 1877, стр. 281—282, 288—315; ср. *Julia Cartwright*, B. Castiglione, the perfect courtier, Lond. 1908, 2 тома.

[2]) *Виллари*, Никколо Маккиавелли и его время, т. I, Спб. 1914, стр. 240.

[3]) Там же, стр. 253.

[4]) *Trèverret*, L'Italie au XVI siècle, I, стр. 67.

[5]) Там же I, стр. 78 и сл., 102.

[6]) *Виллари*, Маккиавелли, I, стр. 297, 298, 319.

[7]) *Маккиавелли*, Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия, перевод Курочкина, Спб. 1869, стр. 2.

[8]) Там же. стр. 5—6.

Монархии могут быть двух родов—наследственные и вновь возникающие. В наследственных монархиях легче удержать власть, чем во вновь возникающих: „достаточно только не заходить за пределы власти своих предшественников и сообразоваться с обстоятельствами“ [1]). Это—образец теории традиционного, классового, дворянского абсолютизма.

Но время было бурное, революционное, везде в Европе утверждалась новая монархия. Поэтому Маккиавелли естественно главное внимание обращает на монархии, вновь возникающие. Для таких монархий нужны армии, т.-е. и большие налоги. Приобретаемая страна прочно соединяется со старым владением, если обычаи жителей ее и старого владения одинаковы, и если образ жизни жителей не нарушается при присоединении. Пагубнее всего изменение законов или системы налогов. В господствующих местностях необходимо основывать колонии. Можно сохранить мелких местных правителей и „привязать к себе“ их „разными мелкими уступками их самолюбию“, не давая никому из них возвышаться. „При управлении людьми их необходимо или ласкать или угнетать; мстят люди обыкновенно только за легкие обиды и оскорбления, сильный же гнет лишает их возможности мести“. Самое трудное—введение новых учреждений: враги—те, кому жилось хорошо при прежних порядках, а сторонники—робки по недоверчивости к новизне и из боязни мести [2]).

Действия Цезаря Борджиа Маккиавелли считает „образцом для всякого нового правителя“. Узурпатору необходима жестокость, но надо сразу ее проявить и применить, а потом благодетельствовать народу [3]). Иногда власть получается по уполномочению от народа или аристократии. „Лица, достигнувшие власти при помощи аристократии, удерживают ее за собою с бо́льшим трудом нежели получившие ее из рук народа“. „Государь, получивший власть из рук народа, должен стараться удержать его расположение; достигнуть этого государю

---

[1]) Там же, стр. 6.
[2]) Там же, стр. 7, 9, 10, 12, 24—25.
[3]) Там же, стр. 28, 40.

не особенно трудно, так как народ стремится только к тому, чтобы не быть угнетаемым“ [1]).

Основы государства — „хорошие законы и хорошо организованные войска“. Наемные войска плохи, необходимы „собственные войска“, национальная армия [2]).

Для государей „весьма полезно считаться великодушно-щедрыми“. Государь „должен стараться прослыть милосердным, а не жестоким“, но, „прибегая в отдельных случаях к жестокостям, государи поступают милосерднее, нежели тогда, когда от избытка снисходительности допускают развиваться беспорядкам, ведущим к грабежу и насилию, потому что беспорядки составляют бедствие целого общества, а казни поражают только отдельных лиц“. Надо стараться внушать одновременно и страх и любовь. Но так как это трудно, то „полезнее держать подданных в страхе. Люди, говоря вообще, неблагодарны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны“. „Заставляя бояться себя, государи должны, однако, стараться не возбудить против себя ненависти... Достигнуть же этого весьма нетрудно, если только государь не будет нарушать имущественных и личных прав своих подданных и не будет посягать на их честь и на честь их жен и дочерей“. „Существует два способа действий для достижения целей: путь закона и путь насилия“. „Государи должны уметь действовать обоими способами“. „Государь, действуя грубой силой, подобно животным, должен соединять в себе качества льва и лисицы“. „Предусмотрительный государь не должен исполнять своих обещаний и обязательств, если такое исполнение будет для него вредно, и все мотивы, вынудившие у него обещание, устранены. Конечно, если бы все люди были честны, подобный совет можно было бы счесть за безнравственный“. „Для государей нетрудно каждое свое клятвопреступление прикрывать благовидными предлогами“, „скрывать под личиной честности“. „Государи должны обладать великим искусством притворства и одурачиванья, потому что люди бывают обыкновенно до того слепы и отуманены своими насущными потреб-

---

[1]) Там же, стр. 41, 43.
[2]) Там же, стр. 51, 52.

ностями", что охотно поддаются обману. „Государи должны обладать гибкою способностью изменять свои убеждения сообразно обстоятельствам" [1]).

После этих соображений, продиктованных холодным, трезвым и циничным расчетом реального политика, Маккиавелли переходит к административной технике монархического абсолютизма, и здесь высказывает ряд тонких и глубоких мыслей, показывающих, что, понимая, как видно из предыдущего, первенство интересов или „насущных потребностей" в общественной жизни, он сознавал, что самодержавие—не то же, что личное самовластие, что власть абсолютного монарха должна иметь, как мы бы теперь сказали, классовую опору и действовать через организованную на основе этого бюрократию. „Государи", говорит Маккиавелли, „все тягости управления должны возлагать на других, оставляя за собою только право милосердия". Государь должен действовать так, чтобы „народ был доволен и не очень угнетен", и чтобы это „не сильно раздражало" дворян. Поэтому хорошо организована Франция, где много „отличных учреждений, обусловливающих независимость и безопасность короля. Главнейшее из них—парламент"—„род посредствующего учреждения" [2]). Как видно, здесь Маккиавелли приходит к мысли о „посредствующих властях" („les pouvoirs intermédiaires") как необходимом элементе правильно организованной абсолютной монархии,—мысли, впоследствии так хорошо развитой и обоснованной Монтескье в его „Духе законов".

И новые задачи государства как организации, преследующей интересы общего блага, нашли свое выражение в труде Маккиавелли. Поэтому „государи должны выказываться покровителями доблести и талантов", „должны побуждать своих подданных к мирному производству всего полезного для страны как в торговле и земледелии, так и во всякого рода занятиях", „поощрять наградами всякое полезное изобретение и усовершенствование" [3]).

---

[1]) Там же, стр. 66, 69, 70, 71, 73, 74, 75.
[2]) Там же, стр. 79, 80.
[3]) Там же, стр. 97—98.

Такова в главных чертах теория монархии, развитая Маккиавелли. Но он был настоящий ученый, который поставил своей задачей такое же научное, об'ективное исследование и республики как государственной формы. Он сделал это в своем „Рассуждении о первой декаде Тита Ливия".

Характерно здесь прежде всего, что Маккиавелли признает повторяемость и, следовательно, закономерность общественных явлений: „часто", говорит он, „одинаковые явления замечаются у различных народов" [1]).

Отстаивая и для республик важность национальной религии и национальной армии [2]), Маккиавелли находит важные индивидуалистические или, если угодно, гуманистические аргументы в пользу республики при ее сравнении с монархией: „люди действуют или по необходимости, или по свободному выбору, и чем свободнее они в своих поступках, тем больше обнаруживается их достоинство"—таков первый аргумент; а вот второй: „толпа умнее и постояннее государя"; „недостатки, приписываемые писателями толпе, свойственны людям вообще и в особенности государям"; наконец, народы в выборе должностных лиц менее ошибаются, чем монархи [3]).

Маккиавелли был сторонником об'единения Италии и мыслил возможность такого об'единения с республикой. И потому он занимается вопросом о способах расширения республик и находит три таких способа: первый—соединение в союз равноправных республик, второй—союз, но одна из республик является главной по власти и по праву начинать общие предприятия, третий—приобретение одной республикой бесправных подданных. Из этих трех способов Маккиавелли отдает предпочтение второму, ниже ставит первый и всего ниже третий [4]).

Из технических и психологических замечаний Маккиавелли в „Рассуждениях о первой декаде Ливия" обращает на себя внимание прежде всего верное понимание относительного значения для того времени отдельных

---

[1]) Там же, стр. 215.
[2]) Там же, стр. 158, 180.
[3]) Там же, стр. 123, 253, 474.
[4]) Там же, стр. 279, 280.

составных частей постоянной национальной армии: он ставит в соответствии с военной техникой того времени, отражающей и общую технику и социальные отношения, на первый план пехоту, на второй кавалерию и утверждает, что артиллерия „вредит врагу только в начале боя“ и „для храброго неприятеля не страшна“ [1]). Психологически-тонки следующие замечания: „без силы и хитрости невозможно возвыситься из низкого состояния до высокого положения... Не думаю, чтобы для этого когда-либо оказалось достаточно одной силы; но хитрости одной достаточно“; „история убеждает нас, что смирение никогда не ведет к добру и, напротив, всегда вредит особенно в отношении людей высокомерных“ [2]).

Остается теперь, чтобы закончить характеристику итальянской литературы эпохи Возрождения, отметить то течение в художественной, изящной литературе, которое выразилось в поэзии Пульчи, Боярдо, Ариосто и Тассо. Эта поэзия представляет собою в процессе своего развития у поэтов, сейчас упомянутых, достижения конечных результатов поэтического творчества Возрождения, образование настоящей, уже окончательно сложившейся, устоявшейся дворянской литературы.

Первый момент этого процесса—поэма Пульчи „Морганте“. Герой этой поэмы—баснословный великан и силач Морганте, и сюжет ее сводится к приключениям этого силача и великана. Сюжет заимствован из народной поэзии [3]), но отношение к нему ироническое, как к шутке. Характерны и религиозный индифферентизм, без сатирического притом отношения к религии, и остроумие, живой и свежий дар повествования [4]), ясный дух классицизма и Возрождения.

Второй момент — „Влюбленный Роланд“ („Orlando innamorato“) Боярдо графа Скандиано. Здесь изображается перекрестная любовь Роланда, Анжелики, Ринальда и Феррагуса, война Градаса с Францией для завоевания ринальдова коня и роландова меча, поход сарацинского

---

[1]) Там же, стр. 314, 315.
[2]) Там же, стр. 300, 302.
[3]) *Монье,* Опыт литер. истории Италии, стр. 483, 485.
[4]) *Гаспари,* История итал. литературы, II, стр. 244, 247, 249.

короля Аграманта на Карла Великого. Это—роман фантастических приключений [1]), со множеством чар и фей [2]). Все герои „Orlando innamorato“—дворяне: умеют кланяться, танцовать, воевать, вести изящный разговор, влюблены, вежливы [3]). Основное чувство, всем движущее,—любовь [4]). В поэме изображено барское привольное житье. Цель автора—не поучение, а простое „развлечение“ [5]).

Та же легкая игра фантазии для развлечения культурного дворянского общества наблюдается в поэме Ариосто „Неистовый Роланд“ („Orlando furioso“). И здесь главная внутренняя психология любовной страсти и ревности, доведшей Роланда до безумия [6]). Это—собрание бесчисленных историй о славе и любви, рассказанных в тоне легкой и приятной веселости. Шутливые и трогательные эпизоды прихотливо чередуются между собою [7]). Все—и взгляд автора на любовь и его отношение к религии—пропитаны тонким и легким скептицизмом. С улыбкой на устах он замечает, что любовь и счастье и несчастье, и утверждает, что все же необходимо любить, а если любви нет, то лучше умереть; без брака нельзя понять истинной нежности,—вот почему попы, осужденные на безбрачие, так жадны и жестоки. О ересях и неверии Ариосто говорит без гнева, хотя сам верует вполне и традиционно [8]). Красоту он оценивает, как артист, и готов надругаться над нею, как эпикуреец [9]). Несколько характерных цитат дадут лучше всего понятие об этом эпикурейски-скептическом сибаритстве новых господ положения, столь ярко выраженном в поэзии Ариосто.

---

[1]) *Монье,* Опыт лит. истории, стр. 525, 528.

[2]) *Гаспари,* История итал. лит., II, стр. 254.

[3]) *Монье,* Опыт лит. истории, стр. 522.

[4]) *Гаспари,* Ист. ит. лит., II, стр. 254.

[5]) *Монье,* Опыт лит. истории, стр. 532, 534.

[6]) *Гаспари,* Ист. ит. лит., II, стр. 392.

[7]) *Trèverret,* L'Italie au XVI siecle, II, стр. 78, 80.

[8]) Там же, II, стр. 26, 29—31, 35, 39.

[9]) Там же, II, стр. 115.

Вот идеал жизни по описанию чародея Атланта:

„Чего не захотят,—все есть:
Наряды, пляски, пенье.
В пирах есть что попить, поесть;
Все нежит слух и зренье" [1]).

Легкое, игривое, эпикурейски-скептическое отношение к любви видно из таких, напр., стихов:

„Казнить бы непреклонных,
А не красавиц, что дарят
Отрадою влюбленных" [2]).

Если бы

Красавица и имела любовника,—
Не стал бы я ее винить,
Лишь было б это тайной" [3]).

Или:

„Инок мастер время проводить,
Чтоб лакомый кусок не упустить.
В гуллив м старце кровь заговорила" [4]).

Наконец:

„Чего Амур не натворит с душой,
Отдавшейся любовному задору,
Когда Роланд мог долг забыть святой
И преданность верховному синьору?" [5]).

Понятно, что всему этому игривому, легкому, легкомысленно-веселому любовному содержанию соответствовала и форма. Утверждая, что

„Эпоса велит наука,
Чтоб все менялось пестрой чередой" [6]),

поэт говорит о себе:

„Люблю хозяйничать стихами,
Как на игривых струнах музыкант" [7]).

---

[1]) *Ариосто,* Неистовый Роланд, песнь IV, перевод Раича.
[2]) Там же, песнь IV, перевод Раича.
[3]) Там же.
[4]) Там же, песнь VIII, перевод Уварова.
[5]) Там же, песнь IX, перевод Уварова.
[6]) Там же, песнь VIII, перевод Уварова.
[7]) Там же.

В сущности и самый поздний из всех этих эпических поэтов,—тот, которым закончился расцвет итальянской литературы эпохи Возрождения [1]), — Торквато Тассо был таким же галантным певцом любви, как Ариосто, и таким же — надо прибавить — мистическим романтиком, пасторальным сентименталистом, как Саннацаро и Гуарино. Сюжет его „Освобожденного Иерусалима“ — завоевание Иерусалима Готфридом Бульонским, но эти внешние рамки заполнены любовным содержанием, эпизоды галантной любви составляют в поэме длинный ряд, дают ей основной смысл. И это дополняется имевшей огромный успех драмой-пасторалью Тассо „Аминта“.

Переходя в сферу науки и ее развития, напомним, что уже социологические и политические труды Маккиавелли имели большое научное значение. Он был также историком Флоренции, и это роднит его с другим итальянским историком той эпохи—Гвиччардини. Основные достоинства исторических сочинений Гвиччардини—по истории Флоренции и истории Италии—состоят в точном и верном изображении событий во всех их конкретных подробностях и в таком же изображении людей. Гвиччардини сохраняет при этом замечательное беспристрастие [2]).

Но не только в области социологии, политики и истории делала успехи итальянская наука эпохи Возрождения. В 60-х годах XVI века появляются в Италии первые в Европе статистические сборники, составленные Сансовино и Ботеро. Не менее замечательны и успехи математики в Италии того времени. Николо Тарталья, самоучкой выучившийся латинскому и греческому языкам и математике, с 1535 года стал профессором математики в Вероне и дал впервые общее решение уравнений 3-й степени. Его соперник Кардано, профессор математики в Болонье, усовершенствовал это решение в 1545 году и впервые стал говорить об отрицательных и мнимых корнях квадратных и кубических уравнений

---

[1]) *Trèverret*, L'Italie au XVI siècle, I, стр. 23.

[2]) Там же, II, стр. 221, 233.

Ученик Кардано Феррари дал общее решение уравнений 4-й степени [1]).

Итальянский гуманизм завершился в области науки и философии появлением философского учения, которое его автор—Джордано Бруно—вывел из современных ему научных данных.

Джордано Бруно был типичным революционером мысли. Жизнь его—характерный образец борьбы за свободу научно-философского мышления. Он родился в 1548 г. в Неаполитанском королевстве в г. Ноле, недалеко от Везувия. По происхождению принадлежал к мелкой буржуазии и учился сначала в пансионе своего дяди—учителя в Неаполе. Для того, чтобы окончить свое образование и иметь досуг к самостоятельной научной и самообразовательной работе, достаточно обеспеченный материально, Бруно 14-ти лет от роду поступил в доминиканский монастырь и здесь изучил Эмпедокла, Платона, Аристотеля, Плотина, средневековую еврейскую Каббалу, Аверроеса, Фому Аквинского, немца Николая Кузанского. В 1572 г. он стал священником в небольшом городке. В это время он прочитал Коперника, познакомился с его гелиоцентрической теорией. Мысли, высказанные им в связи с этой теорией, повели к обвинению в ереси и заставили его бежать в северную Италию, сняв монашеское платье. Бруно жил сначала, постоянно переходя из города в город, в северной Италии, потом переехал в Женеву, познакомился там с кальвинистскими произведениями и, выступив против них, попал в тюрьму. Потом Бруно уехал во Францию, жил в Лионе, два года—с 1578 по 1580 г.—был профессором философии в Тулузе, но за борьбу против авторитета Аристотеля вынужден был удалиться из тулузского университета и в 1580—1582 годах жил в Париже в качестве вольного профессора [2]). В это время—в 1582 г.—им написано сочинение „О тенях идей" („De umbris idearum"). Нет сомнения, что здесь заметно влияние фило-

---

[1]) *Шереметевский,* Очерк истории математики в приложении к „Курсу высшей математики" Лоренца.

[2]) *Антоновский,* Джордано Бруно, Спб. 1892, стр. 11—24. *Веселовский,* Джордано Бруно: „Вестник Евр.", за 1871 г., кн. XII.

софских учений Платона и Плотина, но в то же время нельзя не отметить самостоятельного, критического отношения к этим философам, переработки их теорий в новую теорию познания, основой которой были внушены Коперником: Бруно признавал здесь внутреннее единство вселенной и эволюцию ее и делал гносеологический вывод отсюда, что разум познает истину в ее отражении [1]). Встретив и в Париже вражду и преследования правоверных католиков и защитников схоластически понимаемого Аристотеля, Бруно переехал в Лондон, был одно время профессором Оксфордского университета, откуда был удален за нападение на Птоломееву систему и написал в Лондоне в 1584 году три важнейшие свои сочинения—„О бесконечном, вселенной и небесных телах", „О причине, начале всего и едином" и „Об изгнании торжествующего зверя". Первое касалось космологии, второе метафизики, третье—этики [2]).

В космологии и метафизике он проводит принцип осносительности и единства мира, монизма. И материи и форме свойственны и пассивность и активность: это—первая мотивировка принципа „нет материи без энергии и нет энергии без материи". Едины и неорганический и органический миры. Вселенная—отражение единого начала—Божества. Но Божество Бруно—не личное, оно—сам мир в целом. Это—безличный пантеизм, предваряющий Спинозу. И этика Бруно поэтому не религиозная, а философская; основа нравственности—стремление к истине и к труду, имеющему в виду создание совершенной человеческой природы, которая дала бы человеку божественное всемогущество, опирающееся на знание истины [3]).

Из Англии Джордано Бруно, побывав опять в Париже, уехал в Германию, где жил последовательно в Майнце, Марбурге, Виттенберге, Праге, Франкфурте, читал лекции, устраивал диспуты, продолжал издавать новые сочинения, между которыми особенно замечательно

---

[1]) *Грот,* Дж. Бруно и пантеизм, М. 1885; *Антоновский,* Дж. Бруно, стр. 26.

[2]) *Антоновский,* Д. Бруно, стр. 27—38.

[3]) *Грот,* Дж. Бруно и пантеизм; *Веселовский,* Дж. Бруно: „Вест. Евр." за 1871 г., дек.; *Риль,* Дж. Бруно, Спб. 1903 г.

сочинение о монадах—бесконечно-малых единицах, из которых состоит мир (тут Бруно был предшественником Лейбница). Венецианский дож Мочениго вызвал его в Венецию и предал в руки инквизиции. Он был отвезен в Рим и там сожжен 17 февраля 1600 г.[1]). Философия Бруно имеет огромное значение в том смысле, что окончательно разрушает средневековое миросозерцание, сметает, напр., до конца астрологию. Кроме того, Джордано Бруно, как видно из сказанного, был предшественником ряда философских направлений XVII века, предварял в науке Галилея и даже предвосхищал некоторые важные выводы новейшей научной философии.

Те же процессы развития, которые происходили в итальянской литературе XVI века, заметны и в искусстве Италии того времени: и здесь религиозный уклон имел себе противовес в светском, почти языческом творчестве, а потом стал вырабатываться синтез.

Первыми типическими представителями религиозного направления в итальянской живописи раннего Ренессанса были Джантиле Фабриано и в особенности фра Джованни да Фьезоле, прозванный фра Беато Анжелико, т.-е. брат блаженный ангелоподобный. Наивная, детская вера, глубокий мистицизм[2]) и вместе редкая красота, изящество, нежность красок и контуров составляют отличительные черты творчества этих художников, особенно фра Беато Анжелико.

Сверхчувственная мистичность и религиозный символизм, усиливаемые цветами, легкими газовыми одеждами и усталой мечтательностью и тихой покорностью в выражении лиц[3]), отличали живопись Сандро Боттичелли в конце XV и начале XVI веков. Но у него были и новые мотивы: с одной стороны, аркадийско-буколические[4]), идиллические-сентиментальные, как у Саннацаро и его продолжателей в поэзии,—с другой—классические, античные, нашедшие себе выражение в картинах „Весна" и „Паллада"[5]). Под конец жизни Боттичелли под влия-

---

[1]) *Антоновский,* Дж. Бруно, стр. 43—72.
[2]) *Мутер,* История живописи, I, Спб. 1901, стр. 43, 46.
[3]) Там же, I, стр. 149, 152, 154—156.
[4]) Там же, I, стр. 129.
[5]) Там же, I, стр. 153.

нием Савонаролы выражает в своих произведениях тяжелые рыдания и мрачный драматизм [1]).

Савонарола говорил, что Мадонна стояла у креста одновременно и печальная и радостная, погруженная в тайну благости Божией. Это выразил в своей живописи Перуджино, современник Боттичелли, при чем он прибавил еще к этому нежные чары пейзажа и мечтательную грусть [2]).

Таковы были важнейшие представители религиозного направления в искусстве итальянского Возрождения, являющиеся параллелью гуманистически-христианским представителям литературы в роде Петрарки, Траверсари, Фичино, Пико делля Мирандола.

Эпикурейское, жизнерадостное настроение нашло себе выражение в XV веке в живописи Филиппо Липпи [3]), который, уйдя из монастыря и женившись на бывшей монахине, порвал с традициями своего учителя фра Беато Анжелико и отдался простейшим инстинктам, смотрел на жизнь чувственным взором, усвоил себе здоровое и веселое расположение духа, отличался беззаботным эпикурейством и тонким пониманием женского очарования [4]). Современник Липпи Паоло Учелло разработал на практике в своих художественных произведениях задачу изображения перспективы [5]) и тем обогатил живопись новым техническим приобретением, открывшим дорогу реализму или натурализму. В то же время Андреа дель Кастаньо содействовал тому же торжеству реализма введением в живопись психологического анализа, индивидуализма, изображения характеров [6]), а Пьеро делля Франческа был первым великим реалистом,—писал батальные картины, являлся мастером изображения открытого воздуха (plein air) и нагого тела [7]).

---

[1]) Там же, I, стр. 158.

[2]) Там же, I, стр. 178—179.

[3]) Его надо отличать от Филиппино Липпи, его сына, усвоившего много религиозных мотивов в своей живописи.

[4]) *Мутер*, История живописи, I, стр. 78, 79.

[5]) Там же, I, стр. 69.

[6]) Там же, I, стр. 74.

[7]) Там же, I, стр. 85.

В том же направлении технических изображений работал во второй половине XV века Андреа Мантенья. Идя по стопам Учелло, своего учителя, Мантенья до конца разрешил перспективную задачу, написав на плафоне, потолке круглой залы, увенчанной куполом, в увеселительном дворце герцога мантуанского небо, над карнизом баллюстраду и несколько выглядывающих из-за баллюстрады лиц.

Но Мантенья замечателен не только этим, а и тем духом гуманизма и античности, которым он пропитан. Он—эллин-классик и первый изобразил нагое тело в движении [1]).

Конец XV и начало XVI веков дали одного из величайших гениев в искусстве и науке—Леонардо да Винчи [2]). В живописи он—психолог, мастер светотени и основатель учения о композиции [3])—цельном и стройном плане картины, где не было бы ничего лишнего. Не только лица, даже руки тех, кто изображен на его картинах, психологически красноречивы [4]). Известна та психологическая глубина и выразительность, какою отличается знаменитая картина Винчи „Тайная вечеря". Картина изображает то впечатление, какое произвели на учеников слова Христа, что один из них предаст его. Впечатление потрясающее и выражено гениально. Одни вскочили и бросились к учителю с вопросом—„кто?" „не я ли?" Другие в изумлении и ужасе привстали и тянутся вперед. Третьи выражают—каждый по своему—преданность учителю. Четвертые, как Иаков, со скорбным недоумением и отчаянием, разводят руками. Фома не верит и делает отрицательный жест руками. Особенно замечательна ближайшая к Христу по правую его сторону группа троих учеников—Иоанна, Петра и Иуды: Иоанн со скорбью склонился к Петру, Петр порывисто привстал и спрашивает, Иуда отшатнулся, пораженный, но уже готовый на предательство. Лицо учителя дышит уверенностью и кротостью и кажется внешне-спокойным с едва замет-

---

[1]) Там же, I, стр. 104, 105.
[2]) См. о нем *А. Волынский,* Леонардо да Винчи.
[3]) *Мутер,* Ист. живописи, I, стр. 208.
[4]) Там же, I, стр. 209.

ным оттенком скорби; глаза опущены долу, но чувствуется, что, если бы он поднял их, в них горели бы скорбный укор и вместе готовность к страданиям.

Как художнику-психологу Леонардо да Винчи превосходно удавались также портреты. Лучший из них— „Мона Лиза Джоконда", изображающий молодую женщину не то с улыбкой на губах, не то с каким-то особым выражением лица, похожим на улыбку,—скорее последнее. Но вовсе не радость или веселье выражает это лицо: чувствуется что-то нежное, глубокое и вместе страстное и чувственное в этом удивительном портрете. Есть такие женщины: чистые и вместе вакханки. Кажется, что Леонардо, рисуя портрет любимой им женщины, вместе с тем изобразил тут и свой идеал женщины, свое понимание того, чем особенно дорога женская натура.

Леонардо был также превосходным рисовальщиком [1]). Но он являлся, кроме того, настоящим гуманистом и притом обладал творческим даром не только в искусстве, но и в науке. Это был действительно мировой и притом разносторонний гений, во многом опередивший свое время и далеко не вполне оцененный современниками, которые, впрочем, преклонялись перед его художественным дарованием и ученостью. В своей личности он воплощал идеал всесторонне и гармонически развитого человека [2]).

Предваряя Бэкона и Декарта, Леонардо да Винчи указал на опыт, как исходную точку естествознания, и на математическую форму, как заключительную стадию знания природы. Он имел обширные математические сведения: ввел буквенные алгебраические обозначения, знаки плюс и минус, геометрическое построение, доказывал невозможность квадратуры круга, определял поверхность как предел тела, линию как предел поверхности. Леонардо отрицал все сверхестественное, чудесное, стоял за всеобщую закономерность. Он отвергал perpetuum mobile за 350 лет до того, как это было сделано окончательно Майером и Гельмгольтцем. В меха-

---

[1]) *Сэйль*, Леонардо да Винчи, стр. 56.
[2]) *Волынский*, Леонардо да Винчи, Спб. 1902

нике Леонардо предварял выводы Галилея, Ньютона и Стевина. На 100, 200, 300 лет ранее других он открыл законы механики жидкостей, гидравлики, трения, определение света и звука как волнообразного движения. Определил шарообразную форму земли и до Коперника признал гелиоцентрическую теорию. Леонардо отрицал геологические катастрофы, предупреждая здесь выводы Ляйеля в XIX веке. Он вывел в ботанике закон спирального расположения листьев на стебле, занимался анатомией, изобретал летательный аппарат [1]).

Чтобы закончить речь о художниках второго, светского, эпикурейского, гуманистически-реалистического направления, остается отметить еще двух венецианцев—Джорджоне и Тициана Вечелли—и, наконец, Микель Анджело Буонаротти.

Чувственная жизнерадостность, галантность [2]) и вместе романтизм, живой и бурный порыв вперед, к новому, свежему, молодому отличали Джорджоне.

Тициан был близким другом гуманистов—поэтов и ученых—и в своем доме в Венеции устраивал оживленные собрания для гуманистических бесед. Конечно, это сильно влияло и на его живопись. В ней Тициан стремился выразить главным образом сильные и яркие чувства, был могуч и величав, патетически драматичен [3]). Для того, чтобы усилить впечатление, Тициан прибегал очень часто к контрастам. Так, в картине „Монета кесаря", где изображены по пояс две фигуры—фарисея, протягивающего Христу золотую монету с вопросом, надо ли платить дань кесарю, и Христа, дающего ему известный ответ—„отдавайте кесарю кесарево, а божие Богу", художник хотел сосредоточить все внимание зрителя на духовной противоположности между этими двумя лицами. Поэтому он не изобразил никакой внешней обстановки и одел Христа и фарисея в одинаковую одежду. Зато получился поразительный контраст между спокойствием несокрушимой и великой мысли и чистоты в лице

---

[1]) *Столетов,* Общедоступные лекции и речи, М. 1902, стр. 240—257; *Duhem,* Etudes sur L. da Vinci, 3 тома, P. 1906—1913.

[2]) *Мутер,* История живописи, II, Спб. 1902, стр. 15, 17, 18.

[3]) Там же, II, стр. 35, 36.

Христа и хитрым, уверенным в торжестве, лицемерным фарисеем. Знатоки отмечают еще одну подробность, служащую той же цели выразить контраст чувств,—противоположность между легкой и нежной рукой Христа и сухой, мускулистой рукой фарисея [1]).

Тициан писал также батальные и мифологические картины и особенно замечателен был как портретист. На портретах он придавал людям величие: таков был его портрет Карла V; он писал также „гордую пышность созревшей женщины“ [2]).

Главной отличительной особенностью художественных форм у Тициана сообразно той цели, которую он себе ставил, был сильный и горячий колорит, поражающий внимание зрителя. Он отличался и смелостью композиции, что также было в согласии с его основной художественной задачей. Но зато рисунок его был не всегда хорош и правилен, контуры предметов не всегда были определенны и верны. Как рисовальщик Тициан был далеко ниже Леонардо да Винчи. Нетрудно понять, что нетерпеливая страсть, избыток чувства, водившие кистью художника, и здесь сказались очень сильно, мешая ему совершенствовать технику рисунка.

Микель-Анджело Буонаротти как живописец не может быть понят вне внимания к его главной работе—ваятеля. Поэтому удобнее отложить рассмотрение его художественной деятельности до общей характеристики итальянской скульптуры эпохи Возрождения.

Как и в литературе,—и в живописи наступила, наконец, пора синтеза, слияния двух противоположных направлений, выработки той золотой середины, которая окончательно должна была удовлетворить вкусам новых господ положения. В выработке этой золотой середины был известный процесс, представителями отдельных моментов которого являлись Рафаэль, Корреджио и Карраччи.

Рафаэль Санцио был настоящим сыном своего века. Он обладал большим эстетическим вкусом, стремлением к изяществу и красоте, весь проникнут был жаждой

---

[1]) „Картинные галлереи Европы“ за 1863 г., стр. 14.
[2]) *Мутер,* Ист. живописи, II, стр. 40, 42.

наслаждений и роскоши, потерял ту наивную, простодушную веру, которая отличала прерафаэлитов—Боттичелли, фра Беато Анжелико и др. У него заметно соединение всех стилей XVI века [1]). В „Диспуте об евхаристии“ видно религиозное настроение—покорность воле божией, одухотворенный экстаз, жажда самопожертвования [2]),—все в стиле Перуджино [3]) с оригинальными, само собою разумеется, изменениями, с углубленной переработкой. В „Афинской школе“ проявляется рационализм и глубина Леонардо да Винчи [4]). Есть влияния античности, Микель-Анджело и т. д. [5]). В картинах Рафаэля все изящно, тонко, красиво. Он умел придавать своим Мадоннам, особенно знаменитой Сикстинской Мадонне, выражение необыкновенной чистоты и кротости с оттенком скорбного, грустного выражения, вызываемого как бы предвидением будущей судьбы ее сына. Та же чистота и кротость обыкновенно выражаются и на лице младенца Иисуса. В Сикстинской Мадонне лицо Христа, особенно его глаза, отличаются глубокой, недетской серьезностью.

В живописных формах Рафаэль достиг большой высоты. Он—превосходный рисовальщик: у него господствует свобода штриха и чистота контура [6]), рисунок отличается правильностью, чистотой, изяществом, колорит свеж и нежен [7]). На всем исполнении лежит печать изящной идеализации, прикрашивания действительности; Рафаэль „старается скрывать под поэтическими формами все жалкое и презренное в человеческой жизни“ [8]). Все это создавало предпосылки того искусства, которое приходилось как раз по вкусу новому дворянству и богатой торговой буржуазии, к этому дворянству близкой по положению. Это тем более, что у Рафаэля над чув-

---

[1]) Там же, II, стр. 70.
[2]) *Мюнц,* Рафаэль, стр. 35.
[3]) Там же, стр. 13.
[4]) Там же, стр. 37.
[5]) *Мутер,* Ист. живоп., II, стр. 75.
[6]) *Мюнц,* Рафаэль, стр. 16.
[7]) *А. фон-Фрикен,* Итал. искусство в эпоху Возрождения, ч. III. М. 1897, стр. 327.
[8]) *Мюнц,* Рафаэль, стр. 58.

ствами в конце концов преобладал рассудок [1]), вводивший чувства в нормальные пределы, создававший душевное равновесие: здесь уже ощущалось приближение победы дворянства, достижение полного равновесия.

Основная тема живописи Корреджио—радость и наслаждение жизнью; основной тип в его картинах—женская и детская, цветущая, юношески-радостная жизнь. Нет у него никаких религиозных сомнений [2]). Под конец жизни—в таких картинах, как „Школа Амура", „Даная", „Ио", „Леда", особенного преобладания достигло эротическое настроение [3]). Корреджио—мастер красок [4]), яркий колорист, умевший придавать оттенкам, переходам красок, светотени какую-то особую таинственность. Один из ярких образцов его живописи—„Кающаяся Магдалина". Изящная нежность изображения достигла здесь величайшей высоты и совершенства. Магдалина, изображенная в виде красивой молодой девушки, лежащей перед раскрытым Евангелием, производит впечатление чистоты и невинности, необычных для недавней грешницы. Идеализация здесь сказывается в сильнейшей степени, но, повидимому, это и нравилось всего более ценителям искусства того времени.

Корреджио чрезвычайно усердно изучал поэтому наиболее талантливый из трех братьев Караччи-Аннибал, настоящий основатель дворянской классической живописи. Здесь предания Рафаэля и Корреджио были сведены воедино, отлились в законченную форму. Сохранена была идеализация в ее высших, когда-либо достигнутых формах.

В итальянской скульптуре эпохи Возрождения наблюдается тот же переход к гуманистическому индивидуализму и натурализму, как в живописи, и заключительным моментом является опять-таки, как и в живописи, изящество и условная идеализация, любезные сердцу нового дворянства.

Прогресс здесь начался в первой половине XV века с Гиберти, создателя бронзовых дверей баптистерия во

---

[1]) Там же, стр. 35; *Мутер*, Ист. иск., II, стр. 71.
[2]) *Meyer*, Correggio. Leipz, 1891, стр. 276.
[3]) *Мутер*, Ист. живоп., II, стр. 20, 26.
[4]) *Meyer*, Correggio, стр. 293 и сл.

Флоренции [1]). Здесь много еще отстатков старой готической скульптуры, но реализм и изящество пробиваются и придают всему произведению Гиберти новый характер.

Младший современник Гиберти Донателло пошел далеко вперед, создал в скульптуре целый переворот. Он заимствовал из древне-эллинской скульптуры, у Поликлета прием, сущность которого сводится к тому, что одна нога статуи служит опорой, а другая—свободна, почему оживает все тело, приходят в движение все мускулы. В своей статуе св. Марка Донателло впервые воспользовался этим приемом [2]). Высшее его произведение—св. Георгий. Здесь проявился ярко индивидуализм: Георгий имеет лицо, полное энергии и одухотворенное; он—храбр, но знает и трезво оценивает и опасности, и силу случая; в позе чувствуется несокрушимая мощь; в этой статуе выразился смысл Возрождения—начало освобождения личности [3]). Верхом реалистической выразительности являются у Донателло также статуя флорентинца Цуккони и статуя кающейся Магдалины,—страдающей, безобразной, оборванной [4]). Донателло ввел в пластику психологический анализ, изображение характеров, новой души [5]) через посредство тела во всей его реалистической пластичности.

Дело Донателло продолжал Вероккио, главным произведением которого, полным психологической глубины, выражающим жажду славы, власти, господства, является конная статуя кондотьера Коллеони [6]).

Вероккио был учителем гениального Микель-Анджело Буонаротти,—скульптора, живописца и архитектора. Ваяние составляло, однако, настоящую родную стихию Микель-Анджело. Он мечтал о свободе Флоренции, но мечты его рассыпались в прах. Личная его жизнь сложилась неудачно. Поэтому в его произведениях гигантские нагие тела говорят только о мучениях одинокой,

---

[1]) *Байе,* История искусств, стр. 142.
[2]) *Горбов,* Донателло, М. 1912, стр. 37.
[3]) Там же, стр. 39—40.
[4]) Там же, стр. 47, 155—156.
[5]) *Мутер,* Ист. живоп., I, стр. 72—73.
[6]) *Байе,* История искусств, стр. 143.

измученной человеческой души [1]). Творчество его полно страсти [2]), гнева, озлобления [3]), он — певец мощи и скорби [4]). В его статуе Моисея изображена необ'ятная сила, голова—полна огня, лоб, глаза, все лицо выражают готовность действовать с нечеловеческой энергией [5]). Мировая скорбь—один из основных мотивов Микель-Анджело, он создал ряд символов страдающего человечества [6]). Для его живописи, по существу преследующей скульптурные задачи, характерен его „Страшный суд". Цель здесь заключалась в том, чтобы дать впечатление действительно страшного, грозного суда. Поэтому Христос изображен в виде какого-то сурового, величественного, скорее всего языческого бога. Поэтому же вся эта огромная картина с сотнями фигур окрашена в серый колорит: художник не хотел яркого освещения, которое рассеяло бы впечатление смутной и тяжкой тревоги, страха и гнева, мучительного озлобления, избегал и ярких, цветных пятен, способных отвлечь внимание от целей на отдельные частности. Таким путем великий художник достиг своей цели. Выразительностью картина отличается огромной и не только в целом, но и в отдельных частях. Особенно поразительно это бурное низвержение озлобленных и мучительно страдающих грешников вниз, в бездну.

В эпохи великих революций отдельные культурные достижения доходят нередко до чрезвычайной высоты, предвосхищают далекое будущее. Предшествующее изложение дает тому достаточно примеров. Но конечный результат всегда приспособляется к вкусам торжествующих победителей, оказывающихся у власти с окончанием революции. Так случилось и в итальянской скульптуре эпохи Возрождения. Ваятель XVI века Бенвенуто Челлини создал в своих произведениях, напр., в „Персее", chef d'oeuvr'ы красоты, изящества и настоящие чудеса

---

[1]) *Мутер,* Ист. жив., II, стр. 56; *Р.-Роллан,* Микель-Анджело.
[2]) *Реймон,* Микель-Анджело, стр. 23.
[3]) *Мутер,* Ист. живоп., II, стр. 63.
[4]) *Реймон,* Микель-Анджело, стр. 30.
[5]) *А. фон-Фрикен,* Итал. иск. в эп. Возр., III, стр. 111.
[6]) *Реймон,* М.-Анджело, стр. 33; *Ромен-Роллан,* М.-Анджело

техники [1]). Но простота, страсть, титанические порывы исчезли. Их заменила изящная идеализация, проникнутая духом нового, дворянского классицизма.

В архитектуре итальянского Ренессанса переворот ярче всего выразился в творчестве Брунеллески в первой половине XV века. Брунеллески — создатель простого, чистого и благородного архитектурного стиля. В его произведениях сказался и античный классицизм. Он создал купол флорентинского собора, церковь С.-Лоренцо и часть дворца Питти во Флоренции [2]). Законченный классицизм в зодчестве сложился в XVI веке в творчестве архитекторов Браманте и Перуцци в Риме, Джулио Романо в Мантуе и Сансовино в Венеции [3]). В общем в архитектуре Возрождения имеется комбинация антика с готикой для достижения пропорциональности целого; цель здесь опять-таки изящество, отрадная картина для глаз [4]).

В итальянской музыке эпохи Возрождения различаются две главные школы—венецианская и римская. Венецианская школа пошла от пребывавшего в Италии в начале XVI в. голландца Виллаэрта и его ученика Царлино, который, впрочем, был главным образом теоретиком [5]), но также сочинял, вслед за Виллаэртом, мадригалы — светские лирические стихотворения любовного или пастушеского содержания [6]). Но особенно замечательны в этой школе двое Габриэли—Андреа и его племяник Джованни. Андреа Габриэли развил с блеском и эффектами двуххорную и многохорную музыку Виллаэрта [7]). А Джованни Габриэли был настоящим Тицианом в музыке. Он достиг высшего совершенства в многохорной музыке, музыкальный колорит его отличался необыкновенной яркостью, блеском и роскошью [8]), он воз-

---

[1]) *Байе,* Ист. иск., стр. 163.

[2]) Там же, стр. 142.

[3]) *Каррьер,* Искусство в связи с общим развитием культуры, т. IV, стр. 63—64.

[4]) Там же, IV, стр. 56—57.

[5]) *Размадзе,* Очерк истории музыки, ч. 2, стр. 85.

[6]) *Науман,* Иллюстр. история музыки, II, стр. 93—94.

[7]) Там же, стр. 189; *Саккетти,* Краткая историческая музыкальная хрестоматия, Спб. 1900, стр. 89.

[8]) *Саккетти,* Крат. ист. музык. хрестом., стр. 89.

высил до настоящего стиля соединение вокальных и инструментальных сил [1]).

Гениального в своей ясности, простоте и чистоте Палестрину справедливо сравнивают с Рафаэлем [2]). Глубоко изучив технику контрапункта, Палестрина достиг вершины полифонической виртуозности. Особенно замечательны его три мессы, написанные по поручению Тридентского собора. Возвышенная простота, преобладание простых аккордов соединяется здесь иногда с полифонической сложностью. Все проникнуто глубокой религиозной экспрессией [3]).

Синтезом, конечным результатом музыкальной эволюции XVI века была опера. Первыми операми были две оперы Пери в конце XVI века—„Дафне" и „Эвридика". Первоначальный состав этого нового вида музыкального творчества сводился к хору, речитативу, в лирических местах переходившему в ариозо, и ритурнелям в промежутках между хорами и речитативами; установлена была связь между вокальной и музыкальной композицией, и потому задача инструментальной музыки стала шире [4]).

---

[1]) *Науман,* Иллюстр. история музыки, II, стр. 191.
[2]) *Саккетти,* Краткая историческая музык. хрестоматия, стр. 74.
[3]) Там же, стр. 82—83.
[4]) *Размадзе,* Очерк истории музыки, часть 3, стр. 9, 11, 13.

II.

Германия с половины XV до половины XVII в.

Германия, подобно Италии, являла собою в период дворянской революции тоже пример отсталой страны, не завершившей политического об'единения.

Основной причиной этой политической отсталости была отсталость экономическая. Мы наблюдали ее уже в XIV и первой половине XV века [1]). То же надо сказать и о времени с половины XV до половины XVII столетия.

Прежде всего на Германию, как и на Италию, повлияло перенесение центра тяжести мировой торговли с внутренних морей—Средиземного и Балтийского—на океан—в Атлантику. Торговая конкуренция Испании, Португалии, потом Нидерландов, Англии, наконец, Франции погубила не только обломок феодального хозяйства Ганзу, но и более современных капиталистов южной Германии- Вельзеров, Фуггеров и им подобных.

В XVI в. эти крупные капиталисты еще могли организовать основы немецкого торгового капитализма, они монополизировали всю немецкую торговлю в своих руках. Капиталы Фуггеров достигли 63 миллионов гульденов, и они держали тогда в руках своих горное дело—добывание металлических руд—не в одной Германии—Каринтии, Тироле, Тюрингене,—но и в Венгрии и даже в Испании [2]). Вельзеры имели свои конторы в Риме, Милане, Антверпене, Лиссабоне, на острове Мадере [3]). Торговые прибыли иногда были колоссальны: бывали

---

[1]) См. том третий, глава седьмая, VII, стр. 212—214.

[2]) *Бецольд*, История реформации в Германии, т. I, Спб. 1900 г., стр. 35.

[3]) Там же, стр. 34.

случаи, когда за семь лет капитал возрастал в 49 раз [1]); экспедиция Вельзеров, Фуггеров и их компаньонов в Индию в 1505 году дала 175% прибыли [2]). Росту торгового капитализма в Германии XVI в. содействовали и кредитные операции церковных учреждений, устанавливавших умеренный рост при займе в 7—10 процентов [3]). В 1559 г. был издан имперский монетный устав, утвердивший единую германскую монету [4]). Был ряд крупных торговых центров, как Любек, Кёльн, Ахен, Страсбург, Аугсбург, Нюренберг [5]), важное значение имели ярмарки, особенно в Лейпциге и Франкфурте на Майне даже и в XVII веке, существовала и промышленность—оружейная в Нюренберге, ткацкая в Страсбурге, льняная в Силезии, полотняная в Констанце и Регенсбурге, бумазейная в Ульме, суконная в Цвиккау [6]).

Но как ни значительны и несомненны были эти признаки наступления торгового капитализма в Германии XVI века, они уже и тогда имели свою оборотную сторону, которая в XVII столетии проявилась с особенною яркостью и обличила хозяйственную отсталость Германии сравнительно с другими, более передовыми странами Западной Европы.

Отсталость выразилась прежде всего в том, что в сущности в Германии так и не сложился единый национальный рынок: монетное единство на деле далеко не осуществилось [7]), мера и вес были в высшей степени разнообразны [8]), рост нередко доходил до огромных размеров от 33 до 86% [9]), косвенные налоги создавали за-

---

[1]) Там же, стр. 34.

[2]) *Зомбарт*, Современный капитализм, I, стр. 235; о Фуггерах см. еще *Ehlenbeng*, Das Zeitneter der Fugger.

[3]) *Бецольд*, Ист. реформ. в Германии, I, стр. 33.

[4]) *Ritter*, Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjährigen Krieges, I B., Stutgart, 1889, стр. 15; II B., Stuttg. 1895, стр. 460.

[5]) Там же, I, стр. 12.

[6]) Там же, I, стр. 12; *Kostlin*, Martin Luther, I, стр. 520; *Кулишер*, Лекции по истории нар. хоз. в З. Евр., стр. 299, 301, 323.

[7]) *Ritter*, Deutsche Gesch. im Zeit. der Gegenref, II, стр. 460.

[8]) См. об этом 11-й пункт Гейльброннской программы восставших крестьян.

[9]) *Бецольд*, Ист. реф. в Германии, I, стр. 33.

труднения в торговле [1]), а иммунитеты, особенно многочисленные у духовенства [2]), влекли за собою тяжелое положение финансов и страшную задолженность князей и самого императора [3]), революция цен [4]) приводила кустарей и ремесленников — всех этих суконщиков, бумазейщиков, оружейников, ткачей, металлистов в состояние крайней нищеты, крестьяне находились в страшной задолженности и бедности и не имели собственности [5]), немецкая феодальная аристократия—князья—оказывались совершенно неприспособленными к условиям торгового капитализма [6]), господствовало старое крепостное право, наконец, разорился и тот тонкий слой крупных капиталистов, который лишь поверхностно прикрывал обедневшую массу: Вельзеры обанкротились в 1614 году, немного спустя испытали конечный крах и Фуггеры; и те и другие не могли вынести конкуренцию своих более счастливых и приспособленных к обстоятельствам противников из Англии, Нидерландов и Франции.

Конечно, это не помешало все-таки утверждению торгового капитализма в Германии XVII века. Но он был капитализмом, разбитым хотя на крупные, но все же местные рынки, не был рассчитан на рынок национальный. Разумеется, это не мешало князьям, распространявшим свою власть на территории этих рынков, развивать политику меркантилизма. Особенное значение в XVII веке на мировом рынке приобретает вывоз немецкого — восточно-германского, за-эльбского — хлеба заграницу.

При свете этих данных, характеризующих историю хозяйства в Германии, понятным становится и то сочетание общественных сил, которым определилась социальная, политическая и культурная история Германии в XVI и первой половине XVII в.

---

[1]) Там же, I, стр. 504.

[2]) Там же, I, стр. 504.

[3]) Там же, I, стр. 418—419; *Ritter*, D. Gesch., II, стр. 463, 465.

[4]) *Ritter*, Deut. Gesch., II, стр. 463; *Wiebe*, Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Iahrh.

[5]) *Bezold*, Geschichte der deutschen Reformation, II, Berl. 1890, стр. 45?.

[6]) Там же, II, стр. 421.

В этой истории надо различать три момента: первый—вторая половина XV в. и начало XVI, второй—XVI столетие, третий—первая половина XVII века. Каждый мы рассмотрим особо в социальном, политическом и культурном отношениях.

Мы кончили обзор истории Германии в позднее средневековье царствованием императора Сигизмунда, закончившимся в 1437 году, причем видели в свое время, что две силы, способные создать политическое единство Германии, — рыцарство и города — оказались слишком слабыми, чтобы произвести реальные перемены в государственном строе страны, уничтожить княжескую и епископскую, в особенности курфюрстскую, олигархию [1]). Император Фридрих III (1439 — 1486) сам был местным князем в своих габсбургских владениях почти исключительно, и все его противодействие олигархии курфюрстов состояло в том, что он поддерживал феодальные привилегии величайшего противника курфюрстов—римского папы.

Император Максимилиан I (1486 — 1519) попытался дать известный вес государственным началам в остававшейся попрежнему почти исключительно феодальной императорской власти. Он добился установления на вормсском сейме 1495 года нового общего налога, поступавшего в имперскую казну, провел постановление о земском мире и учредил в своих наследственных владениях постоянное войско, наконец, учредил придворный совет для обсуждения всех имперских дел из лиц, назначенных императорской властью [2]).

Но эти меры встретили противовес со стороны князей, главным образом курфюрстов. Чтобы укрепить свое положение, князья привлекли к представительству в имперском сейме с 1489 года имперские города. Сейм стал состоять из трех особых советов или собраний: 1) собрания курфюрстов, которых было семь (архиепископы: майнцский, трирский и кёльнский и светские курфюрсты—чешский, пфальцский, саксонский и бранденбург-

---

[1]) См. том III, глава седьмая, VII.

[2]) *Бецольд*, История реформ., I, стр. 67—75; *Ritter*, Deutsche Gesch im Zeit. der Gegenref., I, стр. 15 и след.

ский); 2) собрания князей, которых было 80—30 светских и 50 духовных; 3) собрания представителей имперских городов, которых впоследствии при Карле V считалось 66, причем города эти, не считая 11-ти отдельно стоявших, делились на четыре союза—швабский (32 города во главе с Ульмом), эльзасско-рейнский (13 городов во главе со Страсбургом), франконский (6, главный Нюренберг) и веттерауский (4, главный Франкфурт). Имперские рыцари в сейме не участвовали. Император был в двойной зависимости—во-первых, от курфюрстов, во-вторых, от сейма. От курфюрстов он зависел потому, что выбирался ими, заключал договоры с иностранными державами не иначе как с согласия курфюрстов и не мог собрать сейм без их согласия, причем собрание курфюрстов созывалось архиепископом майнцским без согласия императора. От сейма император зависел в том отношении, что без сейма он не мог об'являть войну, издавать законы, назначать налоги и собирать войско. Кроме того, на сейме 1495 года курфюрсты провели учреждение имперского суда из 24-х членов и председателя, причем председателя и 6 членов назначал император, 6 членов назначались курфюрстами и 12 сеймом [1]).

Ограничивая императорскую власть, препятствуя прочному политическому об'единению Германии, не допуская императорского самодержавия, князья имели успех вследствие той хозяйственной отсталости, которою отличалась Германия. И в то же время и по той же причине им удалось достигнуть самодержавия в своих княжествах, в которых сложились свои обширные рынки. Еще золотой буллой Карла IV в 1356 году было установлено единонаследие княжеских владений [2]), упрочившее их единство и силу. Затем князья в своих владениях начинают борьбу со своими сеймами (ландтагами), феодальными сословно-представительными собраниями, подобными имперскому сейму (рейхстагу), за суверенитет—право обложения налогами без согласия сейма, об'явления войны и заключения мира и проч.—и в XV в. одер-

---

[1]) *Ritter*, Deutsche Gesch. im Zeit. der Gegenref., I, стр. 10—17.

[2]) *Бецольд*, Ист. реф., I, стр. 54.

живают над ними победу [1]). Наконец, по договорам с папой они являются главами церкви в своих владениях [2]). В общем абсолютизм князей к концу XV века сделал уже большие успехи.

Имперское рыцарство было слабо, и многие из его среды владели ленами от князей [3]), т.-е. более подчинены им. Рыцари княжеских владений, вассалы князей, служили опорой княжескому самодержавию, как и не имперские города: и те и другие были слишком тесно связаны с интересами местного хозяйства, чтобы не содействовать князьям, местным его организаторам, а стремиться к национальному политическому об'единению. Впрочем, все же и в среде рыцарства и между горожанами росла и крепла оппозиция княжескому сепаратизму: часть городов и рыцари швабские, франконские и рейнские добились подчинения прямо имперскому суду [4]); в памфлете XV в. „Реформации императора Сигизмунда" проводилась идея поддержки императорской власти городским сословием [5]). Наконец, рыцарство и горожане были социальной средой, питавшей немецкий гуманизм.

Всего тяжелее было положение крестьянства, закрепощенного и угнетенного, причем крепостное право часто принимало суровый личный характер [6]). Оно реагировало против этого уже в XV в. восстаниями, сектантскими движениями и памфлетной литературой: так называемая „Реформация императора Фридриха III", памфлет 40-х годов XV в., призывала крестьянство к поддержке императорской власти и к борьбе за уничтожение крепостного права и против тяжести оброков и барщины [7]).

Зародыши немецкого гуманизма в XV веке, связанные с образовательным влиянием шедших из Нидерландов „братств общей жизни" и с механическим, рабским по-

---

[1]) Там же, I, стр. 29.
[2]) Там же, I, стр. 92.
[3]) *Ritter*, Deutsche Gesch. im Zeit. der Gegenref., I, стр. 13.
[4]) *Бецольд*, Ист. реф., I, стр. 29.
[5]) *Бауер*, Лекции по новой истории, т. I, Спб. 1886, стр. 334.
[6]) См. в особенности третью статью в „Програме двенадцати статей".
[7]) *Бауер*, Лекции по новой истории, I, стр. 263—299, 334.

дражанием итальянским гуманистам,—такие, как Лудер, Лихтенбер, Гостемброт, Геммерлин и др.,—были большею частью малоталантливы и маловлиятельны [1]). Из предшественников гуманизма в Германии заслуживает внимания только Николай Кузанский.

Он учился в Италии и умел самостоятельно относиться к своим учителям, выработал себе стройное мировоззрение, сделавшее его предшественником гуманизма и реформации в Германии. В религии он был за реформу — и за углубление религиозного чувства и сознания, и за реформу нравов духовенства, в особенности монашества. Будучи кардиналом и председательствуя в 1451 г. в Германии в качестве папского легата на соборе в Зальцбурге, он провел реформу монастырей [2]). Как ученый он отличался критическим направлением: отвергал лжеисидоровы декреталии и высказывался за движение земли вокруг своей оси, изучал римских и греческих писателей, знал древних философов и средневековых мистиков [3]). Он был также немецким патриотом, сторонником политического об'единения Германии под самодержавною властью императора, опорой которой должна была, по его мнению, служить национальная армия [4]).

В истории немецкого гуманизма в его более или менее сложившемся уже виде можно различить те же две струи, какие были замечены в истории гуманизма итальяского: христианский гуманизм и гуманизм чисто-светский.

К числу христианских гуманистов принадлежит прежде всего Яков Вимпфелинг (конец XV и первая четверть XVI веков): истинная наука, по его мнению,—соединение богословия и поэзии; поэтому поэт должен быть христианским поэтом [5]).

Современник Вимпфелинга, Себастьян, Брант, высказывался за догмат непорочного зачатия богоматери, признанный Базельским собором, особенно почитал ма-

---

[1]) *Гейгер*, История немецкого гуманизма. Спб. 1899, стр. 7—12.
[2]) *Pastor*, Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters, I B., Freib. im Breisgau, стр. 349.
[3]) *Гейгер*, История нем. гуман., стр. 14—15.
[4]) *Бецольд*, Ист. реф., I, стр. 53, 74.
[5]) *Гейгер*, Ист. нем. гум., стр. 51—55.

донну и вообще был очень набожен. В своем главном сочинении „Корабль дураков“ Брант обличал главным образом знать, чванство древностью рода [1]). Третий и четвертый представители того же течения в Германии— Пейтингер и Шедель,—при своих христианских убеждениях, являлись также учеными, исследовали монеты, древности, акты, составляли хроники [2]).

Переходным звеном от христианского гуманизма к светскому, мирскому был Пиркгеймер, также современник всех выше перечисленных представителей немецкого гуманизма. Он был богат, хорошо образован, изучал в Италии право и гуманизм, много путешествовал, был городским советником, не раз бывал послом. Как и Пейтингер, он был дипломат, историк и богослов, но выше, талантливее его. Кроме того, по миросозерцанию своему это был веселый философ, остроумный и жизнерадостный. Он перевел Лукиана и сочинил диалог „Обруганный Экк“ и „Похвалу Рейхлину“. В сущности он был уже нерелигиозен [3]).

Ученым гуманистом, прямо перешедшим на сторону Лютера, являлся Конрад Муциан Руф [4]), а поэтами второго течения в немецком гуманизме были Конрад Цельтес и Эобан Гесс. Цельтес подражал Горацию в своей любовной лирике, но отличался от римского поэта, как и все перечисленные выше немецкие гуманисты от гуманистов итальянских, некоторой грубостью, топорностью: он часто сбивался на скабрезность и дикую оргию. Но все же новые индивидуалистические вкусы и наклонности были ярко выражены у Цельтеса: он любил славу, высшими благами считал сон, вино, дружбу и философию, много путешествовал. Впрочем, дружбу он понимал грубо-эгоистически, как и многие итальянские гуманисты: друг — это меценат, богатый покровитель, источник средств существования поэта и связанных с этими средствами наслаждений. Он был также мастером художественной речи и горячим противником Рима, духовен-

[1]) Там же, стр. 59—64.
[2]) Там же, стр. 56—70, 73—75.
[3]) Там же, стр. 77—81.
[4]) Там же, стр. 161 и след.

ства и всяких суеверий [1]). Что касается Эобана Гесса, то, будучи по таланту не ниже Цельтеса, он был еще большим попрошайкой, беспринципным угодником, был то с Лютером, то противником, то за Зикингена, то за его врагов. Он перевел „Илиаду“ и псалмы и писал изящные стихотворения по заказу [2]).

Учеными, кроме указанного выше Муциана Руфа, были еще Региомантанус (Иоганн Мюллер из Кенигсберга) — математик и астроном и Рейш, написавший „Философскую энциклопедию“ [3]), но в особенности Рейхлин, являющийся вместе с Эразмом Роттердамским и Гуттеном представителем высших и вполне оригинальных достижений немецкого гуманизма в новом, светском направлении.

Рейхлин по профессии был юрист, но славой своей обязан главным образом тому, что он открыл греческий подлинник евангелий и, зная древне-еврейский язык, предпринял критическое исследование принятого католической церковью перевода Библии—так называемой Вульгаты. Он написал также еврейскую грамматику и сочинения о средневековой еврейской Каббале. Между 1512 и 1516 годами в среде немецкой интеллигенции и схоластиков большой шум произвело так называемое „дело Рейхлина“. Выкрест из евреев Пфефферкорн выступил с требованием уничтожения всей еврейской литературы средних веков вследствие содержащейся в ней хулы на христианство. Против этого выступил Рейхлин. Началась жестокая полемика между гуманистами и схоластиками. Кёльнский инквизитор Гохстратен осудил Рейхлина, но папа Лев X не утвердил его приговора. Вся эта история сделала Рейхлина чрезвычайно популярным. Когда, однако, выступил Лютер, Рейхлин к нему не примкнул [4]).

Эразм был собственно нидерландским гуманистом, но так как его влияние в Германии было огромно, то удобнее вкратце характеризовать его личность и деятельность

---

[1]) Там же стр. 191—200.
[2]) Там же, стр. 203—206.
[3]) Там же, стр. 244, 248.
[4]) Там же, стр. 254—285.

сейчас. Он обладал такими же огромными знаниями, как и Рейхлин, работал над восстановлением первоначальной редакции евангелий, предложил новое греческое произношение—не по образцу новогреческого языка, как произносил греческие слова Рейхлин, а по их написанию, был глубоким филологом и, обладая оригинальным латинским стилем, восставал против рабского подражания Цицерону, написал педагогический трактат „Colloquia familiaria“. Эразм был очень остроумным, насмешливым язвительным писателем, что в особенности выразилось в его „Похвале глупости“—сатире на все сословия, особенно на схоластиков. Не будучи религиозным, он высказывался и против католиков и против протестантов. Жил он, как большой барин и эстет, на литературный заработок, а также и на средства друзей и меценатов [1]).

Ульрих фон Гуттен был рыцарем по происхождению, сторонником Лютера, участником рыцарского восстания, приверженцем императорского самодержавия. Он был автором целого ряда выдающихся сочинений. В сочинении под заглавием „Никто“ он восстает против феодальных титулов и защищает свободу и достоинство человеческой личности. Вместе с сатирическим поэтом Кротом Рубеаном он составил знаменитые „Письма темных людей“, бичующие с непоражаемым сарказмом противников Рейхлина, под стиль и дух писаний которых написана эта сатира. Его перу принадлежит также „Триумф Рейхлина“. Человек воли, действия, определенных и твердых убеждений, Гуттен долеко разошелся со скептическим оппортунистом Эразмом, и они обменялись резкими памфелетами друг против друга [2]). Гнев, негодование—вот основное чувство, одушевляющее Гуттена в его литературной деятельности [3]).

Крестьяне во второй половине XV века реагировали на тяжесть давивших их остатков феодализма и крепостного права сектантскими движениями и восстаниями, бунтами, грабежами. Среди них распространялись учения

[1]) Там же, стр. 289—315; *Janssen*, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, II B., 15-e Aufl., Fr. im Br., 1889, стр. 11—16.

[2]) *Гейгер*, Ист. нем. гум., стр. 317—331.

[3]) *Strauss*, Ulrich von Hutten.

вальденсов и поллардов в их крайних большею частью проявлениях, гусситы - табориты также находили себе в крестьянской среде многих последователей. Но крестьянство в Германии конца XV и начала XVI веков уже не удовлетворялось протестом в одной только мирно-религиозной форме. Веря в чудодея-императора, освободителя народа, и в неизбежное наказание панов и господ за их насилия и поборы, крестьяне поднимали восстания во имя торжества божественной справедливости. Таковы были восстания на Рейне в XV веке и в Венгрии, Швейцарии, Вюртемберге в 1513—1514 годах [1]).

Мы рассмотрели таким образом первый момент в социальной, политической и культурной истории Германии в эпоху дворянской революции. То был момент подготовительный. Он охватывает вторую половину XV века и самое начало XVI столетия. Второй момент—это резкое столкновение социальных сил в XVI веке, связанное с историей так называемой реформации. Социальная подкладка реформации не подлежит сомнению. Справедливо указывается, что без экономической и социальной революции не было бы реформации церковной [2]). К концу первого момента дворянской революции в Германии и определились окончательно боровшиеся потом силы и их тенденции.

Первой из этих сил были князья. Их усилия были направлены к собственному абсолютизму и партикуляризму, к завершению того и другого. Это делало их врагами имперских городов и имперского рыцарства, склонных поддерживать и развивать императорское самодержавие. Партикуляризм или сепаратизм князей делал их защитниками крепостного права: надо было обеспечить свои княжества рабочей силой. Наконец, многие князья—те, кто был заинтересован в захвате церковных земель—были противниками самостоятельности духовенства по отношению к государственной власти. Эта самостоятельность, носившая феодальную форму иммунитетов, противоречила государственному абсолютизму князей.

---

[1]) *Бецольд,* Ист. реф., I, стр. 153—161.
[2]) Там же, I, стр. 148.

Имперское рыцарство, дворянство, будучи сторонником императорского самодержавия, в этом отношении резко сталкивалось с князьями. Но оно так же, как и князья, горой стояло за крепостное право и жаждало уничтожения феодальных прав церкви и духовенства.

Горожане, как и имперские рыцари, поддерживали самодержавие императора и, следовательно, в этом отношении шли рука об руку с дворянами. Сходились они с ними и отчасти с князьями и в борьбе с привилегиями духовенства. Но не только с князьями у них было слишком много противоречий,—они рвали на деле и с дворянами: из городов шло уничтожение барщины и натуральных повинностей в их деревенских владениях [1]), а это противоречило крепостническим интересам не только князей, но и дворян. Притом же внутри городов обострялись классовые противоречия: городская беднота ненавидела богачей и отрицала их торговые и промышленные монополии.

И, наконец, крестьянство имело врагов себе всюду — и в лице князей, и духовенства, и рыцарей. К кому оно чувствовало себя еще ближе,—это к городскому пролетариату, но правящие городские верхи были ему также ненавистны.

Противоречия назрели и должны были разрешиться. Но характерно, что, имея каждый своих особых противников, все классы немецкого общества в начале XVI века имели и одного общего врага—главного феодала, церковь и духовенство. Вот почему выступление Лютера против католической церкви и было искрой, произведшей всеобщий пожар.

Дед и прадед Лютера были крестьяне. Отец тоже начал крестьянством, но скоро превратился в горожанина, в бюргера, в мелкого горнопромышленного предпринимателя, члена целой компании некрупных капиталистов [2]). Это мелкобуржуазное происхождение и воспитание и дали в конце-концов основную окраску характеру и воззрениям Лютера.

---

[1]) Там же, т. I, стр. 41.

[2]) *Köstlin*, Martin Luther, Sein Leben und seine Schriften. I B., Eberfeld. 1875, стр. 19, 26. 27.

К числу семейных традиций принадлежала строгая религиозность [1]), развитая и воспитанием и образованием [2]). Эта религиозность сочеталась с боязливостью, застенчивостью, страхом перед суровой жизнью, которые Лютер испытывал [3]), пессимизмом, суевериями, верой в дьявола, который может лишить человека и воли к добру [4]). Христос рисовался Лютеру строгим судьей, и положение, что все зависит от собственных усилий человека, казалось ему „мудростью плоти“ [5]), т.-е. ложной мудростью.

Это—основные черты всей психологии Лютера. Нетрудно понять, что они воспитаны именно мелкобуржуазной средой того времени, ее непрочным, колеблющимся положением на заре возникавшего торгового капитализма.

Выход для Лютера был один: успокоить свои страхи и сомнения монашеской жизнью, аскетизмом. Именно страх Божий и привлек его в монастырь к аскетическим подвигам [6]). Но и они его не удовлетворяли, тем более, что настоящего призвания к монашеской жизни он не имел [7]). Он искал, и став августинцем и священником, ответа на вопрос, как спастись. Лютер не видел спасения ни в добрых делах ни в монашеской жизни [8]). Чтение блаженного Августина, изучение Оккама, наконец, вера в благодать и спасение страданиями Христа, которую внушил Лютеру его ближайший начальник и руководитель, провинциал августинского ордена Штаупиц, дали Лютеру искомый ответ на мучивший его вопрос [9]): спасение не в природе человеческой, злой и греховной, не в усилиях грешной воли, не в разуме, не в обрядах, не в таинствах, не в священном писании, не в цер-

---

[1]) Там же, стр. 28; *Hausrath*, Luthers Leben, I B., 3-e Ausg., Berl., 1913, стр. 5.

[2]) *Köstlin*, M. Luther, I, стр. 34, 55.

[3]) *Hausrath*, Luthers Leben, I, стр. 2, 21.

[4]) *Grisar*, Luther, I B., Fr. im Br. 1911, стр. 6; III B., 1912, стр. 237, 251—253.

[5]) *Hausrath*, I, стр. 35, 40.

[6]) Там же, I, стр. 21; *Köstlin*, M. Luther, I, стр. 58, 59.

[7]) *Grisar*, Luther, I, стр. 5.

[8]) *Janssen*, Gesch. des deutschen Volkes, I, стр. 71 и след.

[9]) *Köstlin*, M. Luther, I, стр. 63—77.

кви, вообще не в об'ективных, общеобязательных основах и опорах религиозной жизни, а в вере, в божественной благодати, в действии божественного духа, ибо человек перед богом совершенно одинок и беспомощен [1]).

Так основной догматический тезис Лютера—о спасении верой, благодатью, божественным духом—был логическим и практическим выводом из господствовавшего у него настроения, воспитанного социальной средой, в которой он жил.

Это же настроение владело им и позднее: он не боролся с обстоятельствами, а шел за ними, подчинялся им. Он не раз колебался и сомневался в своем деле [2]). Он не выбирал той общественной силы, на которую ему следовало бы опереться, а выжидал и примыкал к той, которая оказывалась победительницей. В этом убеждает весь ход событий немецкой реформации.

Личные догматические новшества Лютера не имели никакого общественного значения до того момента, когда они не привели его к заключениям, касавшимся практических, житейских отношений, интересов народных масс. Это случилось 1 ноября 1517 г., когда он выставил в Виттенберге свои 95 тезисов против индульгенций, усиленно продававшихся тогда агентом папы Льва X, Тецелем. Понятно, как продажа индульгенций, т.-е. отпущение грехов за деньги, противоречила новым догматическим убеждениям Лютера. Но он поступил осторожно, боязливо: он очень смутно, неясно наметил свои догматические исходные пункты [3]), высказал в сущности только сомнения.

Этого, однако, было достаточно, чтобы вызвать целый взрыв, произвести пожар. Давняя бюргерская оппозиция церкви и ее поборам приобрела ценный новый для себя материал, идейную опору. Крестьянство, недовольное тратами на индульгенции, производившимися

---

[1]) *Вульфиус*, Что такое реформация: „Жур. М. Нар. Пр.“ за 1916 г., февраль, стр. 274—288.

[2]) См. в особенности *Janssen*, Geschichte des deutschen Volkes, I, стр. 179, 180.

[3]) *Kostlin*, M. Luther, I, стр. 159 и след.; *Janssen*, Gesch. d. deut. Volkes, I, стр. 85 и след.

особенно деревенскими женщинами, также ухватилась за Лютера[1]). В интеллигенции дело было подготовлено только что закончившимся делом Рейхлина. Простой вызов на схоластический, богословский, казалось бы, спор превратился в крупнейшее общественное событие.

Только близорукостью тогдашних католических политиков можно об‘яснить их попытки потушить пожар стаканом воды—увещаниями папского легата кардинала Каэтана и диспутом Лютера с. Экком, известным католическим богословом. Эти детские попытки только подлили масла в огонь — вызвали резкие нападки на папскую власть и ее агентов в памфлетах Пиркгеймера и Гуттена [2]) и заставили Лютера, выступавшего сначала в обоих случаях боязливо, робко, сделать последние, логически неизбежные выводы из высказанных им положений: Лютер должен был признать, что церковь нуждается в реформе, которую должен произвести весь христианский мир, и—это еще важнее,—что не только папа, но и собор могут ошибаться, так что все внешние религиозные авторитеты были отвергнуты [3]).

Первым, кто перевел далее реформацию на политические рельсы, был не Лютер, а Гуттен. Он в своих брошюрах 1520 года, появившихся раньше брошюр Лютера, высказался за уничтожение папского примата, секуляризацию церковных имений и уничтожение монастырей, причем указал и силы, способные провести в жизнь эти меры,—это дворянство и горожане, возглавляемые императором [4]). Рыцарь Гуттен, таким образом, выставил революционный путь, последовательное прохождение по которому привело бы к полному торжеству дворянской революции в Германии.

Совсем иначе поступил бюргер Лютер: он думал вовсе не о революции, а о мирной реформе сверху. Поэтому свое воззвание, выпущенное в августе того же 1520 г., он адресовал не горожанам и не рыцарям, а „всесвет-

---

[1]) *Hausrath*, Luthers Leben, I, стр. 189.

[2]) *Гейгер*, Ист. нем. гум., стр. 78; диалог Гуттена „Зрители“.

[3]) *Hausrath*, Luthers Leben, I, стр. 307; *Köstlin*, M. Luther, I, стр. 198, 207.

[4]) *Janssen*, Gesch. d. deut. Volkes, I, стр. 120; *Бецольд*, Ист. реф., I, стр. 314—315.

лейшему, вельможнейшему императорскому величеству и христианскому дворянству немецкой нации", т.-е. императору и всему дворянству, включая и князей, а может быть, даже под „милостивыми и любезными господами", как он именовал их в тексте своего воззвания, он разумел и одних князей. И содержание послания Лютера существенно отличается от призывов Гуттена: оно — не революционное, а реформистское.

В своей брошюре Лютер берет на себя задачу ниспровергнуть три стены, мешающих реформе римской церкви: во-первых, утверждение, что духовная власть выше светской и во всяком случае не подчинена последней, во-вторых, что писание может толковать только папа, в третьих, что никто, кроме папы, не властен созвать собор. Уже эта постановка вопроса имеет чисто-реформистский характер: светская власть, очевидно, должна созвать собор, который на основании писания реформирует церковь.

Реформистский характер планов Лютера еще более становится ясным, если присмотреться к их подробностям.

Правда, первую стену он разрушает еретической с точки зрения католицизма мыслью о всеобщем священстве и о разнице между духовенством и мирянами только по занятиям, по должности и об'являет светскую власть имеющей карать духовных лиц за зло, ими причиняемое, он отрицает также монополию папы толковать писание и об'являет, что „всякий раз как папа действует вопреки писанию, мы обязаны защитить писание" [1]). Но для реформы церкви Лютер предлагал созвать собор и, как ни важны те реформы, которые собор, по его мнению, должен был осуществить, — они не были революцией, полным разрывом с католицизмом и папством. Справедливо указано, что Лютер здесь не отвергал папства, а требовал лишь его ограничения: папа не должен считаться верховным главой империи и не должен сосредоточивать в своих руках всю духовную власть. За ним

---

[1]) См. „Христианскому дворянству немецкой нации" в изд. *Lemme* Die drei grossen Reformationsschriften Luther's von Jahre 1520. Berl. 1884.

остаётся право разрешать недоразумения в среде духовенства и контролировать исполнение духовенством его обязанностей. Лютер требовал только национальной немецкой церкви с особым примасом во главе, разрешения духовенству вступать в брак и сильного сокращения числа монастырей [1]). Он восставал также против римских поборов—аннатов, комменд, резерваций, экспектаций, папских месяцев, пенсий, паллий, паломничества и проч. [2]).

Спустя несколько месяцев Лютер выступил с двумя сочинениями догматического характера—„О вавилонском пленении церкви“ и „О свободе христианина“. В первом из них доказывалось, что евангелие—единственное основание учения о таинствах, отвергалось католическое понимание пресуществления, требовалось причащение мирян под обоими видами, и из таинств признавались только крещение, причащение и покаяние (позднее Лютер отверг и последнее из них) [3]). Во втором рассматривается вопрос о вере и добрых делах. Исходя из положения, что „каждый христианин имеет двойную природу—духовную и телесную“, Лютер видит в вере основу духовной свободы: „вера сама по себе так могущественна, что никакие добрые дела не могут с ней сравняться“, „достаточно христианину одной веры, не нужны ему дела, чтобы спастись“, „христианин в силу веры так возвышается над всеми вещами, что он духовно делается господином всех вещей, ибо ничто не может повредить его спасению“. Но так как человеку свойственна и телесная природа, то отсюда необходимы сношения с другими людьми и, следовательно, добрые дела. „Но все эти дела не должны совершаться в надежде, что человек ими найдет оправдание перед господом“. Вера имеет первенство: „личность прежде всего должна сделаться доброй и благочестивой, чтобы получились добрые дела“; „каковы вера или неверие человека, таковы и дела его, а не наоборот“ [4]).

---

[1]) *Ranke*, Deutschland im Zeitalter der Retormation.
[2]) „Христ. дворянству нем. нации“—в изд. Lemme.
[3]) См. изд. Lemme и *Ranke*, Deutschl. im Zeit d Ref.
[4]) Von der Feiheit eines Christenmenschen.

Между тем уже к половине 1520 г. пришла в Германию булла с отлучением Лютера—пока условным, если он не раскается в течение 60-ти дней. Лютер сжег буллу в Виттенберге 10 декабря 1520 г., и 3 января 1521 г. был отлучен окончательно. Разрыв совершился.

Как к нему отнеслись различные общественные силы Германии?

За Лютера высказались князья, по крайней мере значительная часть их. Когда в Вормсе на сейме, после некоторого смущения и колебания, Лютер сделал свое решительное заявление об отказе отречься от своих взглядов [1]), князья защитили его от казни, и потом Фридрих Мудрый, курфюрст саксонский, дал ему убежище в Вартбурге после об'явления императорской опалы.

И горожане были за Лютера [2]). Нам уже известно, как высказалось устами Гуттена имперское дворянство. При таких условиях император Карл V, хотя и считавший себя защитником церкви и стремившийся к самодержавию [3]), но связанный в Вормсе князьями, которые ввели „имперское правление", совещательное при императоре, но правившее самостоятельно в его отсутствие, почувствовал себя изолированным, лишенным социальной опоры и не настаивал на исполнении изданного в Вормсе эдикта против Лютера и его сторонников тем более, что, нуждаясь в деньгах, не мог оттолкнуть от себя южно-германских городских капиталистов, которые были за Лютера.

Но дело в том же 1521 году осложнилось тем, что началась революция среди рабочих низов городских и отчасти сельских, сильно нуждавшихся и страдавших вследствие революции цен и сохранения прежней заработной платы под влиянием экономической отсталости Германии, находившей мало сбыта своим индустриальным изделиям. Горнорабочие промыслов около Цвиккау и городские цвиккауские суконщики поднялись во имя новой правды и нашли себе духовных вождей — мисти-

---

[1]) *Janssen*, Gesch. des deutschen Volkes, I, стр. 167 и след.; *Köstlin*, M. Luther, I, стр. 438 — 452; *Hausrath*, Luthers Leben, I, стр. 428 и след.

[2]) *Бецольд*, Ист. реф., I, стр. 418.

[3]) Там же, I, стр. 334, 335.

ков, говоривших о внутреннем откровении, как источнике веры и правды,—в лице Николая Шторха и Фомы Мюнцера [1]), которых, при всем их мистицизме, все же нельзя называть анабаптистами [2]). Они основали общину на началах осуществления идеала первоначального христианства, но городские власти, видя опасность их пропаганды, изгнали их из Цвиккау, и движение там было подавлено.

Шторх, изгнанный из Цвиккау, появился в Виттенберге и здесь продолжал агитацию среди городских низов. Успех был огромный. Агитация Шторха захватила и Карльштадта, который стал сжигать иконы, отверг монашество и священство, основал общину на подобие общин первых христиан и установил выдачу ею беспроцентных ссуд ремесленникам [3]). Сюда явился из Вартбурга, оторвавшись от перевода библии на немецкий язык, сам Лютер и добился изгнания новых пророков [4]). Его позиция по отношению к движению городских низов оказалась резко враждебной.

Что Шторх сделал в Виттенберге,—то повторил Мюнцер в Альтштедте, потом в Мюльгаузене и с теми же результатами.

Движение городских низов было подавлено. Лютер оказался против них. Это привлекло к нему верхи городского общества, богатое и зажиточное бюргерство. Поэтому в 1524 году города стали об'единяться для борьбы против Вормского эдикта [5]).

Но еще в 1522 г. призывы Гуттена были услышаны,—началось рыцарское восстание под предводительством Зикингена. Но рыцари были слабы по сравнению с князьями. Император не пошел им навстречу. Лютер, переписывавшийся сначала с Зикингеном, не поддержал его [6]),—

---

[1]) *Bezold*, Gesch. der deutschen Reformation, II, Berl. 1890, стр. 461 и след.; *Janssen*, Gesch. d. deutsch. Volk., I, стр. 377 и сл.; *Köstlin*, M. Luther, I, стр. 520; *Hausrath*, Luthers Leben, I, стр. 518 и след.

[2]) *Belfort Bax*, Rise and Fall of the Anabaptists, Lond. 1903, стр. 2.

[3]) *Bezold*, Gesch. d. deutsch. Ref., II, стр. 457.

[4]) *Köstlin*. M. Luther, I, стр. 535 и след.

[5]) *Бецольд*, Ист. реф., I, стр. 419.

[6]) Там же, I, стр. 441.

он вообще был против всяких революций [1]) и боялся связать свою судьбу и судьбу своей реформы с революционными движениями. Наконец, и сам Зикинген был вовсе не таким идеологом дворянского самодержавия и национальной единой внутренно империи, как Гуттен: он мечтал о княжеском положении [2]). По всем этим причинам князья — трирский, гессенский и пфальцский — без особенного труда справились с рыцарским восстанием [3]).

Между тем Мюнцер и его ближайший соратник в Мюльгаузене Пфейфер примкнули к начавшемуся в 1525 г. крестьянскому восстанию. Они руководили одной из ветвей этого движения, — той именно, которая распространилась на Тюринген и вели здесь пропаганду осуществления идеала первоначального христианства. Тут они и погибли при подавлении восстания [4]).

Другой ветвью крестьянского восстания была та, которая охватила Швабию и Тироль. Движение здесь носило чисто-крестьянский, аграрный и противокрепостнический характер. Оно сопровождалось обычным в таких случаях разорением владельческих имений—церковных, дворянских и городских. Требования крестьян нашли себе яркое выражение главным образом в двух программах—12-ти статей и Меммингенской.

Первое требование программы 12-ти статей—это требование права свободно выбирать и сменять всею общиною священника. Второе требование касается десятины—большой или зерновой и малой, платимой скотом; большую крестьяне соглашаются платить при том непременном условии, чтобы она собиралась выборным от общины церковным старостой, который обязан выдавать из нее достаточное содержание священнику, а остаток должен идти на бедных и на покрытие расходов по конной службе или повинности крестьян; малую десятину крестьяне считают подлежащей отмене безусловно. Третьим требованием являлось уничтожение крепостного права. Четвертым— свобода охоты и рыбной ловли. Пя-

---

[1]) Там же, I, стр. 459.
[2]) Там же. I, стр. 439.
[3]) *Janssen*, Gesch. d. deutsch. Volk., I, стр. 451 и след.
[4]) *Бецольд,* Ист. реф., I, стр. 473 и след.

тое содержало в себе свободу пользования лесом на дрова и постройки. Шестое касалось освобождения от служб. Седьмое требование регулировало аренду крестьянами владельческой земли: аренда оплачивается арендной платой, но не службами и повинностями, всякая же работа должна являться предметом особого соглашения и подлежит оплате подобающей денежной платой. В восьмом требовании выдвигается облегчение арендной платы, уже существующей. Девятое настаивает на сохранении и записи обычных норм штрафов, назначаемых за нарушение местных полицейских обязательных постановлений и на устранении здесь всякого произвола. В десятом требовании содержится необходимость возврата общине незаконно захваченных у нее лугов и пашен. Наконец, одиннадцатое требование направлено на уничтожение посмертного побора, т.-е. права владельцев крепостных брать по смерти последних часть их имущества [1]).

Что касается Меммингенской программы, то она во всем почти вполне сходна с программой 12-ти статей [2]).

Наконец, в третьем районе крестьянского восстания — франконском — крестьяне сами выставляли ту же программу 12-ти статей. Но присоединившиеся здесь к крестьянскому движению рыцари и горожане вроде Гёца фон-Берлихингена и Венделя Гиплера выработали компромиссную программу, — так-называемое „Об'яснение 12-ти статей“. Цель у них была та, чтобы придать движению более силы, осоюзив его с рыцарством и бюргерством. Здесь подтверждались все главные требования программы 12-ти статей, но особо оговаривались необходимость прекращения грабежей, уплата существующих арендных плат и долгов, охрана имений духовной и светской власти, послушания властям [3]). Но и „Об'яснением 12-ти статей „не ограничивается попытка компромисса: желание об'единить все сколько-нибудь демократические элементы общества вызвало появление еще

---

[1]) *Oechsle*, Beitrage zur Geschichte des Bauerkrieges in den schwabisch-frankischen Grenzlanden, стр. 246—254; *Егоров, Савин и Протопопов*, Источники по истории реформации, в. I, стр. 64—69.

[2]) Источники по истории реф., I, стр. 70—73.

[3]) Там же, I, стр. 85—89.

Гейльброннской программы, с очень широким политическим и по возможности сокращенным социальным содержанием. Тут мы встречаем требования отмены монашества, выбора и смены священников волею общины, равного для всех суда, подчинения ленников императору и князьям и хорошего обращения их с народом, выкупа арендуемой земли по пониженной в 20 раз оценке, свободы торговли, удаления юристов из судов и оставления их при властях и в городах лишь в роли простых советников-экспертов без решающего голоса, учреждения новых выборных от сословий судов разных инстанций, отмены пошлин и поборов, кроме одной имперской подати, введения единых монеты, меры и веса, отмены компаний богатых капиталистов, уничтожения союзов князей, господ и городов, установления имперского мира и, наконец, свободы передвижения [1]). Мелкобуржуазный характер этой программы совершенно ясен.

И по отношению к крестьянскому восстанию Лютер не изменил своей осторожной и выжидательной позиции: он ждал, как повернутся обстоятельства, и когда заметил, что дело крестьян безнадежно, что князья—единственная сила, остававшаяся в Германии непобежденной, готовятся нанести крестьянскому движению последний, сокрушительный удар,—он встал на сторону сильных, убеждал „колотить, бить и душить" восставших крестьян и об'явил попытку уничтожить крепостное право противоречащей евангелию, так как уничтожение крепостничества отнимает хлеб у господ. Он требовал вообще сурового управления, строгих мер воздействия на народ [2]).

В конце-концов положение определилось окончательно: Лютер подчинил протестанскую церковь не императору, а протестанским князьям [3]). В их пользу пошла и секуляризация. Дворянская революция приняла княжески-абсолютистский характер. Соответственно хозяйственным условиям Германии дворянство приобрело пе-

---

[1]) *Oechsle*, Beitrage, стр. 283—292; Источники по истории реф., I, стр. 76—85.

[2]) *Бецольд*, Ист. реф., I, стр. 247; *Janssen*, Gesch. d. deutsch. Volk., I, стр. 590 и сл.

[3]) *Janssen*, Gesch. des deutsch. Volk., II, стр. 23, 25.

ревес в отдельных княжествах, а не в империи как в едином целом.

В сущности весь второй момент дворянской революции в Германии—в течение всего XVI века — прошел именно под знаком этого княжески-дворянского сепаратистского абсолютизма. Поскольку речь должна идти о социальной и политической стороне дела, можно поэтому ограничиться только сжатым обзором основных фактов, характеризующих это положение.

Когда Карл V на шпейерском сейме 1529 г. провел постановление, допускавшее католическое богослужение и прекращавшее секуляризацию во владениях князей—последователей Лютера, тогда пять князей и 14 городов заявили протест, откуда и получилось название „протестанты". На сейме следующего 1530 г. протестантские князья представили императору составленное Меланхтоном Аугсбургское исповедание, но император потребовал возвращения их к католицизму. Тогда протестантские князья и города в Шмалькальдене составили так-называемый Шмалькальденский союз, и Карл в Нюренберге в 1532 г. признал за князьями право исповедывать протестантизм. Но в 40-х годах Шмалькальденский союз вследствие измены Морица, герцога саксонского, был побежден Карлом, и протестантские князья испытали большие стеснения. Однако, в 50-х годах Мориц саксонский снова перешел на сторону протестантов, и в 1555 г. был заключен Аугсбургский религиозный мир, основанный на принципе „cuius regio, eius religio" [1]), т.-е. на праве лютеранских князей предписывать лютеранство всем своим подданным и на соответственном праве князей католических.

Необходимо отметить еще один важный эпизод в истории немецкой реформации: это—движение анабаптистов. Анабаптизм, которого только внешним, на глаз наиболее заметным признаком было крещение взрослых на том основании, что только у взрослых оно может быть сознательным, представлял собою новую разновидность движения городских низов: рабочих, поденщиков, ремесленников, мелких торговцев. Начался он в Швейцарии

---

[1]) *Bezold*, Gesch. d. deutsch. Ref., II.

и оттуда занесен был в Германию, где быстро распространился и получил новую форму в особенности благодаря Мельхиору Гофману. И до него основной чертой анабаптизма было стремление к апостольской жизни, к общественным порядкам первых христиан. Гофман попытался осуществить этот идеал полностью: он был беден, не брал вознаграждения за свой труд, проповедывал близкий конец мира и, обладая пылким воображением, рисовал яркие картины последних дней. В Страсбурге в 1529 г. его посещали экстатические видения последнего суда и тысячелетнего царства, царства святых, когда бог воцарится на земле. Гофман проповедывал полное смирение перед властями, непротивление злу, бедность, простоту жизни. Несмотря на мирный характер его учения, он в 1533 г. был арестован в Страсбурге и умер в заключении [1]).

Новый перелом в анабаптизме был произведен учеником Гофмана в Нидерландах, Яном Маттисом из Гаарлема, и его последователем портным из Лейдена, Яном Бокельсоном. Они придали анабаптизму политический характер, предприняли основание анабаптистской общины, разрыв ее с остальным миром и самозащиту от последнего. Как и Гофман, и первые анабаптисты и еще раньше Шторх и Мюнцер, они были „пророками", верили в непосредственное слияние с божеством в мистическом экстазе, когда обретается „внутреннее откровение", „внутреннее слово"—источник подлинной религиозной истины. Оба они — и Маттис, и Бокельсон — прибыли в 1534 г. с проповедью своих верований в богатый епископский город Мюнстер, где главой крайних течений в религии был мануфактурист Книппердолинк. Их агитация помогла Книппердолинку одержать победу на выборах в городской совет, стать бургомистром и преобразовать Мюнстер в анабаптистскую общину. Войска епископа мюнстерского осадили город, и Маттис погиб во время осады в битве. Главой общины стал Ян Бокельсон. И раньше пророки фактически руководили всем управлением, теперь Бокельсон довел это до конца. Искренне уверенный в своем божественном посланничестве, обладая органи-

[1]) *Belfort Bax,* Rise and Fall of the Anabaptists, стр. 100—105.

заторским талантом, он произвел переворот, ввел коммунистическое производство, во главе хозяйственной организации поставил диаконов и субдиаконов, для внешней и внутренней защиты установил террор, ввел вследствие малочисленности мужчин сравнительно с числом женщин многоженство, причем проституция и прелюбодеяние строго преследовались, установил коллегию из 12-ти апостолов, сам об‘явил себя диктатором и представителем бога на земле. Голод и хозяйственное расстройство повели к полной конфискации всякой собственности, наконец, и выходу всех желающих из Мюнстера. Чувствуя себя на краю гибели, анабаптисты рассылали агитаторов по окрестностям, ища помощи, но не находя ее. Наконец, 25 июня 1535 г. Мюнстер был взят войсками епископа, и Бокельсон был мучительно казнен. Воинствующий анабаптизм покончил свое существование [1]).

Чтобы закончить обзор второго момента дворянской революции в Германии, остается бросить взгляд на духовную культуру Германии в XVI веке, поскольку она еще не освещена в предшествующем изложении.

Первое, что здесь надо сделать,— это характеризовать лютеранство в сложившемся, законченном его виде. Все данные для такой характеристики уже приведены. выше, остается только свести их воедино.

Для психологии нового дворянства и князей-абсолютистов, которые стали в Германии его вождями, имеет, конечно, большое значение основное положение лютеранской догматики — об оправдании исключительно верою. Это—несомненное проявление индивидуализма, того нового психического элемента, который в смеси со старой психологией грубого эгоизма составил окончательный признак духовного склада нового, завоевывавшего господство класса общества. Упрощение учения о таинствах означает сильное поражение средневековой схоластики— индивидуалистическое освобождение ума.

Но, конечно, нееравненно большее значение, чем догматика, в социальном отношении имеют обряды, внешнее

---

[1]) *Belfot Bax*, Riso and Fall of the Anab., стр. 112—321; *Keller*, Geschichte der Wiedertaufer und ihrer Reichs zu Münster, Münster 1880, стр. 134—290.

устройство церкви и отношение ее к государству. Упрощение богослужения, отрицание икон и мощей, уничтожая суеверие и театральность, приводили к внутреннему осмыслению, к углублению религии, опять-таки естественному для психологии развивающегося индивидуализма. Причащение мирян под обоими видами, брак священников, выбор их приходом уничтожали то принципиальное различие между церковной иерархией и приходом, которое существовало в католической церкви. Уничтожение сана епископа и об'явление светских государей главами церкви означали, наконец, подчинение церкви самодержавно-дворянскому государству.

Таковы были в самых общих чертах культурные достижения в области религии. Прибавить надо, что все эти новшества в соответствии с дворянски-княжескими интересами, вкусами и потребностями не приняли в лютеранстве крайней, резкой формы полной свободы духа в деле религии, свободы совести, против которой Лютер высказывался. „Виттенбергский папа", как называли Лютера, сильно приблизился к католицизму, усилив идею об'ективной церкви [1]), остановившись в религиозно-освободительной работе на полдороге.

Такое же положение на полпути от старого к новому характерно для немецкой литературы XVI века. Типичным обломком средневековой старины является автор народных песен и рассказов и масляничных пьес; по происхождению он был мелкий ремесленник. Но в нем были уже и новые элементы: чутье к действительности, реализм; он был последователем Лютера. Большим успехом пользовался плутовской роман-рассказ о приключениях плута-крестьянина Тиля Эйленшпителя. Наконец, обращает на себя внимание даровитый сатирик того времени, жизнерадостный индивидуалист Иоганн Фишарт [2]).

В архитектуре процветал стиль Возрождения, типическим выражением которого является Гейдельбергский замок [3]). Германия дала также ряд талантливых худож-

---

[1]) *Вулфиус,* Что такое реформация: „Ж. М. Нар. Пр." за 1916 г. февр., стр. 290.

[2]) *Куно-Франке,* История немецкой литературы, стр. 170—172.

[3]) *Barberot,* Histoire des styles d'architecture, т. II, с р. 53.

ников-живописцев, из которых особенно замечательны Альбрехт Дюрер, Лукас Кранах и Ганс Гольбейн-младший.

Промежуточным звеном между ними и средневековой немецкой живописью был Ганс Гольбейн-старший: у него старые элементы подновляются эстетическим моментом под влиянием итальянских художников [1]).

Дюрер представляет собою смешение разных художественных свойств [2]). В своих религиозных картинах он не расстается еще часто с готическими преданиями, в них выражаются глубокая вера и мистицизм. Но иногда виден и глубокий психологический анализ. Так, в его „Четырех Апостолах“ нашли себе художественное выражение четыре темперамента [3]). В аллегорических картинах Дюрера, напр., в „Меланхолии“, мистицизм также заметен, проглядывает довольно отчетливо. Являясь таким образом философом и мистиком в известной мере, Дюрер, последователь Лютера, художественно выразил и другую сторону современной ему дворянской и бюргерской психологии — реализм, чувственнность, веселость [4]). Это видно в его пейзажах и сценах из сельского быта. Все картины Дюрера отличаются ярким колоритом, правильным, но иногда чересчур уж изысканным, мелочно-отделанным рисунком и, главное, проникнуты всегда определенным сильным настроением, что делает этого художника часто близким по духу к Тициану и Рубенсу, хотя по силе выражения, яркости колорита, блеску и мастерству красок он им значительно уступает.

Кранах—художник реформации, близок к Лютеру [5]), типичный эклектик [6]), уравновешенный, благоразумный [7]). Лучшие его картины —„Отдых во время бегства в Египет“, портреты отца и матери Лютера и самого Лютера [8]) и нежные желтоволосые мадонны [9]).

---

[1]) *Knackfuss*, Holbein der jungere, Bielefeld und Leipzig 1897, стр. 2; *Мутер*, Ист. живописи, I, стр. 221.

[2]) *Мутер*, Ист. жив., I, стр. 242

[3]) Там же, I, стр. 251.

[4]) Там же, I, стр. 242

[5]) *Heyck*, Lucas Cranach, Bielefeld und Leipzig 1908, стр. 3, 11.

[6]) Там же, стр. 58.

[7]) *Мутер*, Ист. жив., I, стр. 259.

[8]) *Heyck*, Lucas Cranach, стр. 61, 66—69, 83.

[9]) Там же, стр. 66, 98; *Мутер*, Ист. жив., I, стр. 259

Гольбейн-младший — настоящий гуманист, художник Возрождения, великий мастер краски [1]). Он — „реалист, одаренный замечательным чувством пропорций и определенной уверенностью в цели и назначении картины“ [2]). Великолепна картина „Христос в гробу“, где реалистично изображен мертвец с полуоткрытыми глазами [3]). Известна картина „Мадонна бюргермейстера Мейера“ [4]) с реалистическим изображением типичных немцев и немок того времени. Превосходно удавались Гольбейну портреты — Эразма, Томаса Мора, Меланхтона, Генриха VIII английского, английских епископов и придворных [5]). В большей части своих портретов Гольбейн остается верным натуре, но новый дух дворянского классицизма сказывается в его портрете Анны Клевской, где прикрашивание, идеализация, лесть выступают уже на первый план [6]).

В истории германской музыки второй половины XV и начала XVI в. важное значение имеет Генрих-Исаак, воспитавшийся на итальянской и нидерландской музыке, но сумевший быть оригинальным в духе своего времени: он был автором песен в народном духе [7]). Его учениками были Вальтер и Зенфль — евангелические композиторы, близкие к Лютеру. Они-творцы протестантской религиозной музыки, в основу которой они положили построение светских песен [8]).

Третий момент дворянской революции в Германии — первая половина XVII века — ознаменовался еще одним страшным и разрушительным столкновением общественных сил, известным под названием Тридцатилетней войны (1618—1648).

Причины этой войны коренятся в противоречии между централизующими тенденциями имперского рыцарства, интересы которого представляли императоры из дома Габсбургов, особенно Фердинанд I (1556—1564), Макси-

---

[1]) *Мутер*, Ист. жив. I, стр. 270—271, 275.
[2]) *Бенсюзанн*, Гольбейн, стр. 21.
[3]) *Knakfuss*, Holbein der jungere, стр. 51—53, 60.
[4]) Там же, стр. 88—89.
[5]) Там же, стр. 94—127; *Бенсюзанн*, Гольбейн, стр. 22.
[6]) *Бенсюзанн*, Гольбейн, стр. 22.
[7]) *Науманн*, Иллюстр. история музыки II, стр. 145.
[8]) Там же, II, стр. 137, 171.

милиан II (1564—1576), Фердинанд II (1619—1637) и Фердинанд III (1637—1657), и партикуляристско-абсолютистскими стремлениями княжеского дворянства, поддерживавшего князей.

Уже Фердинанд I хотел дать перевес в императорской власти государственному принципу над феодальным [1]) и этим обосновать императорский абсолютизм. Имперское рыцарство, особенно франконское и швабское, отстаивало планы увеличения компетенции верховного имперского суда предоставлением рыцарству права приносить туда жалобы в случае столкновения с князьями [2]).

Нельзя сказать, чтобы католические князья все стояли за такую централизационную политику. Напротив, на Тридентском соборе они провели „княжескую реформу", стояли за свое самодержавие не только в государственных, но и в церковных делах,—за свой цезарепапизм [3]). Поэтому поддержка ими императоров во время Тридцатилетней войны были недружной и непостоянной. Поэтому же, когда сложились, начиная со второй половины XVI века, протестантская уния и католическая лига [4]), то в обеих этих партиях росла вотчинно-самодержавная власть князей [5]).

И в ходе и в исходе Тридцатилетней войны, поскольку она касалась внутреннего положения Германии, ярко обозначились социальные интересы. Ближайшим образом война была вызвана тем, что протестантская уния требовала, чтобы разногласия между протестантами и католиками решали не сейм и не имперский суд большинством голосов, а свободное соглашение сторон [6]). Затем, после поражения Фердинандом II Чехии и Пфальца, на регенсбургском сейме Чехия была отдана под полную императорскую власть [7]), причем подкладкой этого, да и

---

[1]) *Ritter*, Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjährigen Krieges, I стр. 24, 259.

[2]) Там же, I, стр. 237.

[3]) *Janssen*, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, B. IV, 14-e Aufl., Freib. im Br. 1891, стр. 405 и след.

[4]) *Ritter*, Deutsche Gesch., I, стр. 228—229.

[5]) Там же, II, стр. 477.

[6]) Там же, III, стр. 12.

[7]) Там же, III, стр. 171, 179 и след.

самого поражения было то обстоятельство, что новое чешское дворянство было экономически связано с австрийскими владениями Габсбургов [1]). На том же сейме обсуждались вопросы о едином суде и об об'единении монетной системы [2]). Но уже неудача этих проектов, естественная при хозяйственных условиях Германии, знаменовала собою поражение централистов: протестанты не пошли на союз с католиками, оторвались от них, Саксония разорвала с императором [3]). Наконец, нет ничего характернее и знаменательнее вестфальского мира, которым кончилась Тридцатилетняя война. По этому миру верховная власть императора превратилась в фикцию. Сословия империи—князья, рыцари, города—получили в сущности права самостоятельной внешней политики: они могли заключать между собою союзы и даже союзы с иностранными державами с одной лишь формальной, фактически совершенно не имевшей значения оговоркой,—чтобы союзы эти никогда не направлялись против империи и императора. Все финансовые дела окончательно перешли в ведение курфюрстов, державших в своих руках сейм. Сейм же назначал всю высшую администрацию и суд империи. Законодательная власть вся перешла также в руки сейма. В религиозном отношении также завершена была партикуляризация Германии. Признано было равноправие католиков, лютеран и кальвинистов. При этом каждый раз, как возникал вопрос, касавшийся так или иначе религии,—а в сущности вопросов ее не касавшихся не было,—сейм не решал его большинством голосов, а делился на две части—корпорацию католиков (corpus catholicorum) и корпорацию евангеликов (corpus evangelicorum), и обе эти корпорации решали дело по взаимному соглашению. Церковные земли, захваченные протестантами до 1 января 1624 года, оставались за ними, а захваченные после этого срока возвращались католической церкви. Наконец, тот же год назначен был для тех, кто хотел свободно исповедывать свою религию независимо от религии своего государя:

---

[1]) Там же, III, стр. 210—211.
[2]) Там же, III, стр. 183.
[3]) Там же, III, стр. 189.

все, кто исповедывал ту или другую религию в 1624 году, могли сохранять эту религию, хотя бы к ней принадлежал их государь; но кто позднее захотел бы перейти в другую религию, чем та, какую исповедывал его государь, тот должен был или получить от последнего особое разрешение или выселиться в определенный срок в другое княжество Германии [1]).

Вестфальским миром социальная и политическая дворянская революция в Германии закончилась. Княжеское самодержавие и дворянство отдельных княжеств окончательно победили в результате революции в соответствии с хозяйственными условиями страны.

Победа дворянства повела к торжеству классицизма в немецкой литературе первой половины XVII века. Первыми представителями этого направления были тогда Опитц и Гриффиус. Первый написал поэтику и писал классические оды, второй был автором классических драм. Другим драматургом того же направления был Лоэнштейн. Место старого рыцарского романа занимают теперь пастушеский и любовный галантный роман и роман Гриммельсгаузена „Приключения Симплициссимуса“ [2]).

Дворянская идеология находит себе выражение и в политической литературе. Германия XVII века дала своего монархомаха, врага монархии и самодержавия в лице Иоганна Альтузия и своего теоретика абсолютизма — Самуила Пуффендорфа.

Альтузий в своей „Политике“, вышедшей в 1603 году, отстаивал суверенитет и абсолютную неотчуждаемость верховных прав народа, выводя их из теории общественного союза [3]). По вероисповеданию он был кальвинист, как и французские монархомахи. Образование его было гуманистическое и философское. Идеалом ему казалось представительное выборное правление [4]).

Что касается Пуффендорфа, то главное его сочинение носит заглавие „Об обязанности человека и граж-

---

[1]) Там же, III; *Gindely*, Geschichte des Dreissigjährigen Krieges. III.

[2]) *Куно-Франке*, История немецкой литературы, стр. 18 ,207, 210.

[3]) *Gierke*, Johannes Althusius und die Entwickelung der naturrechtlichen Staatstheorien. Breslau 1880, стр. 3—4.

[4]) Там же, стр. 11, 16, 30, 56, 211 и след.

данина“ („De officio hominis et civis“). Он, как и Альтузий, в основу своих построений положил естественное право и общественный договор [1]). Для Пуффендорфа государственные начала, принцип общего блага имеют главное значение в общественном строе. Поэтому верховная власть им рассматривается как независимая, безответственная, неприкосновенная, единая и нераздельная; она является единственным источником закона [2]). Но в противоположность Альтузию Пуффендорф монархист и абсолютист: абсолютную монархию, в согласии с условиями и потребностями своего времени, т.-е. с интересами того класса, который тогда выдвигался на первый план, Пуффендорф считал государственной формой, наиболее обеспечивающей интересы общего блага [3]). Характерно в этом отношении и то, что Пуффендорф признает последним основанием человеческого общества божественную волю, но отличается здесь от средневекового богословия тем, что считает эту волю выражающейся в общественном строе не непосредственно, а через посредство разума и естественного права,—тем путем, что разум, естественное право, общественный договор, на них покоящийся, создаются богом как источником всякого блага [4]).

И в области искусства, наконец, Германия первой половины XVII века подводила итоги дворянской революции, окончательно усваивала новый стиль. Так было в области живописи, где классицизм делал заметные успехи. То же надо сказать о музыке. Сюда переносятся итальянский мадригал и Генрихом Шютцем итальянская опера. В хоралах Хаслера и Преториуса видно сильное влияние Джованни Габриели [5]).

---

[1]) De offico hominis et civis, praefacio, § IV.

[2]) Там же, liber II, cap. III, IX, VII.

[3]) Там же, liber II, cap. VIII, § IV.

[4]) Там же, liber II, cap. VI, § XIV; lib. I, cap. III, § XI; lib. II, cap. VI, § XIV.

[5]) *Саккетти*, Краткая историческая музыкальная хрестоматия 2-е изд., Спб. 1900, стр. 91 и 93.

III.

Дворянская революция во Франции.

Франция со второй половины XV века до начала 40-х годов XVII столетия, т.-е. в то время, когда в ней происходила дворянская революция, представляла собою страну по преимуществу земледельческую. В 1610 году доход от земледелия составлял в ней 900 миллионов франков. Тогда уже половина всего пространства страны была распахана [1]). Хорошо известно, как много внимания уделяли земледелию и вообще сельскому хозяйству, как им покровительствовали министры Генриха IV Сюлли и Оливье де Серр [2]). В XVI веке хлеб вывозился из Франции особенно в Испанию и Англию [3]). Во второй половине того же века появился ряд агрономических сочинений [4]), что указывает и на технический прогресс в сельскохозяйственном производстве.

Но в то же время было уже положено прочное основание развитию французской индустрии. Еще в XV веке красильщик Жилль Гобелен открыл близ Парижа красильню для шерстяных изделий и тем положил основание производству названных его именем гобеленов—ковров с картинами и орнаментом из шерсти и шелка. В XVI и XVII веках его дело продолжали его наследники [5]). Лион уже при Генрихе IV и даже гораздо раньше сделался круп-

---

[1]) *Moreau de Jonnès*, Etat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV, P. 1867, стр. 52.

[2]) *Pigeonneau*, Histoire du commerce de la France. t. II, P. 1889, стр. 255—260.

[3]) Там же, II, стр 98, 100.

[4]) Там же, II, стр. 265.

[5]) *Turgan*, Monorgaphie de la manufacture des gobelins. P. 1898.

ным промышленным центром: еще в 1473 г. там была основана первая типография; затем в XVI веке там появились фабрики бумажные и шелковые, причем еще в 1554 г. на шелковых фабриках считалось 12 тысяч рабочих [1]). Шелковыми изделиями славились также Ним и Тур, причем в последнем в 1546 г. было 8 тысяч мастеров шелкового дела [2]). Генрих IV и его министр торговли и промышленности Лаффема, происходивший из буржуазии, покровительствовали индустрии, в особенности стеклянному и суконному производствам [3]). Сукна производились в Пикардии, Нормандии и Лангедоке, стеклянные заводы развивались в Бургундии [4]). В Париже, Руане и Туре существовало производство мебели, в Нормандии с 1530 г. возникла выделка посуды, при Франциске I стали приготовлять ковры в Фонтенебло и Париже, красильни существовали в Париже, Руане, Амьене и Ниме [5]). В 1555 г. рабочий Бернар де Палисси дал хорошие образцы выделки эмалированного фаянса, и Генрих IV устроил фабрики тонкого фаянса в Париже, Невере и Сентонже [6]). Некоторые продукты французской индустрии стали находить себе сбыт заграницей: так, краски, ткани и бумага вывозились в Испанию, сукна, вина и материи в Англию [7]). При всем том французские фабрики при Генрихе IV давали большею частью лишь грубые изделия, которые расчитаны были, правда, на массовое потребление,—предназначались для буржуазии,—но не на более изысканный вкус дворянства; последнее предпочитало заграничные товары, получая шелковые и парчевые изделия из Италии, ткани и полотна из Фландрии, драгоценные камни и жемчуг с азиатского востока через Венецию и Марсель [8]).

Разумеется, характеризованные сейчас успехи французской индустрии и сельского хозяйства, а также и

---

[1]) *Pigeonneau*, Hist. du commerce de la France, II, стр. 31, 59, 61.

[2]) Там же, II, стр. 59, 60.

[3]) Там же, II, стр. 272, 286.

[4]) Там же, II, стр. 70, 59.

[5]) Там же, II, стр. 59, 61, 62, 63.

[6]) *Moreau de Jonnés*, Ètat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV, стр. 60.

[7]) *Pigeonneau*, Hist. du commerce de la Fr., II, стр. 98, 100.

[8]) *Moreau de Jonnés*, Ètat éc. et soc. de la Fr., стр. 58.

развитие при Генрихе IV горного дела [1]), приводившее к вывозу железа в Англию [2]), сильно оживляли и внутреннюю и внешнюю торговлю Франции в XVI в. и в первые десятилетия XVII столетия. Еще ко второй половине XV в., к царствованию Людовика XI, относится возникновение большой национальной ярмарки в Лионе. Она особенно стала расцветать при Карле VIII. В начале царствования Франциска I оборот ее достигал уже двух миллионов золотых экю. Высшего развития лионская ярмарка достигла при Генрихе IV. Тогда же расцвела парижская ярмарка, и, что главное, появился ряд мелких ярмарок, молекулярно распространявших товарное хозяйство по всей стране [3]). Сильно содействовали развитию внутренней торговли и меры правительства: короли, начиная еще с Филиппа IV Красивого и до Франциска I, строго преследовали установление торговых и проезжих пошлин без разрешения центрального правительства [4]); в XV и XVI веках уничтожается автономия цехов и гильдий, падает цеховая принудительность [5]); Франциск I в 1540 г. начал дело установления единства мер и веса, и это было закончено Генрихом II в 1558 г. [6]); хотя полной отмены внутренних таможень проведено не было, но все же Генрих IV установил большую свободу обложения предметов продовольствия, обращавшихся на внутренних рынках [7]); Ришелье при Людовике XIII покровительствовал французскому судостроительству и мореплаванию, устраивал мосты и дороги, строил порты, организовал почту, развивал колониальную политику [8]); вообще политика меркантилизма господствовала во Франции XVI и начала XVII в., и, напр., в отношении Испании достигнут был довольно рано благоприятный для Франции торговый баланс [9]). Наконец, и в сфере кре-

---

[1]) *Pigeonneau*, Hist. du comm. de la Fr., II, стр. 278.
[2]) Там же, II, стр. 99.
[3]) Там же, II, стр. 28, 30, 302, 303.
[4]) Там же, II, стр. 73.
[5]) Там же, II, стр. 91, 227.
[6]) Там же, II, стр. 94.
[7]) Там же, II, стр. 305—306.
[8]) Там же, II, стр. 387—433.
[9]) Там же, II, стр. 99.

дита Франция приобрела независимость, самостоятельность: уже в XV в. итальянские банкиры—ломбардцы, как их тогда называли—теряют во Франции свое прежнее господствующее положение, и первенство приобретают банкиры французские, такие, как Жак Кёр, Пелльтье, Анго [1]).

Таков был процесс победоносного шествия торгового капитализма во Франции, послужившего основой тех социальных, государственных и культурных перемен, которые нами обозначаются термином „дворянская революция".

Следя за ходом этой революции, необходимо различать и во Франции три основных момента ее развития: первый охватывает вторую половину XV века и первые 60 лет XVI столетия, т.-е. время, протекшее с царствования Людовика XI до первых лет Карла IX; второй момент—гугенотские войны—с 1562 по 1589 г., третий—с 1589 г. до вступления на престол Людовика XIV в 1643 г. — время Генриха IV и правление Ришелье при Людовике XIII.

Деятельностью двух в особенности королей отмечается первый момент дворянской революции во Франции: Людовика XI и Франциска I.

О Людовике XI его историк-мемуарист Филипп де-Коммин справедливо говорит: „он был другом людей среднего состояния и врагом всех знатных и сильных"; своих слуг из рядового дворянства и буржуазии он награждал „деньгами и землей" [2]). И зато эти слуги поддерживали королевское самодержавие. По словам де-Коммина, он „слышал, как слуги королей говорили", что король „берет (в виде налогов) все, что хочет, имеет это право и должен его охранять" [3]). Известно, что Людовик XI основывал новые рынки и ярмарки, проводил дороги, покровительствовал банкирам. Его замок Плесси ле Тур во многом напоминал Александровскую слободу, и сам он по характеру близко подходил к Ивану Грозному вплоть до паранойи, некоторой ненормальности

---

[1]) Там же, II, стр. 104—105.
[2]) *Commines*, Memoires, livre I, chap. X.
[3]) Там же, livre V, chap. XIX.

и большой извращенности [1]), а его слуги, окружавшие его в Плесси ле Тур, мало чем отличались от опричников Грозного. И отобрание феодальных владений, и казни, и жестокости были делами Людовика XI не в меньшей степени, чем Ивана Грозного.

Подобно Ивану Грозному, Людовик XI в 60-х, 70-х и 80-х годах XV века сделал таким образом первые решительные шаги в направлении к утверждению монархического самодержавия. Франциск I был самым видным продолжателем его дела.

Опорой его власти были те же общественные силы, которые создали абсолютизм Людовика XI: рядовое дворянство и буржуазия. Франциск I сознательно стремился найти прочный классовый фундамент для дворянской государственности: „он старался разузнавать о разных, пользовавшихся в различных провинциях особым уважением, людях как из среды дворянства и духовенства, так и из горожан и народа и, чтобы расположить их к себе, давал им места в армии, в суде или в финансовом управлении или другим способом покровительствовал им. Их влияние сдерживало всякие враждебные ему движения“ [2]).

Франциск I положил прочные основы бюрократической системе управления во Франции [3]) Он утвердил порядок совещаний короля с ближайшими сановниками, установил тесный, узкий королевский совет—conseil des affaires—близко напоминавший московский совет „сам третей у постели“ или „комнатную, ближнюю думу“ [4]). Его самодержавие нашло себе классическое выражение в знаменитом изречении: „чего хочет король, того хочет закон“ („ce, que veut roi, veut loi“). В его время „французские короли считались самыми неограниченными государями в свете“ [5]).

Всего важнее было то, что Франциск подчинил дворянскому самодержавию французскую церковь, по суще-

---

[1]) *Brachet,* Pathologie mentale des Rois de France. Louis XI et ses ascendants. Paris 1903.

[2]) *Ranke,* Frankreich im Zeitalter der Reformation, B. I.

[3]) *Pigeonneau,* Histoire du commerce de la France, II, стр. 175.

[4]) *Ranke,* Frankreich im Zeit der Ref., I.

[5]) Там же.

ству создал положение, близкое к отношениям между церковью и государством в протестантских странах. Карл VII еще в 40-х годах XVII в. пытался навязать папе прагматическую санкцию, по которой папская власть и папские доходы во Франции совершенно уничтожались: король указывал кандидатов на церковные места, а папа должен был давать формальное согласие на их утверждение; папские поборы отменялись; апелляция к папскому суду подвергалась сильнейшим ограничениям; папские буллы получали действие во Франции только с согласия короля. Признать прагматическую санкцию значило для пап подписать самоуничтожение, и они ее не признавали никогда. Франциск I победил папу, но руководители дворянско-самодержавной политики при нем вовсе не задавались утопическими целями, и потому в 1516 г. заключен был Болонский конкордат, по которому за папой сохранены были высшая церковная юрисдикция и доходы, а король фактически стал назначать на все церковные должности и распоряжаться церковными землями [1]. „Для королевской власти было выгодно то, что французское духовенство вследствие конкордата оказалось по отношению к ней в весьма зависимом положении. Кардиналы составляли часть придворного штата Франциска I; он выбирал своих посланников из духовного и высшего судебного сословия; он помещал своих ветеранов в монастыри и приказывал давать им содержание; главным же образом он собирал с церкви значительные суммы“ [2].

Наконец, Франциск I вел и внешнюю политику нового национального типа и масштаба,—стремился к расширению государственной территории Франции, к созданию более обширного национального рынка для развития торгового капитализма.

Духовная культура Франции в первый момент дворянской революции также была весьма богата новшествами. Здесь прежде всего обращает на себя внимание французский гуманизм.

---

[1]) *Meaux*, La Réforme et la politique française en Europe jusqu'à la paix de Westphalie, t. I, P. 1889, стр. 10.

[2]) *Ranke*, Frankreich im Zeit d. Ref., I.

Его пионером был Гильом Бюде (1467—1540 г.г.), лучший эллинист своего времени, посоветовавший Франциску I основать Collège des trois langues, превратившийся потом в Collège de France—новое гуманистическое высшее учебное заведение, противоположность схоластической Сорбонне [1]). Дальше по пути гуманистического развития пошли Доле, Деперье и Раблэ.

Доле и Деперье были проповедниками широкой свободы и терпимости и потому боролись на два фронта— и против протестантов и в особенности против католиков, главным образом против Сорбонны. Доле писал по-латыни стихами и прозой и содержал в Лионе типографию, где смело печатал запрещенные книги. Деперье составил сборник новелл и написал сатирическое произведение „Cymbalum mundi"—„Колокол на весь мир"— против религиозной нетерпимости. Оба кончили печально: Доле был казнен, и тело его сожжено по приговору инквизиции; Деперье прекратил свою жизнь самоубийством [2]).

Гораздо практичнее их был талантливейший из представителей французской мелкобуржуазной гуманистической интеллигенции Раблэ (1483—1553 гг.). Сын содержателя гостиницы, он воспитывался в монастырях, но за занятия греческой литературой был изгнан из францисканского монастыря, потом оставил монашество, служил секретарем у дворян, занимался естествознанием и медициной, знал ряд языков, в том числе латинский, греческий, еврейский и арабский. В 1534 г. он написал первую книгу своего романа „Гаргантюа", а спустя несколько лет написал еще три книги его продолжения под заглавием „Пантагрюель". Смерть застала его за работой над пятой книгой романа. Обладая большим художественным талантом, Раблэ сумел ярко выразить гуманистическое мировоззрение и в его отрицательном, сатирическом отношении к старине, и в положительных идеалах. Сатира направлена против теологического миросозерцания, религиозной нетерпимости, обскурантизма, аскетизма, войны, судов, папства, монашества, Сорбонны.

---

[1]) *Стороженко*, Очерк истории зап.-европ. лит., стр. 130.
[2]) Там же, стр. 131.

Наслаждение жизнью проповедуется и в рассказе о Телемском аббатстве (от „телема“—„свободное желание“), и устами эпикурейца и весельчака Панюржа, которого встречает Пантагрюель [1]). Замечательны новые идеи Раблэ о воспитании, причем в этих идеях можно подметить даже целую эволюцию, прогресс в миросозерцании и педагогической системе самого автора. Уже в воспитании Гаргантюа ничего не остается от схоластики: „вернитесь к древности, но оставайтесь верны природе“—вот основной, совершенно новый здесь принцип. Физические упражнения и игры и путешествия рассматриваются как важные воспитательные средства. Самодисциплина, свободные и широкие умственные занятия и интересы, чтение—вот основы морального и интеллектуального воспитания. Воспитание Пантагрюеля более гуманистично и систематично: сохранено в нем все ценное и новое, что свойственно было воспитанию Гаргантюа. Но прибавлен курс гуманистических наук—языков, литературы, права, философии, анатомии, астрономии. „Явления природы, вполне исследованные, разобранные и классифицированные, составляют предмет уже не поверхностного наблюдения, а науки точной, правильно организованной [2])“. И над всем царит новая задача: надо изучать землю и земное [3]). К числу проявлений гуманизма во французской литературе относится и „Гептамерон“—собрание новелл, официальным автором которого была Маргарита, королева наваррская.

Гуманизм находил себе отражение и во французском искусстве первой половины XVI века. В 40-х, 50-х и 60-х годах стиль ренессанс нашел себе ярких представителей и выразителей во французской архитектуре в лице Леско, построившего чрезвычайно изящную юго-западную часть надворного фасада Лувра в Париже, давшую затем тон всем остальным, построенным позднее частям этого дворца [4]), и Филибер де л'Орм, соорудивший первый по времени архитектурный памятник стиля

---

[1]) Там же, стр. 133—140.

[2]) *Gebhart*, Rabelais, Paris, 1877.

[3]) *Стороженко*, Очерк ист. зап.-евр. лит., стр. 140.

[4]) *Байе*, История искусств, стр. 184; *Barberot*, Histoire des styles d'architecture, II, стр. 55.

Возрождения во Франции замок С.-Мор, гробницу Франциска I в Сен-Дени, замок Фонтенебло и начавший строить Тюльерийский дворец [1]). То же направление представлено было в XVI в. скульптором Жаном Гужоном с его целомудренной, изящно и смело скомпонованной Дианой [2]) и живописцами-портретистами Жаном и Франсуа Клуе, которые, испытав в особенности нидерландское, фламандское влияние, отличались точностью рисунка, верным изображением деталей и психологическим анализом [3]).

Гуманистическое влияние в духовной культуре Франции уже в первый момент дворянской революции встретилось еще с другим влиянием—религиозным, именно протестантским или, точнее, реформатским, влиянием кальвинизма.

Первым представителем реформационного движения во Франции был профессор парижского университета Лефевр д'Этапль. „Задолго до Лютера он провозгласил важнейший принцип реформации, что одних дел недостаточно для спасения, а необходима благодать; что священное писание — источник и руководство истинного христианства" [4]). Лефевр и его ученики, главным из которых был Фарель, нашли себе покровителя в лице епископа города Мо, Брисонне, около которого образовался целый реформационный кружок. По образцу и под влиянием этого кружка сложились протестантские группы в Париже, Орлеане, Бурже, Тулузе. Сочинения Лютера стали находить себе распространение во Франции. Брисонне возбудил симпатии к реформации в сестре Франциска I, Маргарите, королеве наваррской [5]). Луи де Беркен соединял в своих воззрениях идеи Эразма Роттердамского и Лютера [6]). Характерную фигуру представлял собою, наконец, Клеман Маро—гуманист, подража-

---

[1]) *Байе,* Ист. иск., стр. 183—184; *Barberot,,* Hist. d. styles, II, стр. 58.

[2]) *Байе,* Ист. иск., стр. 186.

[3]) *Moreau Relaton,* Les Clouet, P. 1908.

[4]) *Лучицкий,* Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции, ч. 1-я.

[5]) Там же.

[6]) *Ranke,* Frankreich im Zeit. d. Ref.

тель Овидия и Марциала в своих элегиях и эпиграммах, и вместе лютеранин, переводчик „Псалмов“ и автор нескольких чисто-лютеранских сочинений [1]).

Но важнее всего для истории реформации во Франции—и не в одной Франции—была деятельность Жана Кальвина.

Учение и личность Кальвина нельзя понять без внимания к довольно долгой и сложной эволюции, которую Кальвин пережил. Уже прежние исследователи деятельности Кальвина до известной степени сознавали это [2]). Теперь, когда исследованы перемены, вносившиеся Кальвином в разные издания его „Наставления в христианской вере“ („Institutio religionis christianae“), и выяснена практическая деятельность Кальвина в Женеве, можно признать несомненным, что и церковные, и политические воззрения Кальвина были в разные времена различны, хотя эволюция их и представляла связный, единый процесс. И соответственно этому разные классы и партии брали из учения Кальвина в разные моменты его эволюции то именно, что соответствовало их идеалам и интересам.

Лефевр, Брисонне, Беркен, Маро надеялись еще на мирные средства реформы—на гуманистическое просвещение и проведение реформы сверху, правительственной властью. И Кальвин в конце 1533 и в начале 1534 гг. еще примыкал к этой умеренно-реформационной партии. Но правительство Фрациска I разрушило эти реформистские иллюзии. Беркен умер на костре, Маро погиб в изгнании; выросло новое поколение сторонников реформы, усвоившее под влиянием преследований новые, гораздо более радикальные взгляды. Это сильно повлияло на Кальвина. Помогло и влияние страсбургского реформатора Буцера, сказавшееся через родственника Кальвина Оливетана. И в 1534 г. в Кальвине происходит решительный перелом, а в 1535 г. он присту-

---

[1]) *Wagner*, C. Marot Verhaltniss zur Antike; *Douen*, C. Marot et le Psautier huguenot.

[2]) *Kampschulte*, Johann Kalvin, seine Kirche und sein Stadt in Gent.

пает к составлению первой редакции своей книги „Institutio religionis christianae"[1]).

В первом издании этой книги мало говорится о предопределении, и нет предпочтения никакой форме правления. Кальвину свойственно, впрочем, представление о государстве в новом смысле, как о союзе общественного господства: казна, например, рассматривается им не как частное достояние правителей, а как достояние народа. Повеление правительства, противное воле божией, не имеет силы, но тут имеется в виду, повидимому, лишь пассивное сопротивление. Церковь независима от государства и в вопросах догмы, и в культе. Некоторые аристократические тенденции сквозят лишь в вопросе об устройстве церкви. Предполагаются два сана—епископы или пресвитеры для богослужения и учения, и диаконы—для управления церковным имуществом. И те и другие должны выбираться, но не демократией, а сановниками, сенатом, старейшинами вместе с несколькими духовными лицами[2]).

Таков первоначальный, еще слабо очерченный, мало определенный абрис церковной и политической организации у Кальвина. Дальнейшая эволюция совершилась в значительной мере под влиянием швейцарской, в частности женевской, действительности, почему необходимо бросить взгляд на реформацию в Швейцарии.

Швейцария, начало самостоятельности которой относится к XIV веку, долго представляла собою по наследству от средних веков страну аристократической олигархии и невежества отдельных кантонов в политическом отношении. Борьба с тем и другим во имя интересов мелкой буржуазии—городской и сельской демократии—была основной задачей Цвингли (1484—1531 гг.). Он стоял за республику, за самоуправление общин и кантонов, за равноправие кантонов. Органы общинного самоуправления являлись, по Цвингли, и высшей церковной властью, следили за порядком в церкви и жизнью пасторов. Пасторы могли порицать и обличать неспра-

---

[1]) *Виппер,* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма, М. 1894, стр. 107—117.

[2]) Там же, стр. 121, 124, 135, 137—138, 127.

ведливости властей по образцу древне-израильских пророков. Гуманистически-образованный Цвингли строго критически проверил догматы и обряды св. писанием и на основании этого отменил иконы, колокола, свечи, органы, признал только одно таинство—крещение и даже причащение считал лишь историческим воспоминанием. Берн и Цюрих были главными центрами цвинглианства. Цвингли боролся на два фронта—против анабаптизма городских пролетарских низов и против католицизма привелигированной олигархии. В войне с католическими кантонами он и погиб, и его идеалы долго оставались недостигнутыми в обще-швейцарском масштабе [1]). В отдельных кантонах, в частности в Женеве, довершил и далее развил дело реформации Кальвин, сливший впоследствии цвинглианство с кальвинизмом в одну реформатскую церковь.

В Женеве старые феодальные власти—герцоги савойские и местные епископы—лишились прежнего положения к 30-м годам XVI века. Во главе освободительного движения здесь стояло богатое купечество—новая торгово-капиталистическая буржуазия. Главным деятелем являлся Безансон Гюг. Руководящее значение приобрел совет двухсот, часто заменявший собою и вече, которое, однако, продолжало собираться. Расширилась и компетенция малого совета или совета 50-ти, который получил большую судебную власть и дипломатическую компетенцию. Оба совета представляли кандидатов в синдики, и только из этих кандидатов производило свой выбор вече [2]).

Борьба с герцогом и епископом заставила женевскую буржуазию вступить на путь реформации и сблизиться с ее представителями—Фарелем, а потом Кальвином, который сам и по рождению и по симпатиям был зажиточный буржуа. В 1536 г. женевское вече санкционировало правительственную реформацию, и Кальвин принял участие в выработке проекта устройства церкви. Но

---

[1]) *Janssen*, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, III, 15 изд., 1891, стр. 88 и след.; *Виппер*, Церковь и госуд. в Женеве, стр. 139.

[2]) *Виппер*, Церковь и госуд. в Женеве, стр. 7—11, 22—30.

проект этот не удалось провести в жизнь: с одной стороны, правящая буржуазия его исказила, поставив пасторов в полную от себя зависимость, с другой—победила радикальная оппозиция из городских низов—анабаптисты и другие секты, несогласные между собою. Кальвин уехал из Женевы в Страсбург [1]).

Здесь он отдался организации протестантского движения в широком общеевропейском масштабе, устройству страсбургской французской протестантской общины, приобрел большой практически-организаторский опыт и в 1539 году выпустил второе издание „Наставления в христианской вере“. Здесь проведено новое учение о видимой церкви: всемирная церковь об'единена истиной божественного учения; отдельные общины—части этой всемирной церкви; законную церковь создают проповедь евангелия и правильное совершение таинств; недостойные могут быть в такой церкви, но церквей недостойных нет. Практическая деятельность Кальвина по устройству протестантской общины в Страсбурге была направлена на установление строгой дисциплины в церкви и на полную самостоятельность церкви в отношении к государству: в церковном управлении и надзоре за нравами был светский элемент—старейшины, но они выбирались особыми комиссарами от правительства только из числа кандидатов, представленных пастором, так что на деле пастор определял и состав церковного управления [2]).

В 1541 году победа крупной буржуазии в Женеве вернула туда Кальвина, и он представил проект устройства церкви, проникнутый стремлением провести строгую нравственную дисциплину, расширить влияние церкви на жизнь и обеспечить самобытность церковной общины. Поэтому Кальвин хотел ввести четыре духовных сана—пасторов, докторов, старейшин и диаконов. Диаконы были подчинены пасторам, старейшины выбирались женевскими советами, но кандидатуры ставились лишь с согласия пасторов; доктора, подготовлявшие будущих пасторов, рекомендовались тоже пасторами. Цер-

---

[1]) Там же, стр. 145—194.
[2]) Там же, стр. 201—211.

ковный суд составлялся из пасторов и старейшин. Проект этот не прошел целиком. Светская власть в Женеве сделала старейшин не церковным саном, а агентами правительства; прием в пасторы производился в присутствии двух делегатов совета; суд передан совету, а у консистории из пасторов и старейшин оставлены только следствие и доклад совету по церковно-судебным делам [1]).

Кальвин принял эти изменения, но лишь как практический компромисс, далеко его не удовлетворявший. На это указывает третье издание его „Наставления“, вышедшее в 1543 году. Здесь Кальвин сделал огромный шаг в направлении к демократическому идеалу: об‘явив докторов пророками, а пасторов апостолами, он признал народную волю, независимую от правительства, источником избрания и смещения докторов, пасторов, старейшин и диаконов. Церковь должна иметь право нравственного суда, который по отношению к светским людям вершится старейшинами. Внутренняя церковная дисциплина в руках коллегии докторов и пасторов. Догматические разногласия пасторов решает не светская власть, а синод, с‘езд докторов и пасторов. Самостоятельность церкви и ее демократическое устройство выступают здесь с полной определенностью [2]).

В 1560 г. Кальвин окончательно проводит в Женеве это демократическое устройство церкви и в последние годы своей жизни высказывается и в государственном строе за республику и демократию, против монархии. Он утверждает, что народ имеет право пассивного сопротивления тирании, а официальные защитники народной свободы имеют право сопротивления активного; против нечестивого государя народы имеют право восстания [3]).

Так мысль, теория и практика Кальвина привели его в конечном счете к демократическому идеалу. Ошибочно мнение Кампшульте, что учение о предопределении логически обусловливало аристократизм и олигархию: пред-

---

[1]) Там же, стр. 243—257.
[2]) Там же, стр. 285—302.
[3]) Там же, стр. 498—527.

определенные к спасению, electi, избранные—аристократия. Это не так: учение о предопределении не имеет никакого отношения к устройству ни церкви, ни государства. Каждый, по Кальвину, должен считать себя избранным, ибо воля божия неизвестна, и бог может избрать и тех, кто вне земной церкви, и отвергнуть, осудить тех, кто является членом этой церкви [1]).

Так в значительной степени, почти целиком в течение первого момента дворянской революции во Франции была подготовлена в учении Кальвина—отдельными этапами эволюции этого учения—идейная основа борьбы различных классов и партий, развернувшейся во всю ширь, как увидим, во второй момент той же дворянской революции.

Чтобы закончить историю духовной культуры в ту же эпоху Людовика XI и Франциска I, остается еще отметить, что и французская наука того времени, особенно наука права и история, сделала значительные успехи. Виднейшим историком эпохи является упоминавшийся уже нами выше автор „Мемуаров“ или „Хроники и истории событий царствований Людовика XI и Карла VIII“, Филипп де Коммин, типичный дворянин своего времени, наживший на королевской службе земли и деньги, противник феодализма, реальный политик типа Маккиавелли. В его произведении виден новый научный дух и определенное политическое мировоззрение. Юристы Альсиа и Кюжа, учителя Кальвина, имели подобное же значение в науке права.

Итоги первого момента дворянской революции во Франции таким образом ясны: торговый капитализм, сделавший первые шаги вперед, выдвинул на первый план дворянство и буржуазию и подорвал решительно прежнее господство феодальной аристократии; самодержавие королей и бюрократия были ближайшими последствиями такого сочетания общественных сил; начала слагаться и новая культура—в литературе, искусстве, религии, науке; одним словом, новые и старые общественные силы были резко противопоставлены друг другу. Решительная борьба их, бурный конфликт были

[1]) Там же, стр. 121—124.

неизбежны. Они и выразились во второй момент—между 1560 и 1594 годами—в гугенотских войнах, этом „смутном времени“ во Франции XVI века, когда за поставленными на очередь религиозными проблемами и династическими притязаниями скрывались социальные, классовые интересы.

В изложениях гугенотских войн, имеющихся в исторической литературе, русской и иностранной [1]), исследователи делают ударение главным образом на борьбе двух партий,—католической лиги во главе с Гизами и протестантской коалиции, возглавлявшейся Конде, Генрихом Наваррским, Колиньи и пр. Религиозные поводы к борьбе обыкновенно при этом заслоняют ее социальную подкладку и политическое содержание. Самое большое, до чего доходят,—это утверждение, что Екатерина Медичи, Генрих III, Генрих IV отстаивали королевский абсолютизм и с этою целью лавировали между обеими борющимися сторонами. При всем том даже и такая методологически далеко не вполне правильная постановка проблемы не может всецело затемнить истину: факты, которыми оперируют исследователи, слишком вопиют о себе, и истина прорывается подчас против воли тех, кто ее пытается игнорировать, не хочет или не умеет рассмотреть. Королевское самодержавие имело социальную земельно-дворянскую основу, это — во-первых; во-вторых, необходимо точнее определить социальную природу тех сил, которые действовали под главенством Гизов, с одной стороны, и их протестантских противников—с другой.

Едва ли не первым, кто отметил наличность этой третьей партии нового дворянства, отстаивавшего абсолютизм и государственный порядок, был Гизо [2]). Он во многих отношениях верно ее характеризовал: указал, что она „составилась из католиков“, но „считала необходимым щадить протестантов и делать им уступки для

---

[1]) *Лучицкий,* Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции; *Лучицкий,* Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфол. ночи; *Лучицкий,* Катол. лига и кальвинисты во Франции; *Meaux,* La, reforme et la politique française en Europe; *Meaux,* Les luttes religiouses en France; *Ranke* и пр.

[2]) *Guizot,* Histoire de France racontée á mes petits enfants, т. III.

предупреждения гибельных для государства вспышек", „применялась ко всем обстоятельствам данной минуты, была занята более всего поддержанием общественного спокойствия". Гизо же отметил и главного руководителя этой партии в начале 60-х годов XVI века канцлера Л'Опиталя [1]).

Что такое представляли собою католическая и протестантская партия,—это также можно установить точно: обе партии имели по преимуществу феодальный характер; боролись прежде всего две феодальные аристократии—северная во главе с Гизами и южная во главе с королем Наваррским, Конде, Колиньи, из которых Колиньи был самый умеренный, ближе всего подходил к партии Л'Опиталя. У гугенотов был и буржуазный элемент—юго-западная французская буржуазия, дорожившая местными феодальными привилегиями [2]). Гугенотская аристократия в особенности мечтала о грабеже церквей и конфискации имущества духовенства [3]). Обе аристократические партии выставляли, как всегда бывает в смутные времена, и своих претендентов на престол: у католиков то были Гизы, у гугенотов Бурбоны.

Необходимо проследить основные моменты борьбы, так-называемых „гугенотских войн", и познакомиться с различными сочетаниями общественных сил и с эволюцией партий и политических группировок в ходе борьбы.

В гугенотской партии вначале главный вес имела буржуазия. На нее и обрушился вождь католически-феодальной партии герцог Франциск Гиз: он устроил в марте 1562 г. резню в городе Васси, где были убиты 60 протестантов. Тогда к буржуазии, которою руководили пасторы во главе с Теодором Беза, примкнула гугенотская аристократия: выбран был предводителем принц Конде, около которого составился аристократический совет из трех братьев Шатильонов (один из них—Колиньи), графа де-ла-Рошфуко, виконта де Рогана,

---

[1]) Там же.

[2]) *Лучицкий,* Феод. аристократия и кальвинисты во Франции, т. I; *Meaux,* Les luttes réligieuses en France; *Forneron,* Ducs de Guises et leur époque.

[3]) Там же; ср. *Hanotaux,* Histoire du cardinal de Richelieu, т. I.

де Монгомери, де Субиза и др. Однако, большая часть гугенотской аристократии, испугавшись грозного королевского эдикта о наказаниях за восстание, отступила от общего дела. При г. Дре в Нормандии протестанты были разбиты, и Конде взят в плен. Но Франциск Гиз пал от руки убийцы — дворянина-гугенота при осаде Орлеана, и одержала верх та промежуточная партия из дворян-абсолютистов, на которую опиралась Екатерина Медичи. Первая гугенотская война кончилась в 1563 году Амбуазским эдиктом, который провел Л'Опиталь: дана была до собора полная свобода вероисповедания графам, баронам и дворянам, имевшим haute justice (высшие судебные права), их семействам и вассалам; дворяне, не имевшие haute justice, также получили свободу вероисповедания для себя и своих семейств, если они жили не в городах и не в местечках; во всех бальяжах, кроме парижского, гугеноты могут иметь по одному городу для свободного богослужения [1]).

Невыполнение условий Амбуазского эдикта вызвало вторую гугенотскую войну, более неудачную для гугенотов, чем первая. Мир в Лонжюмо сократил права гугенотов по сравнению с Амбуазским эдиктом.

Это вновь привлекло гугенотскую аристократию к союзу с буржуазией. Феодальные и республиканские элементы, одинаково идейно питаемые кальвинизмом в разные моменты его развития, об'единились в третьей гугенотской войне, происходившей в 1569 и 1570 годах. Война ознаменовалась блестящими победами католиков при Монфоконе и Жарнаке, причем победителем был не Гиз, а любимый сын Екатерины Медичи герцог Анжуйский, и пал в битве Конде. Но партия дворян-абсолютистов через Екатерину Медичи не допустила всеси..ия Гизов и торжества католически-феодальной партии: Сен-Жерменский мир 1570 г. не только подтвердил религиозную свободу гугенотов, но и дал им четыре крепости в качестве мест, обеспечивающих сохранение договора (places de sûreté). В закрепление мира предпо-

---

[1]) *Лучицкий,* Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции, т. I; *Meaux,* Les luttes réligieuses en France au XVI siècle.

ложен был брак Генриха Наваррского и Маргариты Валуа, сестры Карла IX [1]).

Но партия абсолютистов не считала вопроса решенным. Король, его мать и брат, Бираг и другие поставили себе целью уничтожить и Шатильонов в лице Колиньи и Гизов. Начать решено было с Колиньи,— отсюда произошла Варфоломеевская ночь с 23 на 24 августа 1572 г. [2]).

Четвертая гугенотская война 1572—73 годов, вспыхнувшая после того, кончилась подтверждением условий Сен-Жерменского мира, что далеко не удовлетворило господствовавшую среди гугенотов аристократию. Феодальные тенденции ее привлекли к ней и часть католической аристократии—так-называемых „политиков"—герцога Алансонского и Данвиля, члена знатной фамилии Монморанси. Отсюда произошла пятая гугенотская война 1574—76 годов, завершившаяся тем, что Генрих III в 1576 г. дал эдикт в Шатенуа, по которому гугенотам обещаны были небывало-широкие права: гугеноты получили доступ во все должности наравне с католиками; им дана полная свобода богослужения во всем государстве кроме Парижа и местопребывания королевского двора; суд между гугенотами и католиками должен был вершиться в особых палатах, составленных из представителей обеих религий поровну; в обеспечение гугенотам даны были 11 places de sûreté; наконец, вожди гугенотов и их союзников получили в качестве губернаторов провинций почти полную феодальную независимость [3]).

Тогда Гизы основали в Пикардии католическую лигу с такими же притязаниями на местную феодальную обособленность. Организация быстро распространилась по всей стране. Осенью 1576 г. Гизы решили двинуть войска в Блуа, где заседали генеральные штаты, свергнуть короля Генриха III и дать престол герцогу Генриху Гизу. На выборы в генеральные штаты гугенотов фактически не допустили, и несмотря на это Гизы не всецело господствовали в штатах: за них было немногим более поло-

---

[1]) Там же.

[2]) *Лучицкий,* Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции, т. I.

[3]) *Meaux,* Les luttes réligieuses en France au XVI siècle.

вины всех представителей сословий. Особенно буржуазия в большинстве своем была против них. Генрих III решил вырвать оружие из рук Гизов и сам об'явил себя главой лиги, заявил, что эдикт в Шатенуа у него вынужден, и об'явил войну гугенотам. Но он действовал тут в интересах абсолютизма, в согласии со своей партией. И буржуазия в сущности была за короля. Наконец, и „политики“ во главе с Данвилем, недовольные республиканскими тенденциями буржуазии в рядах гугенотов, также примкнули к королевской партии. Шестая гугенотская война 1576—77 годов кончилась поэтому не торжеством Гизов, а миром в Бержераке и эдиктом в Пуатье, которыми почти целиком, с некоторыми лишь ограничениями, подтверждены были постановления эдикта, изданного в Шатенуа [1]).

Но исполнение изданных эдиктов далеко не соответствовало их содержанию, и этим была вызвана седьмая гугенотская война 1580 года. Она кончилась тем же компромиссом. Но важно было то, что „политики“ во главе с Данвилем и большинство гугенотского дворянства отошли от гугенотской партии и увеличили собою ядро партии дворян-абсолютистов. Буржуазия стала главной силой гугенотской партии. Партия Гизов попыталась воспользоваться ослаблением гугенотов и провела Немурский эдикт, который лишал гугенотов всех их достижений. Тогда началась последняя, восьмая гугенотская война, длившаяся с 1585 по 1589 г. В 1587 г. Генрих Наваррский, вождь гугенотов, наследник престола, разбил католиков при Кутра. Генрих III, видя, что Генрих Гиз стремится лишить его престола и сам сделаться королем, велел убить герцога Гиза, что и было исполнено. Это повело к фактическому союзу партии дворян-абсолютистов с гугенотами, к союзу Генриха III с Генрихом Наваррским. Но католическая партия, во главе с братом убитого Генриха Гиза герцогом Майенским, оставаясь единственной теперь опорой феодальной реакции, продолжала борьбу. Генрих III был в 1589 г. убит католиком Жаком Клеманом. Королем стал Генрих IV, и он уже через два дня после смерти Генриха III обе-

---

[1]) *Лучицкий,* Католическая лига и кальвинисты во Франции.

щал католическому дворянству охранять авторитет католицизма, победил при Архе и Иври герцога Майенского и, выдержав еще тяжелую борьбу с полководцем Филиппа II испанского Александром пармским, в 1594 г. принял католицизм и занял Париж. 15 апреля 1598 г. Генрих IV издал знаменитый Нантский эдикт. Им была обеспечена гугенотам свобода вероисповедания и богослужения, они были допущены ко всем должностям. Для разбора судебных дел гугенотов с католиками учреждены были смешанные палаты в парижском, гренобльском и бодоском парламентах. Гугеноты получили ряд places de sûreté [1]).

Генрих IV правил Францией, опираясь на абсолютиские дворянство и буржуазию [2]). Он был убит Равальяком, но дело его завершил при Людовике XIII Ришелье.

Деятельностью Ришелье завершается третий, последний момент дворянской революции во Франции. Ришелье уничтожил гугенотские places de sûreté, но сохранил все остальные постановления Нантского эдикта. Политическое завещание Ришелье не оставляет ни малейшего сомнения в его абсолютистских тенденциях, в том, что королевское самодержавие было основной и сознательной целью государственной деятельности кардинала. Понятие о государстве как о союзе общественного господства было точно и верно усвоено Ришелье. Классовые интересы ясно сказывались у Ришелье в его понимании цели общего блага, которое должна себе ставить основной задачей самодержавная монархия: покровительство дворянскому землевладению, сословности, податное состояние народных низов, сословная просветительная политика с ограничением народного образования—вот основы политической системы Ришелье [3]).

В правление Ришелье попытки феодальной аристократии вернуть себе былое господство выродились в бессильные заговоры, руководители которых—Шале и Сен-Марс—поплатились за это жизнью. Несмотря на по-

---

[1]) *Meaux,* Les luttes réligieuses en France au XVI siècle; *Sander,* Die Hugenotten und das Edict von Nantes, Berl. 1885.

[2]) *Forneron,* Ducs de Guise et leur époque, т. II, стр. 414.

[3]) *Hanotaux,* Histoire du cardinal de Richelieu, т. II.

пытку критически отнестись к установлению Ришелье зародыша должности интендантов [1]), надо все-таки сказать, что именно им была установлена в виде „комиссаров, отправленных в провинции“ (commisaires départis) эта важная должность—опора и основа новой бюрократии, сменившая на деле власть старых полуфеодальных губернаторов, должность которых сделалась после того синекурой [2]).

Второй момент дворянской революции во Франции, как и смутное время в России XVII в., сопровождался широким развитием публицистики, политической литературы. Здесь прежде всего обращают на себя внимание монархомахи-гугеноты. В 1573 г. Отман издал свою „Франко-Галлию“, шесть лет спустя вышли „Vindiciae contra tyrannos“ Юная Брута (Ланге), а затем появился ряд других гугенотских памфлетов, родственных по духу сейчас названными самым замечательным из них. Основные идеи, здесь изложенные, сводятся к следующему:

Между государем и народом существует договор, охраной которого являются представители народа—магистраты, сенаты. Государь обязуется править хорошо и по законам, а народ обязуется в таком случае ему подчиняться. Этим определяется верховенство народа. Государь дает чистое обязательство (obligatio pura), а народ—условное обязательство (obligatio sub condicione). Обе стороны, в случае нарушения договора, имеют право восстания. Кроме договорной теории, монархомахи поддерживали верховенство народа еще ссылками на библию, особенно на ветхий завет, а также на corpus juris и на свидетельства истории. Право восстания и тираноубийства и обусловливалось суверенитетом народа [3]).

В противовес монархомахам идеологом абсолютизма выступил Боден. Его славу составляют два главных его сочинения „Метод к легкому познанию истории“ 1566 г. и „Государство“ 1576 г. Первое из этих сочинений—попытка научного, социологического построения истории.

---

[1]) *Ардашев,* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка: Провинциальные интенданты, т. I.

[2]) *Babeau,* La province sous l'ancien régime.

[3]) *Treumann,* Die Monarchomachen, Leipz. 1895, стр. 54—62, 64—68.

Боден хочет здесь исследовать законы истории, чтобы получить материал для научного построения политики [1]). Происходя из зажиточной буржуазии, он усвоил новый научный дух и пытался провести его в жизнь. Те же интересы и тенденции сказались и в политической деятельности Бодена как члена генеральных штатов и в его сочинении о государстве. Он был противником феодальной аристократии и сторонником самодержавия монарха, но в новом и углубленном понимании этой государственной формы. Носителем верховной власти Боден считает монарха, при котором генеральные штаты имеют только совещательное значение. Легитимную монархию Боден определял как такую, при которой подданные подчиняются законам монарха, а монарх—законам природы, ограждающим естественную свободу и имущественную собственность подданных [2]). Самодержавие таким образом ограничивается естественным правом, справедливостью, конкретно, во-первых, договорами монарха с другими суверенами и лицами, ему подчиненными, во-вторых, правом частной собственности, в третьих, основными законами, которые, впрочем, по Бодену, могли изменяться абсолютной волей монарха [3]). Уже во всем этом видно новое понимание государства как союза общественного господства и отрицание вотчинного, феодального принципа. Это же подтверждается и понятием о цели государства: Боден точно определяет цель государственного союза как общее благо [4]). Наконец, обращает на себя внимание у Бодена анализ юридической природы новой государственности. Государство, по Бодену, есть суб'ект права, юридическое лицо; и вместе с тем оно—юридическое отношение правопорядка, соотношение между правительством и управляемыми, соотношение приказа и исполнения. Правоотношение это—публичного характера, основанный именно на принципе общего блага [5]).

---

[1]) *Bodrillart,* J. Bodin et son temps, P. 1853, стр. 147—150.

[2]) Там же, стр. 156, 273, 287, 289.

[3]) *Болдырев,* Учение Жана Бодена о государстве и государственной власти: „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1910 г., янв., стр. 81—83.

[4]) Там же, стр. 64.

[5]) Там же, стр. 59—64.

Государственная теория Бодена—этого—mutatis mutandis—двойника Маккиавелли—как нельзя более соответствует условиям торгового капитализма и правильно понятым и научно истолкованным интересам дворянства, а также и крупной и средней торговой и промышленной буржуазии того времени. Боден теоретически обосновал политику Генриха IV и Ришелье; его справедливо называют поэтому теоретиком политики Нантского эдикта [1]).

Так слагалась дворянская наука государственного права,—один из важнейших элементов дворянской духовной культуры. В то же время по преемству от индивидуалистических, гуманистических начал литературы первого момента дворянской революции во Франции развивались основы литературного классицизма. Этот процесс связан с деятельностью так-называемой „Плеяды"— литературной школы во Франции XVI века.

Теоретиком Плеяды был Дюбеллэ в его „Защите французского языка": он высказался здесь за преобразование французского поэтического, литературного языка по образцу древних греков и римлян и итальянцев. Для этого он предлагал облагородить язык введением слов из древних языков и облагородить поэзию введением форм и видов, употреблявшихся в античной поэзии [2]). Первым, кто осуществил на практике эту реформу, был Ронсар с его классическими одами, оригинальной легкой поэзией и классической поэмой „Франсиада" [3]). Та же Плеяда создала и новую французскую трагедию. Здесь главное значение имел друг Ронсара Жодель со своей „Клеопатрой" (1552 г.) и потом „Дидоной". Ближайшими преемниками Жоделя были в XVI веке Гарнье и Монкретьен [4]). И французская комедия XVI века, наконец, была отзвуком итальянской комедии: в ней было много цинизма, запутанная интрига, длинные диалоги, типы купцов, паразитов, обманщиков, подозрительных

---

[1]) *Bodrillart*, J. Bodin et son temps, стр. 141.

[2]) *Стороженко*, Очерк истории зап.-европ. лит., стр. 171.

[3]) Там же, стр. 171; *Лансон*, История франц. литературы. XVII век. Спб. 1899, стр. 58.

[4]) *Лансон*, Ист. фр. лит. XVII в., стр. 58.

женщин. Лучшим автором таких комедий был тогда Ларивэ [1]).

Переходным явлением от эпохи религиозных войн к заключительному моменту дворянского переворота во Франции был Монтень. И его психология и его воззрения одинаково характерны как признак приближения Франции к успокоению после пережитых социальных бурь и вместе как свидетельство о новых культурных достижениях французского дворянства.

Перечитывая его „Опыты“, прежде всего убеждаешься в ярком индивидуализме Монтеня: „я сам — предмет моей книги“, говорит он [2]); он смеется над суевериями и гаданиями, презирает смерть [3]), благоразумие пренебрежительно третирует как „смертельного врага высоких достижений“ [4]), отстаивает самостоятельность мысли [5]), ценит путешествие как воспитательное средство и как источник разнообразия и новизны впечатлений [6]), любит историю и поэзию [7]), считает неважным, что говорят о нем другие и выше всего ставит собственное свое мнение о себе самом [8]); отвергая пьянство и обжорство, Монтень находит, что любовь — „единственное истинное физическое наслаждение“ [9]).

Но индивидуализм Монтеня — это типично для дворянства—имеет резко выраженную эгоистическую окраску. Монтень не страстен, рассудителен [10]), хочет жить в покое [11]); слава, по его мнению, не нужна, потому что лишает человека спокойствия и здоровья [12]), сам сознается, что не честолюбив именно из себялюбия [13]).

---

[1]) Там же, стр. 150—151.
[2]) Essais de Montaigne — в издании „Les meilleurs auteurs classiques“ Flammarion'а, т. I, стр. 3.
[3]) Там же, стр. 46, 98.
[4]) Там же, стр. 143—144.
[5]) Там же, стр. 153.
[6]) Там же, стр. 171—172.
[7]) Там же, стр. 163, 200 и след.
[8]) Там же, стр. 293.
[9]) Там же, т. II, стр. 15.
[10]) Там же, I, стр. 14.
[11]) Там же, I, стр. 33, 290.
[12]) Там же, I, стр. 300.
[13]) Там же, т. IV, стр. 2.

По воззрениям, Монтень— консерватор и абсолютист, он—против легкомысленного изменения существующих законов [1]), не любит новшеств во всех их видах [2]), ценит установленные приличия [3]), умеренность и порядок в супружеской жизни [4]), причем считает самыми несчастными браки по любви [5]), ценит барскую негу [6]) и житейские удобства [7]), ценит самодержавие [8]), горячо восхваляет Генриха IV как монарха [9]), ценит Бодена [10]), стоит за церковь и ее молитвы и обряды [11]), в литературе — сторонник классицизма [12]).

И основа всего этого—легкий скептицизм, пирронизм, ничего не отрицающий кроме догматики, но ничего и не утверждающий. „Я", говорит Монтень о своей книге, „предлагаю здесь фантазии бесформенные и нерешительные не для того, чтобы установить истину, но с целью ее искать" [13]). По его мнению, даже людские характеры нельзя точно определить: человек—воплощенное противоречие, все зависит от случая [14]); и мир таков же,— он многообразен и изменчив [15]); девиз умственного и житейского равновесия—„почем знать" („que sais-je?") [16]); атараксия—высшее благо согласно с Пирроном [17]).

Третий момент дворянской революции во Франции дал равнодействующую всех предшествующих влияний, привел к равновесию боровшиеся прежде течения в духовной культуре, взаимно их сблизил, закончил процессы, начавшие слагаться в первые два момента.

---

[1]) Там же, I, стр. 118.
[2]) Там же, I, стр. 131.
[3]) Там же, I, стр. 173.
[4]) Там же, I, стр. 236—237.
[5]) Там же, III, стр. 289.
[6]) Там же, I, стр. 286.
[7]) Там же, I, стр. 287.
[8]) Там же, I, стр. 312.
[9]) Там же, III, стр. 31.
[10]) Там же, II, стр. 105.
[11]) Там же I, стр. 369.
[12]) Там же, II, стр. 93 и след.; II, стр. 59.
[13]) Там же, I, стр. 368.
[14]) Там же, II, стр. 3.
[15]) Там же, II, стр. 9.
[16]) Там же, II, стр. 249
[17]) Там же, II, стр. 216, 319.

В философии и науке мы встречаемся здесь с гением Декарта. В его учении огромное значение имеет прежде всего его теория познания или, что то же, учение о методе. Важно уже то, что проблема познания ставится Декартом, а также и то, что он начинает, подобно Монтеню, сомнением. Это—признаки критического умонастроения, естественного в революционную эпоху, когда дворянство завоевало власть. Но этот критицизм, это сомнение у Монтеня получило примитивную постановку, выродилось в скепсис, в абсолютное сомнение. Новый класс нуждался в новом научном и философском положительном миросозерцании. Поэтому Декарт пошел в теории познания дальше Монтеня: его сомнение — не отрицательный скепсис, а основа всей методологии и теории познания [1]). Когда я сомневаюсь, что во мне сомневается? Не тело мое, а мой разум. Значит, разум и его существование не подлежат сомнению. Cogito ergo sum, „мыслю“ значит „существую“, существую пока мыслю [2]). Это не силлогизм, а интуиция [3]). Интуиция и есть основной метод Декарта. Интуиция есть чисто-умственный акт, без участия чувства и воображения. Ею познаются простые явления, т.-е. такие, которые неделимы для нормального сознания. Следовательно, познавать, по Декарту, значит прежде всего охватывать интуицией простые явления, а затем также связи между ними, т.-е. сложные явления, причем интуиция, охватывающая эти сложные явления, именуется у Декарта дедукцией [4]).

Мы видим таким образом, какое центральное, господствующее положение занимает у Декарта интуиция cogito ergo sum в его теории познания. Такое же определяющее положение эта интуиция имеет и в его метафизике [5]). Действительность мысли ведет к действительности мыслящего [6]), к существованию духа—первой субстанции, субстанции мыслящей. Но так как в мысли

---

[1]) *Natorp*, Descartes Erkenntnisstheorie, Marburg 1882, стр. 29—30; *Hamelin*, Le système de Descartes, P. 1911, стр. 33.

[2]) *Natorp*, Descartes Erkenntnisstheorie, стр. 31—32.

[3]) Там же, стр. 34; *Фулье*, Декарт, М. 1894, стр. 128.

[4]) *Hamelin*, Le systeme de Descartes, стр. 78—88.

[5]) Там же, стр. 106.

[6]) *Natorp*, Descartes Erkenntnisstheorie, стр. 33.

нашей тело отдельно от души, то так оно и в действительности[1]): значит, интуиция „cogito ergo sum“ обосновывает и существование тела—протяженной субстанции.

Декарт сознает, что его метафизика, предполагающая существование двух субстанций — мыслящей и протяженной, — дуалистична, и пытается устранить этот дуализм: заявляя, что они — различной природы, он утверждает, что они составляют одну реальность, так как мы живем и действуем с сознанием, что живем и действуем в пространственном мире[2]). Но и это толкование не избавляет систему Декарта от дуализма. Справедливо указано, что Декарт идеалист только наполовину, полуидеалист: для него пространство не только идея, но и вещь, душа в теле заключена реально; Декарт сознание помещает в теле, а не тело и вселенную в сознание[3]). Такая непоследовательность, дуализм понятны: они вытекают из двойственной психологии дворянства, отдающей дань и старинному мистицизму и новому индивидуализму. Тот же дуализм выражается и в искреннем признании Декартом двух истин—религиозной и научной.

Весьма важно как показатель новых культурных и психологических достижений учение Декарта о протяженной субстанции. Оно вполне научно. Декарт, несомненно, является основателем механического взгляда на природу[4]). Качества вещей и их формы, по Декарту,—наше собственное создание, а не свойства вещей. Вещь в природе есть только часть универсального количества, которое есть протяженность. Природа знает только математическую азбуку. Телеологию Декарт решительным образом изгоняет из науки. У него впервые встречается учение о единстве физических сил: „движение“, говорит он, „смотря по различным действиям, которые оно производит, является то теплотой, то светом“. Магнетизм об‘ясняется у него также движением. Даже живой организм и душевная жизнь животных понимаются им как механизм, только более сложный. Но здесь Декарт и оста-

---

[1]) *Фулье,* Декарт, стр. 145—146.
[2]) Там же, стр. 153.
[3]) *Hamelin,* Le systeme de Descartes, стр. 281—282.
[4]) *Natorp,* Descartes Erkenntnisstheorie, стр. 121 и след.

навливался: он не допускал возможности превращения движения в мысль [1]). Надо еще ко всему этому прибавить, что механика Декарта чисто-геометрическая, что динамику у него заменяет кинематика, и теория материи у Декарта соответствует этому: это — геометрическая физика [2]).

Выше была уже освещена деятельность ума и сознания, познавательный процесс по Декарту. Что касается учения Декарта о страстях и воле, то, по его определению, страсть—„смутная мысль", возбужденная „движением нервов". Существует шесть первоначальных страстей—удивление, любовь, ненависть, желание, радость, печаль. Удивление—род умственного и нервного толчка; оно—волнение ума. Остальные пять — страсти воли. Из них первоначальна—любовь; ненависть—любовь, направленная в противоположную сторону от препятствия; желание—любовь к тому, чем мы еще не обладаем; радость и печаль—чувства, порождаемые присутствием или отсутствием любимого предмета. Все другие страсти происходят от сочетания первоначальных страстей [3]).

Мораль Декарта—не утилитарная и не эвдемистическая, так как удовольствие является лишь средством для достижения высшего блага, путем, каким природа ведет нас к совершенству. Мораль Декарта—действенное сознание. Надо хорошо рассуждать, чтобы хорошо поступать. Чтобы быть нравственным, надо хорошо знать идеальный порядок, законы мира [4]).

Наконец, тот же принцип лежит и в основе эстетики Декарта: красота—соразмерность и правильное сочетание всех частей [5]).

Философию Декарта недаром считают по духу и направлению родственной классическому стилю в литературе и искусстве: мысль отделена от материи, отсюда в литературе произошло пренебрежение к природе и исключительное внимание к психологии человека:

---

[1]) *Фулье*, Декарт, стр. 42—52, 83, 88, 89.
[2]) *Hamelin*, La système de Descartes, стр. 332.
[3]) *Фулье*, Декарт, стр. 198—202.
[4]) *Hamelin*, Le système de Descartes, стр. 384.
[5]) *Фулье*, Декарт, стр. 239.

универсальность разума вела к универсальности в художественных произведениях, к исключению из них лиризма и исторического элемента; наконец, картезианский метод аналогичен ораторской форме классических художественных произведений [1]). Классовая психология нашла себе в учении Декарта таким образом весьма яркое выражение.

Известно, наконец, какие глубокие следы оставил гений Декарта в истории математики: он закрепил торжество алгебраической символики, ввел много нового в теорию уравнений, основал аналитическую геометрию, т.-е. видел в геометрии приложение алгебры величин отвлеченных, наконец, поставил на очередь впервые основной вопрос дифференциального исчисления — вопрос о скорости изменения функции [2]).

XVII век вообще был временем широкого развития математики во Франции: Ролль обобщил и развил теорию уравнений Декарта, то же сделал Фермат по отношению к декартовской разработке вопроса об изменении функции, наконец, Фермат и Паскаль основали теорию вероятностей [3]).

В естествознании влияние торгового капитализма, расширившего умственный горизонт и поставившего на очередь научное изучение природы, сказалось в открытиях Декарта, выше уже указанных, а также в трудах Марсенна, об'яснившего звук законами колебательного движения, возобновившего атомистическую систему Демокрита и Эпикура.

Но Гассенди был не только естествоиспытателем, но и философом-материалистом. И в этом отношении должен быть поставлен рядом с Декартом, как представитель буржуазного течения в философии, тогда как Декарт был представителем течения дворянского.

Гассенди полагал, что научный метод даст возможность познать всю или по крайней мере почти всю сущность вещей. Все явления природы определяются группи-

---

[1]) *Лансон*, История франц. литер., XVII век, стр. 46—47.

[2]) *Шереметевский*, Очерк истории математики в предисловии к книге Лоренца „Элементы высшей математики; ср. *Cantor*, Geschichte der Mathematik.

[3]) Там же.

ровкой и движением атомов, различных только по форме и весу. Бог создал только первоначальную группировку атомов, в дальнейшем все изменения в этой группировке происходят естественно и закономерно, без участия божества. Чувствующая душа неразрывно связана с телом, от него зависит. Но кроме чувствующей души существует еще душа разумная, которая познает все, что недоступно научному методу, опыту и наблюдению, напр., бога. Но и разумная душа в сущности связана с телом через посредство чувствующей души, которая дает ей материал для ее высшего познания. Этика Гассенди покоится на инстинкте самосохранения, который он считает единственным врожденным свойством человека. Инстинкт самосохранения диктует человеку стремление к счастью, т.-е. к физическому здоровью и душевному равновесию, спокойствию духа. То и другое возможно только для добродетельного человека. Таким образом мораль строится на здраво-понятом эгоизме [1]). Нетрудно видеть, что и торговая буржуазия, выразителем миросозерцания передовых элементов которой явился Гассенди, не чужда была остатков религиозного миросозерцания, что и ей в известной мере была свойственна двойственность. Но все же индивидуализм у Гассенди резче и чище выражен, чем в системе Декарта.

Буржуазия дала еще одного философа и математика в лице Блэза Паскаля. Он жил, правда, несколько позднее Декарта и Гассенди, но на нем отразились еще в несколько ослабленном виде влияния бурной эпохи дворянской революции во Франции. Он вслед за Арно, Николем и Сен-Сираном примкнул к янсенизму — этому ослабленному кальвинизму. Подобно Декарту, основным методом познания Паскаль считал интуицию и обосновывал ее ограниченностью познавательных способностей человека, положением его в природе бесконечной в пространстве, времени, числе и движении—в макрокосме, а также и бесконечной и в микрокосме—безграничной по количеству микроскопических существ и величин. Именно

---

[1]) *Kiefl,* Gassendis Erkenntnisstheorie; *Thomas,* La philosophie de Gassendi.

в виду этих двух бесконечностей опыт и наблюдение, по Паскалю, не могут дать знание сущностей, знание дается интуицией, в конце-концов верой, религией [1]). На этом основывается и мораль Паскаля, его нравственное учение: он отвергает условную, лицемерную и приспособляющуюся мораль иезуитов, как и все янсенисты; его религиозная мораль абсолютна, безусловна, вечна,— она состоит в подчинении воле Божией [2]).

Переходя к художественной литературе, надо прежде всего отметить наследие второго момента дворянской революции во Франции,—деятельность Агриппы д'Обинье, сохранившего непримиримый гугенотский, рыцарский, феодальный дух XVI столетия. Лучшее его произведение — „Трагики", сатира на тираннов. „Признание Эканьи"—памфлет против деятелей монархической и католической реставрации. В „Бароне де Фенесте" д'Обинье осмеивает гасконских хвастунов, честолюбивых и остроумных придворных, будущих галантных жеманников [3]). Он изображает в последний раз тип протестанта-рыцаря, французского дон-Кихота [4]).

Начало третьего момента в истории дворянской революции во Франции дало сатиру в новом духе, вышедшую из среды буржуазии и направленную против феодальной аристократии и средневековых традиций. Это—так называемая „Мениппова сатира". Католическая Лига Гизов погребена тут, осмеяна в конец. Авторы—друзья мира, религиозной терпимости и королевской власти [5]).

Новому дворянскому обществу, едва закончившему тяжелую борьбу за власть и продолжавшему ликвидировать остатки, обломки прошлого, надо было принять культурный облик, усвоить новые вкусы и приличия. Это было нелегко сделать людям, по существу во многом остававшимся еще грубыми, малокультурными. Отсюда и вышло особое настроение и течение в литературе и обществе — жеманное настроение и направление. Оно

---

[1]) *Cousin*, Etudes sur Pascal.

[2]) *Гуляев*, Этическое учение в „Мыслях" Паскаля; *Бутру*, Паскаль, особ. стр. 94—95, 126—136.

[3]) *Лансон*, История франц. лит.; XVII век, стр. 11—14.

[4]) *Виппер*, Новая история.

[5]) *Demogeau*, Histoire de la littérature française, стр. 316—318.

питалось, конечно, иностранными образцами—итальянскими (Саннацаро, Тиссо, Гуарини) и особенно испанскими (Монтемайор). Но иностранные влияния потому только и привились, что нашли себе реальную общественную почву во Франции. Родоначальником или предшественником жеманства был Депорт. В 1610 г. появляется в этом именно духе роман д'Юрфэ „Астрея", герой которого Селадон—олицетворение жеманства, идеал светского, изящного и приличного человека. Пастушеская жизнь, здесь изображенная, является в существе своем изображением светской жизни, где единственным занятием должна быть любовь, а военное дело—не более, как второстепенное украшение. В обществе дворянском, придворном под влиянием „Астреи" сложился первый парижский великосветски-дворянский салон маркизы Рамбулье. По словам видного писателя-классика XVII в., то были „сливки большого света, пробный камень благовоспитанного человека": „на свете нет места, где встречалось бы больше здравого смысла и меньше педантизма". Здесь прививалась привычка вести свободный, легкий разговор—о новостях, скандалах, чувствах, литературных произведениях. С легкой руки Рамбулье появился ряд салонов, замечательнейшими из которых были салоны г-жи Скюдери и виконтессы д'Оши. И в провинции появились жеманницы—с ужимками и картавостью. Жеманство—преувеличение утонченности, вызванное природной грубостью, дисциплина, навязанная грубым натурам [1]).

Д'Юрфэ имел ряд последователей, из которых самыми видными были жеманные поэты Вуатюр и Сарразен. Особенно типичен Вуатюр, сын виноторговца из Амьена, поэт отеля и салона Рамбулье. Это был лакомка, дуэлист, игрок, „страстный волокита, хотя более влюбленный в любезности, которые говорил, чем в женщин, к которым он с ними обращался" [2]). Сентиментализм ведь не чувство в сущности, а только слащавая, поддельная, внешняя чувствительность.

---

[1]) *Лансон,* Ист. франц. литер., XVII в., стр. 17—26.

[2]) Там же, стр. 28, 30.

Любопытно и характерно, что одновременно с жеманством и сентиментализмом новая дворянская литература конца происходившей революции много внимания уделяла циничному и грубому шутовству, такому же преувеличенному, как и жеманная галантность. Это видно в произведениях Сент-Амана и в романе Сореля „Франсион", появившемся в 1622 г. и описывавшем с большим реализмом подонки общества и хвастливых и раболепных литераторов [1]).

Но все это—отражение бурных общественных событий и начинавшейся тоже бурной борьбы с ними, это—отражение движений и течений, происходящих в еще не устоявшемся, не упорядоченном обществе. Окончательная победа дворянства была, однакоже, уже несомненна, и отражением ее должна была явиться новая дворянская литература в классическом стиле, зародыши которой мы наблюдали уже раньше в деятельности поэтов Плеяды. Дело Плеяды продолжал в конце XVI и в первые десятилетия XVII в. Малерб, известный своими классическими одами. У него не богатый темперамент, по таланту он несравненно ниже Ронсара. Воображение его—книжное: образы он заимствует из истории и мифологии, а не из природы. У него больше рассудочности, чем страсти, много трезвости, точности. Малерб реформировал язык и стих, придал стилю красноречие, ораторский характер, образовал „благородный", „высокий" стиль. Будучи противником небрежности и поэтических вольностей, он стоял за тщательную и медленную отделку. Все это было как раз по времени: Малерб был за мир, порядок, дисциплину, здравый смысл, настроение его было такое же классическое, рационалистическое, как у Декарта. Но настоящего лиризма в его стихах нет,—он создал только форму [2]).

Дальше его пошли преемники Жоделя в трагедии — Гарнье, предшественник Корнеля, и Монкрестьен, предшественник Расина [3]). Первый стал ставить пьесы перед публикой Гарди, и только с его времени французское дворянство начало ценить и любить театр [4]). В 1631 г.

[1]) Там же, стр. 35.
[2]) Там же, стр. 1—10.
[3]) Там же, стр. 58.
[4]) Там же, стр. 63.

Мэре формулировал в предисловии к своей трагедии „Сальванира“ теорию трех единств — времени, места и действия [1]).

Тою же выработкой классического стиля отличалось развитие живописи, архитектуры и скульптуры во Франции первых десятилетий XVII века. Выдающимися представителями французской живописи в первой половине XVII в. были Пуссен и Клод Лоррен. В их картинах чуется еще борьба у Пуссена и страдание, печаль по поводу борьбы у Лоррена, но вырабатывается идеал классической красоты и уравновешенности.

У Пуссена в его картинах много движения, яркая выразительность, высокий полет фантазии. Сюжеты большею частью религиозные и мифологические. Такова, напр., его картина, изображающая, как Моисей в пустыне извлекает ударом жезла из скалы воду для жаждущих евреев: одни из них—на коленях с простертыми вперед руками, другие прильнули к вытекающему из скалы источнику, третьи радостно бросаются вперед, четвертые оборачиваются назад, чтобы сообщить другим о чуде, и в то же время рвутся вперед, пятые совсем ослабели, поднимаются с посторонней помощью, но стремятся туда же.

Клод Лоррен был пейзажистом, учеником одного из нидерландских пейзажистов XVI в. Бриля. Но он не являлся подражателем своего учителя, был вполне оригинален. Он любил изображать световые эффекты, волшебные переливы южного солнца [2]). Картины природы изображались им с необычайным изяществом, красотой, грацией, почему и выбирал он большею частью все красивое в природе и украшал свои пейзажи изображениями роскошных, фантастических зданий. Пейзажи Клода Лоррена выражают обыкновенно мечтательную меланхолию.

Проявлением отточенного светского, классического искусства был живописец Жан Кузен [3]).

В архитектуре стиль Генриха IV и Людовика XIII — единый стиль, в котором есть только оттенки: при Ген-

---

[1]) Там же, стр. 64.
[2]) *Мутер*, История живописи, т. II, стр. 152.
[3]) Там же, II, стр. 94.

рихе IV вырабатывается классическая простота, крепость и строгость, при Людовике XIII—примешивается итальянская манерность [1]), заметны признаки капризного барокко, хотя и смягченного [2]). Все это видно из замечательных памятников архитектуры того времени: тогда именно де-Бросс построил Люксембургский дворец, Лемерсье при Людовике XIII соорудил западное крыло Лувра, а также Сорбонну и Пале-Рояль [3]).

Наконец, та же выработка классицизма заметна и в работах скульпторов XVII века — Гильена, Саразена и Ангьеров [4]).

В духовной музыке Франции еще с половины XVI в. до 70-х его годов обращает на себя внимание Гудимель, который имел школу в Риме и был между прочим учителем Палестрины. Гудимель был не только музыкальным педагогом, но и композитором и как композитор является Палестриной в зародыше, вырабатывает будущую классическую простоту и красоту стиля Палестрины: он отвергает контрапунктические ухищрения, проводит изящную правильность, у него имеется голосовая ткань искусных имитаций, производящих большое впечатление, и встречается простейшее сочетание аккордов, развитое потом Палестриной [5]). Марсенн был хорошим теоретиком музыки во Франции первой половины XVII в. [6]). Новой становится и светская французская музыка при Людовике XIII, когда Боессе пишет полифонические придворные арии и балеты. Потом появляются балеты Шевалье и Банзерада, ставятся итальянские оперы, и, наконец, Канбер кладет на музыку пастушеские драмы [7]). В 1658 г. появляется первая французская опера Перрена [8]).

В предшествующем изложении, поскольку оно касалось духовной культуры в эпоху дворянской революции

---

[1]) *Barberot*, Histoire des styles d'architecture, II, стр. 112.
[2]) *Байе*, История искусств, стр. 209.
[3]) Там же, стр. 209.
[4]) Там же, стр. 220.
[5]) *Саккетти*, Краткая историческая музыкальная хрестоматия, стр. 81.
[6]) *Науманн*, Иллюстрир. история музыки, II, стр. 264.
[7]) Там же, II, стр. 264—265.
[8]) *Размадзе*, Очерк истории музыки, ч. 3-я, стр. 29.

во Франции, было дано немало материала для психологической характеристики нового французского дворянства. И отдельные лица — такие, как Франциск I, Монтень, Ришелье, в особенности Генрих IV рисуются при свете приведенных данных достаточно определенно. В качестве общего заключения поэтому удобно будет напомнить сейчас главные, основные черты, характеризующие типичную личность Генриха IV. Его эгоистический индивидуализм—отличительная черта дворянства — выступает на вид совершенно ясно: он очень любил наслаждения, особенно любовные, и роскошь; великий политик, — он в сущности был равнодушен к религии и менял ее, руководясь соображениями целесообразности, инстинктом самосохранения, стремлением к власти. Нет ничего более характерного для Генриха IV, как его речь собранию нотаблей в Руане в 1596 году: „господа", сказал он, „я хочу, чтобы меня называли освободителем и восстановителем этого государства. Я собрал вас для того, чтобы добиться этого. Вы знаете по собственному опыту так же, как и я, что когда бог даровал мне эту корону, я нашел Францию не только почти разоренной, но даже почти совсем потерянной для французов. По милости божией, благодаря молитвам и добрым советам моих слуг, не носящих оружия[1]), шпагам моего храброго и великодушного дворянства, от которого я не отделяю принципов, так как, клянусь честью дворянина, это наш лучший титул, благодаря моим трудам и заботам, я спас ее от гибели. Теперь спасем ее от разорения.... Я вас собрал не для того, чтобы заставить одобрить мои распоряжения, как делали мои предшественники. Я вас собрал для того, чтобы выслушать ваши советы, принять их, последовать им, одним словом для того, чтобы отдаться под вашу опеку". Не менее характерно, чем эта речь, и то, что ответил Генрих IV, когда его фаворитка Габриель д'Эстре, слышавшая ее, нашла ее прекрасной, но выразила удивление, что король собирается отдаться под опеку: Генрих сказал: „чорт возьми, это правда: но не выпуская из рук шпаги".

---

[1]) Т.-е. слуги короля из духовенства.

IV.

Дворянская революция в Англии.

Англия раньше Франции вступила на путь развития торгового капитализма и шла по этому пути быстрее ее. Переход к торговому капитализму в Англии охватывает вторую половину XV столетия и весь XVI век.

Он сказывается прежде всего на развитии внешней торговли. В Англии XIV века считалось всего 169 богатых купцов, занятых внешней торговлей,—цифра по тому времени уже немалая,—но в 1600 году с одними Нидерландами вели торговлю уже 3.500 купцов[1]). Как всегда бывает в начале развития торгового капитализма, видную роль во внешней торговле играет сам носитель верховной власти—король Англии: он ведет морскую торговлю оловом, шерстью и сукном с Италией. Появился ряд торговых компаний для торговой эксплоатации Индии, Америки, России, Турции, Северной Африки. Основаны были английские колонии в Мэриленде, Виргинии, на Нью-Фаундленде. В Лондон приходило и из Лондона уходило при Елизавете уже до 800 торговых судов в год, и лондонские торговые пошлины давали казначейству до 50-ти тысяч фунтов в год, что в восемь раз превышало пошлины, поступавшие со всех прочих торговых городов страны[2]). Пуритане, в особенности пресвитериане, смотрели на торговлю, как на приобщение к делу божьему и прибыль рассматривали, как на-

---

[1]) *Кулишер,* Лекции по истории экон. быта Западной Европы, изд. 5-е, стр. 350.

[2]) *Ковалевский*, Очерк истории Англии в „Словаре", изд. бр. Гранат, том VIII, столб. 583.

граду за это; они требовали только как необходимого условия—торговли честной, без обмана. Наконец, в Англии рано начинают прививаться принципы меркантилизма: его зародыши наблюдаются еще в законодательстве Ричарда II; при Ричарде III теория торгового баланса оказывается уже общепринятой и распространенной; при Тюдорах, особенно в XVI в., меркантилизм окончательно торжествует [1]).

Что касается внутренней торговли, то ее развитие в XVI в. явствует из умножения внутренних рынков [2]) и особенно из развития больших ярмарок — таких, как ярмарки в Сторбридже, Бостоне, Сент-Живе, Винчестере [3]), из деятельности скупщиков [4]), роста цен на шерсть и на хлеб [5]), сильного падения ценности денег и, наконец, из тех перемен, которые совершились в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве.

Индустриальное развитие Англии в эпоху дворянской революции пошло вперед сравнительно с предшествующим временем быстрыми шагами. Особенно сильно развивалось шерстяное и суконное производство: вывоз шерсти, необходимой теперь для внутренней переработки, сократился вшестеро, а экспорт сукна возрос в течение века почти в 60 раз [6]). Главными центрами шерстяной и суконной промышленности стали Норвич и Галифакс [7]). В Антверпене устроен был склад английских суконных изделий [8]). Начала далее развиваться льняная мануфактура, затем шелковая; в Кенте и Сёссексе появились железоделательные заводы, на севере в Ланкашире хлопчатобумажные мануфактуры: Манчестер становится известен своими фризовыми изделиями, Иорк одеялами, Шеффильд ножевым товаром [9]). Во всех этих данных важно

---

[1]) *Cunningham*, The Grouth of english Industry and Commerce, стр. 377 и след., 395.

[2]) *Ochenkowski*, Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters, стр. 156.

[3]) Там же, стр. 156.

[4]) Там же, стр. 54.

[5]) Там же, стр. 38.

[6]) Там же, стр. 38.

[7]) *Грин*, Краткая история англ. народа, вып. II, стр. 158.

[8]) *Кулишер*, Лекции по эк. ист. Зап. Евр., стр. 321.

[9]) *Грин*, Крат. ист. англ. нар., II, стр. 158.

как то, что обрабатывающая промышленность прямо работает даже на международный рынок, так и то, что она обслуживает рынок внутренний, развертываясь поэтому все шире: очевидно, увеличилось разделение труда и под влиянием этого сильно расширился внутренний обмен.

Этот рост торговли, торгового капитализма внутри страны усугубляется поступательным ходом сельского хозяйства, в особенности теми переменами в соотношении его отраслей, которые составляют отличительный признак XVI века в Англии. Эти перемены сводятся к усилению значения овцеводства и отчасти также вообще скотоводства насчет земледелия. Самый факт успехов расширения овцеводства, роста площади пастбищ не подлежит сомнению, но разные исследователи различным образом определяют количественные размеры расширения, степень успехов овцеводства. Прежде склонны были преувеличивать эту перемену, теперь как будто ее преуменьшают. С этим тесно связан и вопрос об „огораживаниях“ в XVI веке, т.-е. вопрос о том, насколько широк был тогда процесс захвата лордами—законного и незаконного, юридически обоснованного и насильственного—общинных земель, главным образом пустырей, выгонов и отчасти лесов для превращения их в пастбища для овец. По документам, опубликованным Лидэмом, в 12-ти графствах с 1485 по 1517 год было огорожено около 60 тысяч акров, бóльшая часть которых была обращена в пастбища [1]). Мы имеем также данные об овцеводстве в секуляризованных монастырских землях 1535 года. Местами здесь овцеводство сильно развилось: так, в графстве Дорсет имелось семь больших овцеводных монастырских хозяйств с 15 тысячами голов овец [2]). Но если взять все монастырские имения, то окажется что под пашней было почти столько же земли, как и под пастбищами, так что преувеличивать размеры аграрного переворота XVI века не следует [3]). Надо только отметить, что к концу века, относительно которого данных как

---

[1]) *Leadam*, Domesday of inclosures.
[2]) *Савин*, Английская секуляризация, М. 1907, стр. 197, 199.
[3]) Там же, стр. 187.

раз и не имеется, успехи огораживания и овцеводства должны были быть, конечно, значительнее.

Рост овцеводства, сокращавший размеры пахотной земли, должен был вызвать и некоторые перемены в технике земледелия. Правда, господствовало трехполье и двухполье [1]), но стал появляться также и расти и плодосмен. Едва ли, однако, можно согласиться с мнением, что уже $^{2}/_{3}$ пахотной площади в Англии в XVI веке захвачены были плодосменным хозяйством [2]). Это видно из того, что продолжалась распашка новых земель, осушение болот и т. д., и что пастбища для овец ценились в общем вдвое выше, чем пахотная земля [3]). Впрочем, и независимо от перехода и плодосмену техника земледелия и скотоводства в Англии XVI века улучшалась: при Елизавете всюду заводится улучшенный скот, распространяется удобрение [4]).

Новое дворянство, как землевладельческий класс, организовавший хозяйство, расчитанное на обширный национальный и международный рынок, нуждалось в расширении своих земельных владений. Это производилось за счет крестьянства путем огораживаний, а также за счет старого феодального землевладения, виднейшей частью которого было землевладение церковное и монастырское; это землевладение и было секуляризовано при Генрихе VIII и Эдуарде VI. Генрих VIII секуляризовал в 1535 г. землю малых монастырей с чистым доходом ниже 200 фунтов стерлингов; эта секуляризация была принудительной. В 1539 г. произведена была вторая секуляризация—больших монастырей, с чистым доходом выше 200 фунтов; она была построена на основе добровольного перехода монастырской собственности в руки короля. Третья секуляризация Генриха VIII произошла в 1540 г. и направлена была на земли ордена госпитальеров; она также была принудительной и потому, как и секуляризация 1535 года, была установлена парламентским актом [5]). При Эдуарде VI секуляри-

---

[1]) *Ochencowski,* Englands wirtsch. Entw., стр. 12.
[2]) *Ковалевский* в „Словаре“ Гранат, т. VIII, столб. 553.
[3]) *Савин,* Англ. секуляр., стр. 187.
[4]) *Грин,* Крат. ист. англ. нар., II, стр. 157.
[5]) *Савин,* Англ. секуляр., стр 361—367.

зации подверглись земли капелл, колледжей, гильдий и братств [1]).

До сих пор остается неизвестным общее количество секуляризованной земли. Известно только, что 553 монастыря собственно Англии, не считая монастырей четырех нищенствующих орденов—францисканцев, доминиканцев, кармелитов и августинцев и монастырей Уэльса, владели землей, дававшей минимум 160 тыс. фунтов валового дохода или 135 тысяч чистого дохода в год [2]). Предполагают, что все монастырские земли, взятые в казну, составляли $^1/_6$ часть всей территории страны [3]).

Конфискуя эти земли, государство заявило о своем намерении обратить доходы с них на дело просвещения, благотворительность и устройство путей сообщения. Но фактически это не было выполнено. Секуляризованные земли пошли на удовлетворение классовой потребности дворянства в земле: они были или раздарены или распроданы. Главная часть этих земель досталась служилому дворянству, особенно чиновиикам центрального управления. Были и пожалования пэрам, но тем из них, которые или принадлежали к числу выскочек, или, если и были знатного происхождения, то успели приспособиться к новым условиям [4]).

Переходя к формам хозяйства, теснейшим образом связанным с социальным строем, так что попутно придется характеризовать и этот последний, надо прежде всего отметить почти полное исчезновение феодальных крепостных отношений. Большинство крепостных вышло на свободу до XVI века, и вилланы в начале XVI века составляли не более 1% населения Англии [5]). Крепостное право падало путем частного соглашения владельцев с крепостными, обыкновенно за выкуп, и часто большой—за треть всей собственности крепостного, движимой и недвижимой [6]). Обезземеление крестьян таким

---

[1]) Там же, стр. 421.

[2]) Там же, стр. 102.

[3]) *Ковалевский* в „Слов." Гранат, VIII, столб. 502.

[4]) *Савин,* Англ. секул., стр. 440—558.

[5]) *Савин,* Английская деревня в эпоху Тюдоров, М. 1903, стр. 19

[6]) Там же, стр. 44—45.

образом было следствием не только огораживаний, но и отпуска на волю.

Место крепостного крестьянина, виллана, занимает в XVI веке копигольдер. Копигольдеры были самым важным и многочисленным слоем сельского населения в эпоху Тюдоров[1]). Копигольдеры владеют землей по копии с мэнориальной записи о допущении их к владению участком, причем не могут сами продавать и завещать свои участки: при продаже и передаче их законным наследникам участки копигольдеров переходят к лорду, а он уже от себя передает их покупщику или наследнику. Копигольдеры не участвовали и в парламентских выборах и поздно получили право быть включаемыми в списки присяжных[2]).

Но рента копигольдера неподвижна, не может быть повышена. Это обстоятельство делает копигольд невыгодным для хозяина нового типа, желавшего жить не крепостной барщиной, а денежной арендной платой, которая могла бы повышаться, являлась бы изменчивой в зависимости от перемен в хозяйственной коньюнктуре. Поэтому землевладельцы XVI века пользовались всеми правдами и неправдами, чтобы лишить копигольдера земли и передать ее новому, совершенно свободному арендатору[3]). Отсюда происходит, с одной стороны, обезземеление копигольдеров, переход их в пролетариат, с другой—падение общины, которой не поддерживают новые и свободные арендаторы, стремящиеся к подворному владению. Община расслояется: выделяются богатые, средние по достатку и бедные хозяева. Вследствие этого резче проявляются различия интересов и все, особенно богатые, тянут врозь. Очень редко и только на севере встречаются в Англии при Тюдорах переделы пашни, но общинный луг нередко еще подвергается ежегодному разделу. Часто переделы заменяются окончательным разделом, пока дело не доходит до подворного владения[4]).

---

[1]) Там же, стр. 58.

[2]) Там же, стр. 78—79.

[3]) Там же, стр. 209—210.

[4]) Там же, стр. 457—477.

Так было на участках держателей. Но они в XVI в. занимали только половину территории мэнора, вторая половина была барской пашней, домэном [1]). Выше уже было сказано, что этот домэн, в виду новых хозяйственных условий, обрабатывался не крепостной или полукрепостной барщиной, которая исчезла, а наемным трудом. Доманиальное хозяйство—это уже настоящее предпринимательское хозяйство, расчитанное на рынок, с отделением труда от капитала; это—зародыш производственного, в частности сельскохозяйственного, не только уже торгового капитализма. И там, где лэндлорды сами хозяйствовали на домэне, они вели хозяйство именно этим, новым способом, привлекая держателей только разве к частичным помочам, а уже не к регулярной барщине [2]). Но большею частью перемена в хозяйстве на домэне этим не ограничивалась: новые приемы хозяйствования требовали и новых его суб'ектов, хозяев нового типа. И потому сплошь и рядом домэн сдается в аренду капиталисту часто весь целиком [3]).

Соответственные перемены в формах хозяйства слагались и в индустрии. Не только развивалась далее домашняя индустрия с ростовщической эксплоатацией мелких производителей-кустарей торговым капиталом, скупщиками, но возникало уже и капиталистическое предпринимательство в производстве: в крупных мануфактурах производственный капитал прямо противополагался труду [4]).

Все эти новые экономические явления, глубоко проникавшие в старые отношения и их разрушавшие, больно ударили по массе деревенского населения. Росла нужда. Англия эпохи Тюдоров вовсе не была страной белого хлеба,—даже ржаного хлеба многим не хватало [5]). Страшен был и создавал глубокие потрясения и процесс обезземеления, пролетаризации. В результате получились волнения крестьянских масс, самым важным из которых было восстание Кета, потопленное в морях крестьянской

---

[1]) Там же, стр. 394.
[2]) Там же, стр. 416.
[3]) Там же, стр. 409.
[4]) *Ochencowski*, Englands wirtsch. Entwick, стр. 123—124.
[5]) *Савин*, Англ. секул., стр. 212—213.

крови. Страх перед этими народными движениями создал и английское законодательство о бедных, первые элементы которого появились именно в XVI в. То было как бы страхование от массовых возмущений, соединенное с сильной эксплоатацией труда бедных в устроенных для их содержания рабочих домах.

В предшествующем изложении нашли себе место факты и явления, указывающие не только на хозяйственную, но и на социальную историю Англии в XVI в. Из сказанного видно, что во второй половине XV и в XVI в. экономически была обоснована и социально выражена действительно дворянская революция в Англии: новое дворянство выдвинулось на первый план, заняло господствующее положение, произведя переход к овцеводству, улучшив земледелие, обогатившись землей, приспособившись к национальному и мировому рынку; к нему примкнула, с ним слилась и та часть старой феодальной аристократии, которая обладала достаточной приспособляемостью; эта часть была достаточно велика: ведь и в средние века социальный феодализм в Англии не был резко выражен. К этому надо прибавить, что и крупная буржуазия, организовавшая обширную торговлю и положившая первые основы промышленному капитализму, пока еще зачаточному, явилась верной союзницей нового дворянства, поддерживала его господство и могущество, добившись сама олигархического устройства местного самоуправления в городах, господствуя в этом самоуправлении [1]). Мы видели, наконец, как падало, даже совсем почти исчезло крепостное право, заменившись сначала полукрепостным копигольдом, потом свободной арендой и, наконец, как нарождался и умножался в Англии пролетариат.

Уже из сказанного видно, что дворянская революция, столь тяжелая в других странах и не всегда удачная, совершилась и закончилась в Англии и легче, и быстрее и удачнее, чем во многих иных местах. Это понятно: такой ход и исход ее был подготовлен предшествующей экономической, социальной и политической историей

---

[1]) *Гнейст*, История местного самоуправления в Англии; *Редлих*, Английское местное управление.

Англии, подготовлявшей эту страну к относительно легкому для нее перелому.

По этой причине не было в Англии настоятельной нужды в последовательно и до конца самодержавной власти королей. И все-таки самодержавие в известной мере, меньшей, чем где бы то ни было, стало утверждаться и в Англии.

Еще вторая половина XV в. дала королей-самодержцев. Таков был прежде всего Эдуард IV—представитель Иоркского дома, изменивший его феодальным традициям. Он по своему значению в политической истории Англии соответствует Людовику XI французскому и Фердинанду аррагонскому испанскому [1]). Он пять лет не созывал парламента и хотел увеличить свою власть [2]). Его ближайшим помощником был Джон Типтофт, который, получив гуманистическое образование, сознательно проводил политику королевски-дворянского самодержавия. Его недаром называли „палачем Англии". Он всю свою энергию направил на усмирение и подчинение королю крупных феодалов, реорганизовал дворцовую и дипломатическую службу, заботился о торговле и торговом классе [3]).

Тюдоры продолжали политику Эдуарда IV, хотя были в родстве с Ланкастерами, а не с Иорками, боролись с последними. Генрих VII Тюдор отличался не меньшим самовластием, чем Эдуард IV, редко созывал парламент, заставил Томаса Мора уйти в изгнание именно потому, что Мор отстаивал законодательные, собственно бюджетные, права парламента, наконец, запретил феодалам держать частные военные дружины [4]).

Первым ближайшим советником и сотрудником Генриха VIII был его канцлер, архиепископ и кардинал Уольси. За 14 лет своего фавора Уольси только один раз созвал парламент [5]). Королевские прокламации, издан-

---

[1]) *Ranke*, Englische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert, I B., Berl. 1859, стр. 123.

[2]) Там же, стр. 124.

[3]) *Крусман*, Джон Типтофт: „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1914 год, январь, стр. 25, 52, 58, 62.

[4]) *Ranke*, Englische Gesch., I, стр. 130 и след.

[5]) Там же, I, стр. 179—180.

ные королем в его тайном совете, фактически имели силу закона, равнялись по значению актам парламента.

Еще решительнее пошла вперед политика абсолютизма, особенно по отношению к церкви, когда место Уольси занял архиепископ кентерберийский Томас Кранмер. В 1534 г. было об'явлено, что король Англии— глава английской церкви [1]), в 1535, 1539 и 1540 годах об'явлена и проведена была секуляризация монастырских земель [2]); в 1539 году парламент дошел до такой степени раболепия и самоотречения, что постановил: „отныне указы, изданные королем с участием его совета, будут иметь ту же обязательную силу, что и законы“ [3]); и это постановление было отменено парламентом только при Эдуарде VI в 1547 г., когда оно было об'явлено не имеющим значения „законного прецедента“ [4]). Наконец, при Генрихе VIII приобрели большое влияние новые учреждения, зависевшие непосредственно от королевской власти. Сюда относилась появившаяся еще в XV в. Звездная палата—отделение королевского суда по уголовным делам, главным образом по делам о мятежах и нарушении мира и спокойствия [5]), а также новые финансовые учреждения, созданные в связи с секуляризацией—такие, как королевские комиссары, курия прибылей и проч. [6]). Любопытно, что эти учреждения возникли в связи с своего рода английской опричниной—особым управлением герцогством Ланкастерским, удельной вотчиной Ланкастеров и их родственников Тюдоров: по образцу вотчинных учреждений этого герцогства были учреждены и комиссары и курия прибылей, и комиссары были утверждены парламентом в 1512 г., а курия прибылей установлена в 1535 г. [7]). Надо еще заметить, что при продаже секуляризованных земель все лица, их получившие или купившие, становились королевскими вассалами, державшими землю in capite, т.-е. непосред-

---

1) *Грин*, Краткая ист. англ. нар., II, стр. 179.
2) *Савин*, Английская секуляризация, стр. 361—367.
3) *Ковалевский* в „Словаре“ Гранат, VIII, стр. 486.
4) Там же, стр. 487.
5) *Грин*, Крат. ист. англ. нар., II, стр. 31.
6) *Савин*, Англ. секул., стр. 382—383, 407—413.
7) Там же, стр. 386—387.

ственно подчиненными королю [1]). Этим также увеличивалось королевское самодержавие.

При преемнике Генриха VIII Эдуарде VI в регентство герцога Сомерсета церковная реформа получила свое логическое развитие. В сущности все распоряжения Генриха VIII по делам церкви сводились к об'явлению короля главой церкви и к распространению св. писания на английском языке. Католические догматы, обряды и иерархия, кроме власти папы, были сохранены вполне. При Эдуарде VI отменена была месса, введено богослужение на английском языке, появился требник, составленный епископом Кранмером, уничтожены были иконы и церковные украшения [2]).

В царствование Марии господствовала не только католическая [3]), но и феодальная реакция: Мария слила новые финансовые учреждения, управлявшие секуляризованными землями, с ведомством казначейства [4]).

Елизавета, вступившая на престол в 1558 г., окончательно установила англиканскую церковь и королевское самодержавис. В 1559 году англиканство было утверждено парламентом „Актом об единообразии", введен был новый требник, представлявший собою в сущности английский перевод католической мессы, королева была вновь об'явлена главой церкви [5]). Самовластие Елизаветы проявилось в том, что за свое сорокапятилетнее правление она всего 13 раз созвала парламент, причем он заседал каждый раз всего от двух недель до двух месяцев, так что за все 45 лет на заседания парламента пришлось только 18 месяцев [6]).

Наконец, выражением новой самодержавно-дворянской, торгово-капиталистической политики была внешняя политика Елизаветы—покорение Ирландии и поражение „непобедимой армады", посланной Филиппом II испанским.

---

[1]) Там же, стр. 375.
[2]) *Грин*, Крат. ист. англ. нар., II.
[3]) *Ranke*, Engl. Gesch., I, стр. 243 и след.
[4]) *Савин*, Англ. секул., стр. 396.
[5]) *Грин*, Крат. ист. англ. нар., II, стр. 134—135.
[6]) *Ranke*, Engl. Gesch., I, стр. 300—301; *Ковалевский*, „Слов." Гран столб. 489.

В духовной культуре Англии, как и других стран Европы в период дворянской революции, обращает прежде всего на себя внимание гуманистическое движение. Пионерами его были в XV веке архиепископ кентерберийский Томас Арондель и епископ винчестерский Генри Бофор [1]). Уже по самому положению своему они были гуманистами первого, религиозного типа. Их дело продолжали также еще в XV веке гуманисты-ученые, группировавшиеся в Оксфордском университете,—Колет, Гроцин, Линакр [2]). Наконец, XVI век дал двух выдающихся английских гуманистов—Томаса Мора и Роджера Ашэма. Ашэм в 1570 г. в книге „Школьный учитель“ трактовал вопрос о воспитании; здесь рекомендуется кроткое обращение с детьми, возбуждение в учениках интереса к предмету преподавания, гармоническое развитие духа и тела [3]),—одним словом, гуманистическое воспитание. Что касается Т. Мора, то он был первым социалистом в новой Европе.

Господство торгового капитала вызвало к жизни новую интеллигенцию, людей умственного труда, большею частью выходцев из рядов буржуазии. Томас Мор был сыном судьи, получил юридическое и классическое образование, был другом Эразма Роттердамского. Борясь за права парламента против самовластия Генриха VII, он вынужден был эмигрировать в Нидерланды и здесь в 1516 г. написал и издал свое социалистическое сочинение „Остров Утопия“. При Генрихе VIII он вернулся, был доверенным лондонского купечества в дипломатических сношениях Англии с Нидерландами, затем стал докладчиком о прошениях на королевское имя, канцлером, получил дворянство. Но и тут сопротивление королевскому самовластию обнаружилось у Томаса Мора и окончательно его погубило: он был казнен в 1535 г., обвиненный в государственной измене. Первые социалисты, пионеры в борьбе за общественную собственность на средства производства, хотя бы эта борьба не выходила из области теории, редко бывают удачливы в жизни.

---

[1]) *Стороженко,* Очерк истории зап.-евр. лит., стр. 148.
[2]) Там же, стр. 148.
[3]) Там же, стр. 150—151.

Общественная собственность на средства производства и составляет одно из основных положений „Утопии“ Мора: без этого он не был бы социалистом. Но, как и все примитивные социалисты, Томас Мор главное значение придавал равенству потребления и тщательной регламентации частной жизни и обихода, а также всего общественного и государственного устройства. На о. Утопии, по Мору, имеются 54 города, построенных совершенно одинаково. В каждом городе одинаково построенные усадьбы, в каждой из которых живут по 40 мужчин и женщин и по 2 батрака; половина их живет в городе, другая половина в деревне и потом меняются. Во главе каждых 30-ти семей стоит филарх. Каждые 10 филархов подчинены транибору или протофиларху. Все филархи выбирают князя из четырех кандидатов, выбираемых народом в городах. Князь сохраняет свою власть пожизненно. Транибора составляют при нем совет. Кроме того, существует сенат из трех депутатов от каждого города. Установлена всеобщая трудовая повинность, причем все, кроме ученых и правителей, несут физический труд в течение шести часов в день. Организация хозяйства—дело сената. Вероисповедание свободно, священники выборные. Войны не допускаются; считается законной война лишь в одном случае: при недобросовестной торговле со стороны другого народа[1]).

Нетрудно понять, как социалистическая теория Томаса Мора тесно связана с общественными условиями его времени. Торговый капитализм создал новую интеллигенцию и вместе с тем ее стремление к независимости, откуда появилась социалистическая теория. Но капитализм еще не взял в свои руки производства, не организовал его в крупном масштабе. Поэтому и у Томаса Мора вопрос о производстве отодвинут на второй план сравнительно с потреблением. Английская действительность и собственные убеждения Мора, питаемые и его классовым положением, привели к относительному демократизму его планов,—к государственному устройству, в котором главное влияние приобрело собрание выбор-

---

[1]) *Т. Мор.* О. Утопия. Из истории общественных течений: *Каутский*, Томас Мор.

ных представителей—сенат. Как буржуа, воспитанный в условиях торгового капитализма, Мор стоял и за выборность священников — будущее пресвитерианство,—а также особенно отрицательно относился к недобросовестной торговле.

Нам уже известны общие основы английской реформации в той умеренной форме англиканства, в какой она проявилась в XVI веке: правда, началось уже преследование анабаптистов, зрели в широких народных массах пуританские, т.-е. кальвинистские, воззрения, пострадали в царствование Марии даже и англиканцы. Но в общем английская реформация отличалась в то время большой умеренностью, и проведение ее в жизнь в силу этого, а также вследствие передового характера страны в развитии ее материальной культуры, не сопровождалось такими тяжелыми потрясениями, как то было в Германии и Франции: в Англии уже тогда слово „революция“ стали писать без „р“: „эволюция“; переворот отливался в сравнительно мягкие формы, не переставая от этого быть революцией в научном смысле этого слова, т.-е. в смысле перехода власти из рук одного класса общества в руки другого.

Тот же передовой характер материального развития Англии облегчил ей возможность появления и развития великих гениев в философии и литературе. Фрэнсис Бэкон—имя, ярко блещущее в развитии философской мысли XVI века.

Бэкон (1561—1626) несомненно многим обязан гуманистическому образованию, им полученному. Его „Instauratio magna scientiarum“ („Великое восстановление наук“) имело в виду дать классификацию наук, учение о научном методе и философские обобщения всех научных теорий эпохи с теми поправками, которые вносил в них автор, и с практическим приложением науки к жизни. Труд этот не был кончен, появились только две первых его части, из которых вторая оказалась незаконченной.

Первая часть главной работы Бэкона носит заглавие „О достоинстве и усовершенствовании наук“ („De dignitate et augmentis scientiarum“). Бэкон признает три способности человеческого разума—память, воображение и рассудок и находит три рода наук, им соответствующих:

памяти соответствует история, воображению—поэзия, рассудку—философия. Это — основа классификации наук. История в свою очередь делится на естественную и гражданскую; естественная история—на историю общих явлений (небесных тел, метеоров, земли и моря, стихий, видов), отклонений (ненормальностей) и наук (механических и опытных), а гражданская — на историю церковную, литературную и собственно-гражданскую (т.-е. историю материальной и духовной культуры). Поэзия подразделяется на описательную (эпическую), драматическую и параболическую (притча, басня). В философии различается учение о Боге, о природе и о человеке, причем „над всеми этими отделами философии царит первая философия или мудрость, имеющая целью исследовать законы природы, общие всем классам предметов“ [1]).

Мы не будем вдаваться в дальнейшие подробности классификации наук Бэкона, весьма замечательной для своего времени и долго потом пользовавшейся заслуженным вниманием; отметим только некоторые наиболее глубокие и остроумные его отдельные выводы и замечания и основные черты некоторых делений.

Важно, например, деление наук о природе на физику—учение о действующих причинах и материи—и метафизику—учение о формах (сущностях) и конечных причинах (целях). При этом Бэкон замечает: „науки суть как бы пирамиды, единственным основанием которых служат история и опыт, а потому и основанием натуральной философии должна быть натуральная история; ближайший к основанию этаж составляет физика, — а ближайший к вершине метафизика“ [2]).

Науку о человеке Бэкон делит на философию человечества, рассматривающую человеческую индивидуальность, человека, как существо отдельное и независимое, и гражданскую философию, рассматривающую человека, как существо, связанное с другими и живущее в обществе. В „гражданской философии“ Бэкона нельзя не видеть зародыша социологии. Бэкон пытается даже формулировать некоторые общие социологические законы.

---

[1]) *Бэкон,* Сочинения, т. I, перевод Бибикова, Спб. 1874.
[2]) Там же, т. I, стр. 272

Например, по его мнению, „при возникновении и росте государств процветают военные искусства, в период их наивысшего процветания—свободные искусства (живопись, музыка и проч.). Наконец, когда они начинают приходить в упадок, процветают сладострастные искусства“ [1]).

Много говорит Бэкон о практических знаниях—технике, педагогике, морали, политике и проч.,—вообще о приложениях знания к жизни. Дух схоластики здесь отвергнут, вытравлен совершенно.

Новому научному методу Бэкон посвятил второе свое большое сочинение, им не оконченное,—„Новый Орган“. Здесь он блестяще обосновал индуктивный метод. Положительному изложению этого метода он предпослал критику предрассудков или „идолов“: он отверг „идолов сцены“ (idola theatri)—привычку полагаться на чужой авторитет, а не на собственный опыт,—„идолов площади“ (idola fori)—заблуждения, возникающие от неточной терминологии,—„идолов пещеры“ (idola specus)—личные предрассудки или предубеждения, созданные классовым или профессиональным положением, и „идолов человеческого рода“ (idola tribus)—наклонность к антропоморфизму, телеологию, искание целей всюду по образцу целей, которые ставит себе человек [2]). Не телеология, а причинность—вот основная задача науки и философии [3]), по Бэкону, а эта причинность—основа практического приложения знания к жизни в целях человека.

За критической стороной следует положительная характеристика научного метода индукции.

Здесь Бэкон устанавливает методы сходства, различия и сопутствующих изменений. Впоследствии к этому присоединен еще метод остатков (Дж. Ст. Миллем). Таким образом эмпирическая методология, основы научного метода почти полностью формулированы Бэконом.

Общая характеристика значения философии Бэкона сводится таким образом к следующему: он разрушил все схоластические традиции, расчистил поле для разума, для научного исследования, основанного на научном методе.

---

[1]) Там же, т. I, стр. 319.

[2]) *Бэкон*, Сочинения, т. II.

[3]) *Heussler*, Francis Bacon und seine geschichtliche Stellung, Breslau. 1889, стр. 86 и след.

Польза и прогресс — вот конечные лозунги, последние цели Бэкона; Бэкону было свойственно стремление к цельности и новизне миросозерцания на основе рационализма и эмпиризма [1]).

Английская изящная литература XVI века носила на себе слёды влияния гуманизма и вообще нового, светлого, жизнерадостного взгляда на жизнь, индивидуализма, жажды новых сильных и богатых впечатлений. Вырабатывался также и дворянский классицизм.

Новые течения нашли себе выражение в комедии Юдолла „Ральф Ройстер Дойстер" и в первой классической трагедии „Горбодук", появившейся в 1561 г. и написанной Нортоном и Саквилем [2]). В духе Саннацаро и Л'Юрфе писал Спенсер, автор эклог, эпиталамы и неоконченной аллегорически-эпической поэмы „Царица фей" [3]). Художественные драмы Джона Лилли сделали его первым из предшественников Шекспира. Но он в свое время был особенно известен романом „Эвфуэс", замечательным по слогу, каким он был написан: слог его — искусственный, уснащенный классическими сравнениями, игрой слов, стилистическими побрякушками. Такого рода речь была в большой моде при Елизавете и носила название „эвфуизма" [4]). Эвфуизм — деланность, в которую впадало светское общество того времени, не привыкшее еще к культурному общежитию: это английская разновидность галантной жеманности.

В начале XVI века пользовались большим успехом кровавые трагедии Томаса Кида [5]). Кровавую трагедию превратил в художественное произведение Марло (1564—1593), самый талантливый из предшественников Шекспира. Он был сын бедного башмачника. Он не удовлетворялся окружающей действительностью и топил свою неудовлетворенность в вине и разгуле. Скептицизм и

---

[1]) *Heussler*, Francis Bacon und seine geschichtliche Stellung, особ. стр. 24, 36, 46; *Abbot*, Francis Bacon; *Adam*, Philosophie de Francis Bacon, P. 1890.

[2]) *Стороженко*, Очерк истории зап.-европ. литер., стр. 151—152; *Вейзер*, История английской литературы, Спб. 1899, стр. 54.

[3]) *Вейзер*, История английской литературы, стр. 59—61.

[4]) *Стороженко*, Очерк истории западно-европейской литературы, стр. 155.

[5]) Там же, стр. 156.

атеизм; жажда серьезного и положительного знания составляли основные черты его мировоззрения. Самым выдающимся его произведением был „Фауст“. Здесь отвергается схоластика, прославляется новая наука, которая должна дать человеку власть над жизнью и природой, открыть единый, основной элемент всего существующего. Видна в „Фаусте“ также неутолимая жажда наслаждений. В трагедии „Тамерлан“ Марло ставит себе и удачно разрешает психологическую задачу—изобразить тип честолюбца и завоевателя. В „Мальтийском жиде“ рисуется психология страсти к наживе и чувства мести; эта трагедия была источником и прототипом „Венецианского купца“ Шекспира[1]).

Третьим замечательным предшественником Шекспира был друг Марло Роберт Грин (1560—1592). Он был дворянского происхождения, кончил Кембриджский университет, путешествовал по Испании и Италии. И в университете и заграницей он вел в высшей степени рассеянный образ жизни, жуировал, кутил и развратничал. „В конце XVI века было немало англичан, которые, вкусив заграницей плодов утонченной жизни и пресытившись ими, по возвращении домой, корчили из себя разочарованных, находили дурным и грубым все родное и решительно не знали, что с собою делать“. Таков был и Грин. Он сблизился с Марло и вел с ним разгульную жизнь. Женился, но семейная жизнь была не по нем,—он скоро разошелся с женой. Под конец жизни Грин раскаялся, уверовал и признал обычную мораль. Грин являл собою пример неустойчивого интеллигента, в котором были новые, бунтарские побуждения, но сила традиции в конце-концов восторжествовала. В своих памфлетах и повестях он находился под влиянием Лилли: главное для него—фабула, рассказ, занимательность, поучительность; стиль—эвфуистический. И в драмах Грина главное—авантюра. Лучшая из его драм—„Векфильдский полевой сторож“. Сочетанием двух интриг в одной драме, женскими характерами, общей организацией драмы, некоторыми сюжетами Грин сильно повлиял на Шекспира[2]).

---

[1]) Там же, стр. 156—158.

[2]) *Стороженко*, Роберт Грин. Его жизнь и произведения. М. 1878.

Предшествующее изложение показывает, что деятельность Шекспира была в очень большой мере подготовлена литературной и вообще культурной эволюцией, до него происходившей. Но этот беспримерный гений кажется таким удивительным явлением, что многим биография Шекспира кажется бледной и жалкой сравнительно с его произведениями. Доказывают, что трагедии и комедии Шекспира на деле написаны каким-нибудь выдающимся английийским аристократом того времени—Бэконом или другими—даже может быть принадлежат разным авторам, а актер Шекспир был как бы прикрытием, представителем (deputy) для настоящих авторов, давал свое имя для лучших произведений. Едва ли, однако, все эти предположения справедливы. Буржуазное происхождение Шекспира говорит не против его гения, а за него: буржуазия в эпоху дворянской революции во многих странах давала великие таланты и гении. Вильям Шекспир родился в 1564 году; отец его был зажиточный буржуа, потом разорившийся. Поэтому Шекспир не мог, за недостатком средств, окончить классическую гимназию, в которой учился. В 1582 г. Шекспир женился на дочери соседнего иомена, которая была не богата и была старше своего мужа на восемь лет, имея детей. В 1586 г., оставив жену и детей на родине, в Стрэдфорде, Шекспир вступил в труппу своего земляка Барбеджа, игравшую в Лондоне, стал потом пайщиком его театра и драматургом. Пьесы его имели большой успех и вызывали зависть Грина. В 1597 г. Шекспир купил в Стрэдфорде дом с садом, в 1602 и 1605 годах приобрел несколько участков земли. Был дружен с несколькими драматургами того времени—Флетчером, Бен-Джонсоном и другими. В 1608 г. оставил свою артистическую деятельность, вернулся в Стрэдфорд и поселился там. Здесь его посещали друзья, и отсюда он посылал свои произведения. Шекспир был прекрасный артист, отличался мягким характером, внушавшим уважение. Умер в 1616 году.

В первый период своей деятельности в качестве драматурга—с 1587 по 1594 год—Шекспир переделывал чужие пьесы, причем находился под влиянием кровавой трагедии Кида и Марло, произведений Плавта, итальянских комедий и новелл. Отсюда вышли „Генрих VI“,

„Тит Андроник“, „Укрощение строптивой“, „Перикл“, „Комедия ошибок“, „Два веронца“ и „Бесплодные усилия любви“. Комизм и трагизм во всех этих пьесах большею частью еще внешние. Критика собственных кумиров сказывается только в „Бесплодных усилиях любви“, где осмеиваются напыщенные кровавые тра гедии.

Второй период литературной работы Шекспира охватывает время с 1595 по 1601 год. Это время создания „Ромео и Юлии“, „Сна в летнюю ночь“„ Венецианского купца“, „Двенадцатой ночи“, „Все хорошо, что хорошо кончается“, „Виндзорских кумушек“, „Как вам угодно“ и исторических драм—„Король Джон“, „Ричард II“, „Ричард III“. Здесь видны уже глубокое изучение жизни и проникновение в нее, попытки решить важные моральные, общественные и психологические проблемы, психология характеров и чувств, обличительные мотивы. Психология и поэзия любви („Ромео и Юлия“, „Сон в летнюю ночь“), мести и вопрос об отношении правды формальной, юридической и высшей нравственной („Венецианский купец“), осмеяние пуританской нетерпимости и святошества (Мальволло в „Двенадцатой ночи“), обличение сословной гордости, прогоревшего, но чванного дворянства („Все хорошо, что хорошо кончается“; Фальстаф в „Виндзорских кумушках“), модной разочарованности (Жак в „Как вам угодно“), изучение эпохи и патриотизм, подчас носящий и классовы характер (в исторических драмах)—вот то великое разнообразие художественных задач и черт, которое отличает этот второй период шекспировского творчества.

В третий период—от 1602 по 1608 год—Шекспир вырос во весь свой рост. При необычайной глубине психологического анализа и богатстве и разнообразии характеров автор ставит и разрешает художественно задачу изображения потрясенного страстью человеческого духа. Отсюда происходит „Гамлет“—трагедия разочарования и мести и психология интеллектуального индивидуализма, „Отелло“—трагедия ревности и крушения идеала, „Макбет“—честолюбия, „Лир“—неблагодарности и вместе всепрощения („нет в мире виноватых“ говорит Лир), „Тимон афинский“—мизантропии и разо-

чарования, „Кориолан“, „Мера за меру“ — гордости, „Юлий Цезарь“, „Антоний и Клеопатра“—в известной мере также гордости. Везде видно настоящее глубокое творчество характеров, сложность мотивов и вместе уменье понять характер, как целое, не запутываясь в мелочах.

С 1608 по 1616 год длился последний, четвертый, период литературной деятельности Шекспира—период покоя и примирения с жизнью, разрешений всех противоречий, слияния диссонансов в гармонию. „Цимбелин“, „Зимняя сказка“ и „Буря“—выражение именно этого настроения [1]).

Светлый, жизнерадостный гений Шекспира—высшсе выражение духа той революционной эпохи, в которую он жил: у него были великие дерзания и великие достижения; он не только выразил окружающую действительность, но дал ряд просветов в будущее, повлиял на духовную культуру не одной Англии, но всего мира.

Но Шекспир—и этому помогло его буржуазное происхождение—сумел и смог возвыситься в значительной мере до общечеловеческого, а класс, достигавший в то время господства,—дворянство—вырабатывал свою культуру окраски несравненно более узкой и одноцветной, чем у Шекспира. Нам уже известно, что эта окраска носит название классицизма. И кроме тех зародышей классической литературы, которые отмечены выше, современная Шекспиру слагавшаяся дворянская культура дала еще образец классической трагедии—„Сеян“ Бен-Джонсона, известного так же, как и другой друг Шекспира, Флетчер, своими бытовыми комедиями [2]).

Английские пластические искусства все были еще в будущем: живопись в Англии стала иметь ярких, талантливых, даже гениальных представителей только в XVIII в. В XVI столетии—это характерно—в Англии и в особенности при королевском дворе .пользовались большим успехом итальянское искусство и итальянские художники эпохи Ренессанса.

Но в английской музыке прямо и непосредственно сказался новый дух. Контрапункт в Англии создал еще

---

[1]) *Стороже :ко,* Очерк истории зап.-европ. литер., стр. 162—170.
[2]) *Вейзер,* История англ. литер., стр. 79

в XV в. Дёнстебль [1]). Замечательными композиторами были здесь Стеверн, Бенистер, Фэрфакс, Товернер [2]). Но величайшими композиторами эпохи строгого контрапункта в Англии явились Томас Тэллис и его ученик Вильям Бёрд (1538—1623), который по своему гению не ниже Палестрины. Отличительные черты творчества Бёрда—красивая и эффектная группировка голосов, благозвучная гармония, теплый колорит, изящная ткань взаимно имитирующих голосов, модуляции, соответствующие правилам современной гармонии, инстинктивно исполнявшимся, хотя и точно еще не формулированным. Бёрд с гениальной прозорливостью предвосхитил много такого, что сделалось достоянием лишь последующих времен [3]). Мадригалами в эпоху Елизаветы особенно славился Доулэнд [4]).

Нам остается в заключение характеристики английской культуры во время дворянской революции дать здесь два-три психологических силуэта: в больших, подробных, развитых характеристиках, при наличности изложенных выше данных, не настоит нужда, так как психологический смысл эпохи уже достаточно выяснен.

Генрих VIII и его сотрудники - Уольси, Томас Кромвель—представляют собою еще элементарное, но характерное сочетание свойств, типичных для нового дворянства: они—яркие эгоистические индивидуалисты. Все они проникнуты и властностью, и жаждой наслаждений; они неразборчивы в средствах, выбираемых для достижения поставленных ясно и твердо целей, цинично, холодно-жестоки, но вместе страстны и решительны. В религии они в сущности индифферентны, но политическую ее сторону ценят высоко. В политике—это ученики Маккиавелли.

Елизавета их несравненно тоньше, глубже, культурнее. Но по существу это—тот же тип, только на следующей ступени своего развития. Равнодушная к богословию, Елизавета ценила религию, но она была еще

---

[1]) *Саккетти*, Краткая историч. музык. хрест., стр. 77.
[2]) *Размадзе*, Очерк истории музык, ч. 2-я, стр. 80.
[3]) *Саккетти*, Крат. истор. музык. хрест., стр. 78.
[4]) Там же, стр. 79.

более воспитанницей гуманистической эпохи. Жизненный опыт научил ее благоразумию, сдержанности. Но она не рассталась с прежней скупостью. Тщеславие было ее отличительной чертой. Мстительность, лицемерие, чувственность сочетались в ней со страстностью, пылкостью чувств и большим властолюбием [1]).

---

[1]) *Creyghton*, Queen Elesabeth, 1899, особ. стр. 41, 42, 268, 271.

V.

Испания во второй половине XV и в XVI веке

Испания и Португалия, составившие при Филиппе II на время единый политический организм, переживали период дворянской революции во второй половине XV в. и в XVI столетии. Открытие Америки Колумбом в 1492 г. на средства испанского правительства и открытие морского пути в Индию вокруг Африки португальцем Васко де Гамой выдвинули Испанию и Португалию в качестве передовых стран нового европейского торгового капитализма.

Нигде революция цен не была так сильна, как в этих странах: деньги упали в цене в пять и даже в шесть раз [1]). Это само по себе указывает на сильнейшее и быстрейшее развитие торгового капитализма. То же подтверждается фактами, иллюстрирующими внешнюю торговлю. Важнейшим вывозным портом была Барселона. Оттуда вывозились хлеб, соль, железо, свинец, дерево, вина, шафран [2]). Севилья торговала золотом Нового Света [3]). Важными портами во внешней торговле были также Валенсия, Картагена, Малага, Кадикс; торговали и малые города побережья Пиренейского полуострова [4]). Испанские ярмарки в Бургосе, Вальядолиде и Медине-дель-Кампо имели международное значение; там шла торговля с Португалией, Фландрией,

---

[1]) *Wiebe*, Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrh.

[2]) *Weiss*, L'Espagne depuis la règne de Philippe II jusqu'à l'avènement des Bourbons. T. I, P. 1844, стр. 22.

[3]) Там же, I, стр., 24.

[4]) Там же, I, стр. 22—23.

Англией, Францией, Италией, Египтом, Сирией, Левантом [1]).

Эти же ярмарки обслуживали, конечно, и внутренний, национальный рынок и свидетельствовали о больших успехах внутренней торговли. Многоводные реки, в некоторой степени доступные и для морских судов, помогали оживлению внутреннего обмена [2]). Способствовали этому и богатства отдельных областей, их экономическое своеобразие, вызывавшее и развивавшее обмен: Астурия, Наварра и Бискайя известны были своим скотоводством [3]). Северные провинции производили мед, воск и хлеб [4]). Хлебом богаты были также Андалузия и обе Кастилии [5]). Каталония и Новая Кастилия доставляли шафран [6]). Плоды всякого рода, виноград, финики, гранаты доставляла вся Испания, а южная ее часть производила апельсины и лимоны [7]). Шелк добывался в Гренаде, Андалузия славилась своими лошадьми, в ней же добывались медь, железо, ртуть, в Астурии каменный уголь, в Сиерра-Морене железо [8]). Толедо славилось своими металлическими изделиями, шелковые, шерстяные и суконные мануфактуры существовали и расчитаны были и на внутренний рынок и на внешний сбыт в Толедо, Куенке, Сегавии, Гренаде, Кордове, Севилье, Убедо, Медине-дель-Кампо и других городах [9]).

Но такова была только лицевая сторона развития торгового капитализма в Испании. Она была блестяща, ярка, показывала видимость пышного расцвета. Однако, расцвет этот был непродолжителен, блеск скоро потускнел, краски потухли и выцвели. Дело в том, что у торгового капитализма в Испании была и сторона оборотная.

Прежде всего прочны и велики были остатки феодализма: земли духовной и светской аристократии были

---

[1]) Там же, I, стр. 18—22.
[2]) Там же, I, стр. 13.
[3]) Там же, I, стр. 13.
[4]) Там же, I, стр. 14.
[5]) Там же, I, стр. 13, 14.
[6]) Там же, I, стр. 14.
[7]) Там же, I, стр. 9, 13.
[8]) Там же, I, стр. 11.
[9]) Там же, I, стр. 15—16.

велики; духовенство сосредоточивало в своих руках пятую часть всей территории [1]); каждый епископ имел доходы, исчислявшиеся десятками тысяч, нередко даже сотнями тысяч дукатов [2]). Не менее важно то, что имения феодальной аристократии были неотчуждаемы: духовные имения—по каноническому праву, а светские—вследствие давнего права майоратов. Майораты, правда, ограждали светскую аристократию от насилий и конфискаций: имения не могли быть конфискованы за преступления, например, за ересь, а передавались непременно законным наследникам—старшему из сыновей; но в то же время майоратами исключался свободный гражданский оборот земли—продажа, залог, мена, раздел [3]). Этим затруднялось развитие торгового капитализма прямо и непосредственно. Но тот же результат получался и не прямо, вследствие того, что неотчуждаемые огромные имения светской и духовной феодальной аристократии плохо разрабатывались, хозяйство велось в них дурно [4]).

Затем были плохи пути сообщения, и никаких мер к их улучшению не принималось [5]). В Испании XVI в. не было своих торговых и промышленных техников, так что торговля и промышленность фактически оказывалась в руках иностранцев [6]). Затем сохранялись внутренние таможни [7]). Наконец, испанский меркантилизм имел примитивный, грубо-хищнический характер: Филипп II, например, удвоил налоги, чеканил плохую монету, ввел казенные монополии на вино, масло и соль [8]).

Именно эта отсталость и выдвинула против Испании и Португалии удачливых, счастливых конкурентов в лице отчасти Франции, в особенности же сначала Нидерландов, потом Англии. Непрочностью и поверхностностью успехов торгового капитализма в Испании об‘ясняется

---

[1]) Там же, t. II, P. 1844, стр. 84—86.
[2]) Там же, II, стр. 85.
[3]) Там же, II, стр. 88—90.
[4]) Там же, II, стр. 93.
[5]) Там же, II, стр. 107.
[6]) Там же, II, стр. 143, 148—149.
[7]) Там же, II, стр. 157.
[8]) Там же, II, стр. 157, 175, 176.

и ее позднейший политический и культурный упадок. а также слабость в ней реформации.

И в социальном и политическом отношениях дворянская революция в Испании не была решительной, отличалась тою же на первый взгляд яркою видимостью и вместе незаконченностью, сохранением многих обломков феодальной старины.

Среди испанского дворянства была партия, которая стояла за умеренную религиозную политику и готова была отстаивать королевское самодержавие без крайней жестокости; главами этой партии были по смерти принца Эболи Эсковедо и Антонио Перес. Но она недолго владела положением. Над ней восторжествовала другая партия—кардинала Гранвеллы и герцога Альбы [1]). Причина этого понятна: победить ересь, аристократию и местные привилегии можно было только крайними мерами. Но они помогли только отчасти: самодержавие и католицизм, фактически и в Испании независимый от папства, подчиненный королю, сохранены были только в самой Испании,—не в подчиненных испанскому королю Нидерландах.

Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская своим брачным союзом скрепили государственное единство Испании. Они были последователями абсолютизма, особенно после покорения арабов, уничтожения испанского халифата. Недаром Маккиавелли в своем „Государе" ставил Фердинанда Католика в пример всем самодержавным монархам. При Карле I (V) и при Филиппе II Испания хотя и была политически едина, но у каждой провинции были свои привилегии. Всего сильнее королевская власть была в Кастилии, но и там даже в XVI в. архиепископы и сеньеры посылали от себя представителей в кортесы, в которых имели свое представительство и города. Существовало также много судебных и податных иммунитетов [2]). Что же касается других провинций—Арагона, Каталонии, Валенсии, Наварры и т. д., то в них власть была всецело в руках местных сосло-

---

[1]) *Mignet*, Antonio Perez et Philippe IV, P. 1845, стр. 5—7. 194, 196.

[2]) *Weiss*, L'Espagne depuis le règne de Philippe II, II, стр. 193,

вно-представительных собраний—кортесов и fueros, которые имели даже и собственные суды; сплошь и рядом существовала также юрисдикция сеньеров и городов [1]). Филипп II уменьшил местные привилегии, создал постоянную наемную армию и чрезвычайный суд—инквизицию, имевшую не только религиозное, но и политическое значение. Но и он не создал для Испании ни кодекса, ни сложившейся прочно бюрократии, ни системы налогов [2]). Он не уничтожил также церковного землевладения и майоратов светской аристократии [3]).

Испанский гуманизм ведет свое начало еще от XV века; по крайней мере зародыши его проявились уже тогда. Они заметны уже у основателя светского театра в Испании Хуана Энсины, затем антирелигиозный дух и знакомство с классической древностью видны у Нахарро; каталонский поэт Марч подражал Петрарке; Лопес де Мендоза, подражая Петрарке и Данте, является основателем итальянской школы в испанской поэзии; наконец, и у Хуана де Мены подражание Данте и монархический идеал свидетельствуют о новых настроениях и исчезновении феодальных традиций [4]).

Но настоящий перелом совершается все же лишь в XVI веке. Дело началось с того, что каталонский дворянин Хуан Боскан (ум. в 1540 г.) перевел на испанский язык „Придворного“ графа Кастильоне и тем познакомил испанское дворянство с новым кодексом вежливости и приличий [5]). Его друг Гарсильясе де ла Вега подражал Петрарке, Бембо, Ариосто и Саннацаро [6]). Диего Уртадо де Мендоза дал окончательную победу итальянской школе в своем плутовском романе „Лазарильо из Тормес“ [7]). Роман этот—апофеоз пройдошества, лукавства, хитрости, обмана—орудий слабых, еще не победивших эгоистов; таков именно главный герой романа—бед-

---

[1]) Там же, II, стр. 200—205.

[2]) Там же, стр. 241—245, 263.

[3]) Там же, II, стр. 91—92.

[4]) *Тикнор*, История испанской литературы, т. I, М. 1883, стр. 225—226, 242—243, 302—316.

[5]) Там же, I, стр. 396, 399.

[6]) Там же, I, стр. 403, 407.

[7]) Там же, I, стр. 421—423.

няк Лазарильо; но в романе есть еще монах—жадный и злой, голодный цыцарь и разбогатевший купец; последний подкупает Лазарильо, чтобы он сквозь пальцы смотрел на шашни его жены с купцом [1]). Начинает развиваться и наука: во второй половине XVI века придворный врач Филиппа II Гернандес описал американских животных [2]).

Вслед за гуманизмом пришла реформация. Здесь особенно замечательна деятельность братьев Альфонса и Хуана де Вальдес. Старший из них—Альфонс,—собственно говоря, не был сторонником реформации, являлся лишь приверженцем преобразований католической церкви без перестройки иерархии и переработки догматов. Он был другом Эразма и защищал его от нападок с католической стороны в диалоге „Лактанций" [3]). Жуан де Вальдес, младший из братьев, встал уже прямо на реформационную почву, составил и отстаивал целую программу реформы. Главные ее пункты сводились к увеличению власти государства над церковью, к переводу нового завета на национальный язык, к отрицанию монашества, к развитию внутреннего чувства—веры как основы спасения [4]). Хуан Вальдес перевел на испанский язык библию и подверг ее толкованиям не в старом аллегорически-схоластическом духе, а в новом, грамматически-историческом [5]). Он умер в 1541 г., когда в Испании уже действовала инквизиция, и протестанты подвергались сильнейшим преследованиям [6]). Протестантизм не был силен в Испании, большинство дворянства не шло за ним,—он был религией только буржуазной и народной оппозиции, недостаточно сильной в Испании вследствие того, что она скоро стала отставать экономически от других европейских стран.

Но если Испания внесла мало нового в историю реформации, то ей принадлежит видная роль в деле воз-

---

[1]) Он переведен на русский язык: „Северный Вестник" за 1893 г.

[2]) *Вейсман*, Лекции по эволюционной теории, ч. I, М. 1905, стр. 16.

[3]) *Schlatter*, Die Brüder Alfonso und Juan de Valdes, Basel. 1901, стр. 15—72.

[4]) *Schlatter*, Die Brüder A. und J. de Valdes, стр. 89—93, 118.

[5]) Там же, стр. 137, 145.

[6]) Там же, стр. 209.

рождения католицизма, его внутреннего реформирования. Известно, что и здесь углубление религиозного сознания и развитие умственное, под'ем образования, улучшение организации проведены были на Тридентском соборе [1]). Но особенно замечательно было основание ордена иезуитов испанским дворянином Игнатием Лойолой.

Испанское духовенство на Тридентском соборе отличалось непоколебимой верностью догматам католицизма, но оно стояло за церковную реформу. И там епископы испанские выше всего ставили национальные интересы и королевскую власть, которая исполняла веления папы лишь в той мере, в какой они соответствовали интересам испанской государственности и абсолютизма [2]). И Лойола был испанским абсолютистом по убеждению, как и подобает быть баскскому дворянину [3]). Он получил довольно хорошее образование, с жадностью читал рыцарские романы с любовными и военными приключениями, хорошо писал, рисовал, сочинял придворные баллады. Он отличался пылкой фантазией, сильной волей и неутолимой жаждой славы. Лишенный возможности вследствие полученной им раны продолжать военную карьеру, Лойола решил совершить дело, равное делу св. Доминика. Он предался аскетизму, стал иметь видения, с'ездил в Палестину, учился в университетах Алкалы, Саламанои и Парижа [4]).

В Париже написал он и свою основную книгу „Духовные упражнения“ („Exercitia spiritualia“). Цель духовных упражнений—подчинение воле божией, самоуничижение, дисциплина, военное воспитание сердца и воли. На этом и основан был орден иезуитов, основанный Лойолой в 1539 году. В нем царила абсолютная власть генерала. Требовался продолжительный искус, достижение мистического идеала отречения от собственной воли. Мораль иезуитов — мягкая, уступчивая, приспособляющаяся: при исповеди, которая на-ряду с просветительной

---

[1]) *Janssen*, Gesch. des deutsch. Volkes, т. IV, 14-е издание, 1891, стр. 410.

[2]) *Gothein*, Ignatius von Loyola und die Gegenreformation, Halle 1895, стр. 37, 41.

[3]) Там же, стр. 209, 210.

[4]) Там же, стр. 210—261.

и миссионерской деятельностью особенно занимала иезуитов, рекомендовались мягкие кары за грехи, требовались дать возможность вернуться на стезю добродетели, получить прощение [1]).

Испанские иезуиты Лайнес и Сальмерон на Тридентском соборе явились главными папскими теологами. Они отстояли там назначение папой епископов и священников, учение о мессе, всемогущество римского престола. Католическая реакция в Германии имела главными своими идеологами и вдохновителями именно иезуитов [2]).

Дворянская революция в Испании, как всегда бывает в эпохи великих переворотов, освободила творческие силы страны, открыла новые пути для их развития. Это в особенности сказалось в литературе и искусстве.

В испанской литературе XVI в. появились элементы классицизма в трагедиях Архенсолы [3]) и в теории единства, ясно выступившей у Вируэса в 80-х годах XVI века [4]). В пасторали Монтемайора „Влюбленная Диана" впервые после Италии и по итальянским образцам наблюдается галантный сентиментализм, жеманство [5]). Гонгора (1561—1628) писал ложноклассические оды в том же напыщенном тоне и стиле, каким написан был в Англии „Эвфуэс" Лилли. И, как в Англии эвфуизм стал модным языком светского общества, так то же произошло с гонгоризмом в Испании [6]).

Но как ни замечательны, ни ярки все эти новые литературные явления, придававшие литературной эволюции в Испании XVI века дворянский характер,—еще важнее их те оригинальные новообразования, которые выразились в деятельности трех великих писателей— Сервантеса, Лопе де Вега и Кальдерона.

Мигуэль Сервантес Сааведра (1547—1616) массовым чтением пополнил свое образование и рано, в юности, начал писать стихи. Его жизнь была полна приключений и несчастий и протекла в большой бедности. Он

---

[1]) Там же, стр. 227—333.
[2]) Там же, стр. 480—661.
[3]) *Тикнор*, Ист. исп. лит., II, стр. 61.
[4]) Там же, II, стр. 59.
[5]) Там же, т. III, М. 1891, стр. 73.
[6]) Там же, III, стр. 9—19.

служил дворецким, участвовал в ряде войн, был ранен, так что не владел левой рукой, был сборщиком податей, три раза сидел в тюрьме. Все эти несчастья скрашены были только счастливой 30-летней супружеской жизнью [1]). В жизни, таким образом, Сервантес был типичным мелкобуржуазным бедняком-интеллигентом.

Из многочисленных сочинений Сервантеса—романов, новелл, пьес, сатир и проч. самым замечательным, давшим ему бессмертие является „Дон-Кихот Ламанчский“. Сознательная цель этого произведения—осмеяние лживых и нелепых рыцарских романов, которые в XVI в., после появления еще раньше „Амадиса Гальского“, имели все еще большой успех. Цель эта, как показывает успех „Дон-Кихота“, была достигнута [2]). Но об'ективно, независимо от воли автора, „Дон-Кихот“ важен не этим. Конечно, устами Сервантеса высмеян старый феодальный строй и рыцарский дух, особенно идеализованный. Но на-ряду с этим важно то, что в лице Дон-Кихота представлена типичная этическая натура, непрактичная, неумелая и неудачливая, но чистая по своим побуждениям, а в лице Санхо-Пансы ей противопоставлен эгоист трезвый и практичный, реалист до мозга костей. Сервантес проявил здесь глубочайший психологический анализ, превосходное понимание жизни не только своего времени, когда обнажались художественно-изображенные им противоречия, но и других времен. Здесь, как и в творчестве других гениев, общечеловеческий элемент прорывается сквозь классовую оболочку. Но это было облегчено и обусловлено и самым классовым положением и связанною с ним жизнью Сервантеса.

Лопе де Вега (1562—1635) в своих недраматических произведениях был представителем итальянского влияния в испанской литературе [3]). Оригинален и национален он был только в драме. Здесь он не следовал принципам классицизма, не соблюдал единств и ставил своей задачей одно—нравиться публике [4]).

---

[1]) Там же, II, стр. 81—117.
[2]) Там же, II, стр. 123—125.
[3]) Там же, II, стр. 170.
[4]) Там же, II, стр. 181.

Лопе де Вега был дворянского происхождения, хорошо образован, жил и служил большею частью удачно, был женат счастливо два раза, приняв духовное звание, обеспечил себе комфорт и удобства [1]). Он был поэтому, а также потому, что дворянство переживало тогда медовый месяц своего торжества и господства, оптимистом, и потому все у него в конце-концов в его драмах кончалось благополучно [2]).

В драматическом творчестве Лопе де Вега можно различать два больших разряда: во-первых, духовные драмы, во-вторых, драмы или, как их называл сам Лопе независимо от того, были ли они печальны или веселы, комедии бытовые, светские.

В духовной драме Лопе де Вега также существует несколько групп или разрядов: есть драмы на темы из св. писания, из житий святых, нравоучительные драмы—ауто. Духовные драмы не составляют главного в творчестве Лопе де Вега: он писал их, подчиняясь влиянию церкви в Испании. Характерно, что и в них он вводит большею частью интриги, веселые и комические сцены, аллегорию и фарс [3]).

Гораздо важнее и характернее светские, бытовые пьесы. Это—изображения нравов, причем в них различаются три группы: во-первых, изображение нравов низших слоев общества, во-вторых, „комедии плаща и шпаги"—нравов дворянства и буржуазии и, в третьих, придворные комедии, где действующими лицами являются короли и придворные, причем из осторожности действие переносится в Италию и другие страны [4]).

В драмах первого рода, описывающих нравы низших классов общества, видно дворянское отношение к этим классам: у них „дурные" нравы, по автору [5]), и вообще надо, чтобы „всяк сверчок знал свой шесток", нельзя выходить из своего сословия, крестьянину, напр., не надо стремиться к дворянству [6]).

---

[1]) Там же, II, стр. 136—167.

[2]) *Петров*, Очерки бытового театра Лопе де Вега, Спб. 1901, стр. 428—432.

[3]) *Тикнор*, Ист. исп. лит., II, стр. 208—222.

[4]) *Петров*, Очерки быт. театра Лопе де Вега, стр. 6.

[5]) Там же, стр. 6.

[6]) Там же, стр. 146.

И в остальных двух разрядах бытовой драмы Лопе де Вега дворянская психология и идеология дает себя знать на каждом шагу. Изображая старый родительский гнет в вопросах любви и брака, Лопе де Вега стоит на стороне свободы чувства, победы его над домашней тираннией [1]). Здесь он оказывается верным новому индивидуализму. Большое разнообразие вводит Лопе в изображение женских характеров: у него есть и бессердечные кокетки, и дурочки, и ученые женщины, и ревнивые красавицы, и смелые, энергичные девушки, завоевывающие руку и сердце возлюбленного, и безответные и кроткие создания, и пожилые влюбленные кокетки; идеалом является страстно-преданная, самоотверженная любовница [2]). Но при всем этом новом индивидуализме, характерно эгоистическое понятие о чести, и типичен тезис: если столкнутся честь и любовь, любовь должна уступить [3]). И отсюда у героев Лопе—дворян, придворных, купцов — целый ряд выводов в чисто-сословном, грубо-эгоистическом духе: „даже не любя жены и изменяя ей, муж за ее измену должен мстить“; мужья только потому перестают распутничать, что это мешает быть аргусом, а будешь плохим аргусом,—лишишься чести; в ревности героев Лопе „меньше любви, чем досады и самолюбия“; характерно и то, что поступками своими герои и героини Лопе стоят за бескорыстную любовь, но в то же время часто указывают на великую силу золота [4]).

Педро Кальдерон де ла Барка (1600—1671) хронологически выходит уже за пределы периода дворянской революции в Испании, но по существу еще больше, чем наполовину, принадлежит этому периоду. Кальдерон далеко еще не классик, но он несравненно ближе, чем даже Лопе де Вега к устанавливавшемуся уже традиционному дворянскому миросозерцанию. Сам он был дворянского происхождения, получил образование у иезуитов и в Саламанкском университете, имел значительное со-

---

[1]) Там же, стр. 31.
[2]) Там же, стр. 30.
[3]) Там же, стр. 171—172.
[4]) Там же, стр. 311.

стояние, был придворным драматургом. Замечательны прежде всего его ауто и пьесы из житий святых. Тут— традиционная католическая религиозность, напр., прославление учения о пресуществлении, в аллегорической форме, с музыкой и при великолепной сценической постановке, делающей вместе с музыкой эти пьесы похожими на оперы. Новый элемент дает себя чувствовать главным образом в том, что хотя диавол и посрамляется, но признается его ум и талант [1]). В философских драмах также господствует в сущности традиционная религия; лучшая из них „Жизнь есть сон" [2]), в ней проводится идея ничтожества земной жизни и подчинения высшей божественной силе: истина доступна только в загробной жизни. Кроме того, у Кальдерона есть комедии плаща и шпаги, героические драмы, две оперы и шуточная драма. Главное для него — сложная интрига и изумительные происшествия. Основной мотив—честь, оскорбление которой может быть смыто только кровью. Во многих драмах—трагический конец. Немало лести королю и придворным. Блестящие и эффектные слог и стихосложение, манерность, возвышенный, приподнятый тон, изображение дворянского идеала героического энтузиазма, чести и верности королю [3])—все это делает Кальдерона уже близким к классицизму, превращает его в переходное звено от литературы XVI в. к дворянскому классическому стилю.

Испанская живопись XVI и XVII веков пережила ту же судьбу, что и испанская литература того времени. Испанские художники конца XV и первой половины XVI века не были еще способны к оригинальному творчеству, но они были достаточно талантливыми подражателями итальянцев, чтобы развить вкус к живописи в Испании и положить основу оригинальному творчеству.

Вторая половина XVI в., особенно в строгих, серьезных и глубоких портретах Пантоя делла Круса и в картинах Рибейры и Сурбарана, дала уже замечательные образцы художественной оригинальности: глубина, выра-

---

[1]) *Тикнор,* Ист. исп. лит., II, стр. 300—324.
[2]) *Стороженко,* Очерк ист. зап.-европ. лит., стр. 378.
[3]) *Тикнор,* Ист. исп. лит., II, стр. 327—363.

зительность, натурализм, естественность—вот те пути, которые начали прокладывать эти художники в Испании. Рибейра любил писать лица, изборожденные морщинами и измученные страданиями,—писал торговок и старых мужиков. Но в то же время он был и живописцем глубокой и мрачной религиозности—католицизма и мистицизма в испанском их истолковании: он создал ряд мрачных картин мученичеств. Сурбаран еще более, чем Рибейра, был художником клерикализма и монашества [1]).

На подготовленной ими почве развились два гениальных испанских художника XVII в.—Веласкес и Мурильо.

Веласкес, человек дворянского происхождения, гордившийся этим [2]), разрабатывал самые разнообразные сюжеты: писал и религиозные картины, и мифологические, и портреты, и жанры, и батальные картины. И во всех своих произведениях он проявлял совершенно необычное соединение разнообразных художественных способностей: он соединял яркость колорита и выразительность с естественностью, глубоким психологическим анализом, широкой манерой письма и правильностью рисунка. Художественной широте, разносторонности Веласкеса содействовали условия, в каких развился его гений: он родился в прекрасной Андалузии, в южной Испании, учился живописи в Севилье у хороших учителей-художников Харреры и Пачеко; в доме последнего собирались ученые, образованные люди, писатели, бывал между прочим и Сервантес. Все это должно было способствовать расцвету блестящих способностей Веласкеса, который к тому же работал не покладая рук, изучал внимательно и внешность и душевную жизнь своих моделей. Исследователи подмечают непрестанную эволюцию его таланта и художественной манеры [3]).

Веласкес—живописец грандов, дворян, придворного этикета, величественности испанского роялизма [4]). Превосходен его известный портрет папы Иннокентия X. Другим образцом живописи Веласкеса может служить

---

[1]) *Мутер,* История живописи, т. II, стр. 153—155; *Lefort,* La peinture espagnole, стр. 128 и сл., 144 и сл., 154 и сл.

[2]) *Мутер,* История живописи, II, стр. 163.

[3]) *Lefort,* Velasquez; *Бенсюзан,* Веласкес, Спб. 1910.

[4]) *Мутер,* История живописи, II, стр. 157, 166.

один из его портретов испанского короля Филиппа IV [1]). Это—тип дворянина XVII в., представителя общественных верхов того времени: стремление к роскоши, неге, красоте, к наслаждениям сочеталось здесь с честолюбием, самовластием, с эгоистическим пренебрежением к „черни“, к „толпе“; и на всем этом облике лежит уже печать бесхарактерности, слабости, начинающегося вырождения, придающего оттенок тонкого изящества красивому лицу короля.

Мурильо был мелкобуржуазного происхождения и работал для культурных верхов буржуазии [2]). Главные его черты—натурализм и вместе изящество, обворожительность, красота. Он очень любил изображать простые уличные сцены—уличных мальчишек, нищих, рабочих, крестьян. При этом он умел с удивительной наблюдательностью, тонкостью и точностью схватывать не только внешность—наружность, одежду, манеры,—но и чувства, мысли, характер изображаемых им лиц. В религиозных своих картинах Мурильо обнаруживал огромную силу веры, экстаз. Для натурализма Мурильо типична его картина „Детский завтрак“ [3]): два уличных мальчика только что принялись завтракать; один из них готовится аппетитно опустить в свой рот высоко поднятый лакомый кусок, на который умильно уставилась ждущая подачки собака; другой мальчик с веселой улыбкой наблюдает за товарищем, готовый сейчас же последовать его примеру.

Лучшим образцом религиозной живописи Мурильо является его картина—„Зачатие богородицы“. Здесь изображена андалузская девушка редкой красоты и невинности, окруженная херувимами и со слезами счастья и искренней глубокой веры смотрящая в небеса. Невинность выражает католическую идею непорочного зачатия [4]).

Отметим, наконец, что новая контрапунктическая музыка нашла себе выражение в Испании конца XV и начала XVI в. в деятельности Моралеса, теоретика музыки Эскобедо, композиторов Гверреро и Вонераса [5]).

---

[1]) Картинные галлереи Европы, между стр. 32 и 33.
[2]) *Мутер*, История живописи, II, стр. 175.
[3]) См. гравюру в „Картинных галлереях Европы“, т. II, стр. 128.
[4]) *Мутер*, История живописи, II, стр. 171.
[5]) *Размадзе*. Очерк ист. музыки, ч. 2-я стр. 79.

VI.

Нидерланды в XVI и XVII веках.

Нидерланды в XVI и первой половине XVII в. переживали переворот, во многом соответствовавший дворянской революции в других странах и имевший в общем ту же экономическую подкладку — торжество торгового капитализма, но имевший и свои особенности, уяснить которые нельзя без внимания к хозяйственному положению страны.

Экономические успехи Нидерландов были значительны в XVI в. уже в земледелии: дорожа землей, которую приходилось отвоевывать у моря, имея быстро растущее население, Нидерландам рано пришлось обратиться к улучшению земледельческой системы—ввести плодосмен, распространив культуру клевера и репы [1]).

На-ряду с этим издавна нидерландские, особенно фламандские, города известны были своей индустрией—шерстяной, суконной, а с XVI в. и хлопчатобумажной. Суконным производством известны были главным образом Гент, Брюгге и Ипр, где существовали мануфактуры, а во фламандских деревнях работали на крупный торговый капитал многочисленные кустари. Соответственно этому развитию сельского хозяйства и индустрии широко развернулась и торговля: в XVI в. появились биржи в Брюгге и Антверпене; в Антверпене основана была и стала действовать и товарная биржа, которая ввела новый, улучшенный коммерческий прием комиссионной торговли. В 1602 г. была основана нидерландская ост-индская компания. В XVII в. Амстердамский банк стал

---

[1]) *Кулишер*, Лекции по экон. ист. Зап. Евр., стр. 250.

торговать ее акциями, а затем также и государственными фондовыми бумагами, главным образом бумагами нидерландского правительства. К XVII веку Нидерланды победили своей конкуренцией Испанию в морской торговле [1]).

Но опять-таки и в Нидерландах была оборотная, мрачная сторона в развитии торгового капитализма. Начать с того, что с тех пор, как Англия в XVI в. до чрезвычайности сократила вывоз шерсти, фламандским городам стало не хватать сырья для их суконного производства, и промышленное значение Гента, Ипра, Брюгге сильно упало. Их добивала теперь английская суконная промышленность своей конкуренцией. Затем войны Филиппа II с Англией препятствовали английской торговле Нидерландов, что очень болезненно отражалось на положении нидерландского торгового капитализма. Затем, хотя фландрская деревня и сохраняла еще в XVI в. кустарное производство сукна из испанской шерсти, но террористическая политика герцога Альбы заставила и этих фламандских кустарей-суконделов оставить Нидерланды и эмигрировать в Англию. Борьба с торговой конкуренцией Англии вообще становилась все более непосильной для Нидерландов. Наконец, навигационный акт Кромвеля в 1651 г. нанес нидерландскому торговому капитализму такой удар, который оставил этот капитализм далеко позади английского; нидерландские корабли лишились груза по перевозке английских товаров из Англии и иностранных, не голландских, товаров в Англию, так как актом Кромвеля разрешался вывоз и ввоз только на английских кораблях или на кораблях страны, ввозящей в каждом данном случае товары в Англию. С тех пор Англия стала торговой владычицей морей [2]).

Описанная экономическая обстановка создала совершенно определенные социальные отношения в Нидерландах и их политическое положение. Торговый капитализм в его своеобразном видоизменении выдвигал на первый

---

[1]) *Pringsheim,* Wirtschaftliche Entwicklung der Niederlande im XVII und XVIII Jahrh; *Кулишер,* Лекции по экономической истории Зап. Европы.

[2]) Там же.

план буржуазию: не только крупную, но и мелкую, не только купцов и мануфактуристов, но и зеландских рыболовов, и фламандских кустарей, и голландских маслоделов и сыроваров. Мало того, и местное дворянство и даже бывшая феодальная аристократия обуржуазивалась. Это—в социальном отношении. А в политическом отсюда вытекал разрыв с Испанией, необходимость, по крайней мере для севера, политической независимости от Испании и, наконец, республиканского государственного строя. Все это, как известно, и осуществилось [1]).

Борьба, которая произошла от всего этого между Испанией и Нидерландами и формально закончилась только Вестфальским миром 1648 года, пошла не только по линии религиозных разногласий: Эгмонт, напр., был и остался католиком и, однако, был казнен. Но кальвинизм все же был боевым знаменем не только вождя нидерландской аристократии, но и в особенности масс населения, а у низов городского общества—мелкой буржуазии и пролетариата—идейным освящением их интересов и стремлений был анабаптизм: в начале 30-х г.г. XVI в. здесь его особенно распространял Ян Маттис из Гаарлема [2]). И пока шла борьба с Испанией, нидерландский анабаптизм сохранял боевой характер. В XVII в. анабаптисты переродились в меннонитов [под влиянием пастора Меннона: это была уже теперь мирная евангельская секта. Нидерланды же дали в лице Янсения и начало янсенизму—смягченному кальвинизму.

В духовной культуре Нидерландов XVI и XVII в., кроме новых религиозных течений, обращают на себя внимание развитие философской мысли и искусства, особенно живописи и музыки.

В философии важно учение Боруха или Бенедикта Спинозы: он назвал себя именем Бенедикт после того, как был торжественно отлучен за свое учение в синагоге. Происходил он из португальских евреев, переселившихся в Нидерланды, родился в семье мелкого тор-

---

[1]) *Ritter*, Deutsche gesch. im Zeit der gegenref, I, стр. 331—484. *Прескотт*, История царств. Филиппа II; *Матлей*, История Нидерл. революции.

[2]) *Belfort Bax*, Rise and Talle of the Anabaptists, стр. 112.

говца в 1632 году. Он учился в раввинской школе, но не удовлетворен еврейской религией. Искал ответов на вопросы, его мучившие, в средневековой еврейской мистике—Каббале и также не был удовлетворен. Он занялся потом наукой, изучил естествознание, в философии—Джордано Бруно, Бэкона, Декарта, Гоббса, знал много языков. Спиноза зарабатывал себе средства существования шлифовкой оптических стекол и отказался от профессуры в Гейдельбергском университете, будучи уверен, что за ним не сохранена будет там свобода исследования. Умер от чахотки в 1677 году [1]).

В юношеском произведении Спинозы—его „Малсньком трактате"—заметно еще влияние Джордано Бруно: тут есть, как и у Бруно, натуралистический пантеизм. Но уже здесь Спиноза проявил самостоятельность: для Бруно единое божество—живая действующая сила природы, и отсюда вытекает телеология, господство высшей цели в мировой жизни; у Спинозы божество—бесконечная сущность конечных перемен или модусов, и, следовательно, телеология отрицается [2]).

В своем неоконченном „Рассуждении об образовании ума" Спиноза указывает, что им руководил не теоретический интерес к истине, как Декартом, а религиозно-нравственные основания, стремление осуществить сознательную любовь к божеству [3]).

В законченном виде философская система Спинозы нашла себе выражение в двух его главных сочинениях—в „Богословско-политическом трактате" и в „Этике". Как видно из этих сочинений, любовь к богу у Спинозы — интеллектуальная, может быть удовлетворена только путем правильного познавания. У Декарта он взял мысль достигнуть этого математическим методом: божество для мира—то же самое, что пространство для геометрических фигур, отношений и законов. Первая, высшая ступень знания с точки зрения Спинозы, вполне достоверная,—это созерцание божества, вторая ступень—умственное разумение связи вещей, третья, низшая,—

---

[1]) *Виндельбанд*, История новой философии, стр. 300—308.
[2]) Там же, стр. 320.
[3]) Там же, стр. 321—322

чувственное восприятие. Как все геометрические формы обусловливаются пространством и возможны лишь в нем одном, так и все отдельные вещи—формы единой божеской субстанции, они—ее модусы. Но у субстанции или божества есть еще аттрибуты, не свойства ее, а направления, в которых развивается бытие субстанции. Таких аттрибутов Спиноза, под влиянием Декарта, признает два—мышление и протяженность. Модусы субстанции в одном аттрибуте, по Спинозе, параллельны модусам в другом аттрибуте: существует психо-физической параллелизм. Механическая причинность, отрицание свободы воли, строгая необходимость свойственны, по Спинозе, обоим аттрибутам,—и протяженности и мышлению. Поэтому и в морали и в политике Спиноза требует не суб'ективной оценки, а понимания действительности: нравственность—в знании, ибо оно дает мощь и самосохранение; в политике власть—мощь, самосохранение, государство—машина для достижения общего блага [1]).

Монизм и об'ективизм, проникающие систему Спинозы,—создание нового времени, отражающие на себе широкий размах материальной культуры и единство, создаваемое торговым капитализмом. Но религиозно-мистическое построение и методология чистого мышления—отражение той двойственности миросозерцания дворянства и торговой буржуазии, которую они сохраняют за все время своего господства.

Нидерландское искусство XV и XVI веков отличалось уже значительной оригинальностью, хотя в то же самое время заодно вбирало в себя и художественные достижения Италии.

В XV веке особенно замечательны три художника, настроенные религиозно: ван-дер-Вейден, ван-дер-Гус и Мемлинг. Основная тема картин ван-дер-Вейдена—страдания Христа; он изображает изможденных людей с покрасневшими от слез глазами, исступленное горе [2]). Ван-дер-Гус, начавший жизнь светскими удовольствиями и кутежами, скоро перешел к раскаянию и аскетизму, принял монашество и по настроению является

[1]) Там же, стр. 327—382.

[2]) *Мутер*, История живописи, I, стр. 89—90.

родственным ван-дер-Вейдену: у него сосредоточенная скорбь, не облегчаемая слезами. Но в технике он был большим новатором: у него впервые встречается прочувствованный пейзаж, удивительно-гармонический колорит и световые эффекты. Он ввел в живопись понимание красочной прелести и изображение природы [1]). Что касается Мемлинга, то он соответствовал Ботичелли религиозностью, мистицизмом и нежным лиризмом [2]).

В XVI в. стали преобладать итальянские влияния: Кокси был фламандским Рафаэлем, Флорис—фламандским Микель-Анджело [3]).

Наконец, XVII век дал полный, необыкновенно пышный расцвет нидерландского искусства. В это время на первом плане стоят три величайших художника—Рубенс, ван-Дик и Рембрандт. Рубенс при всей своей оригинальности во многом соответствует Тициану, ван-Дик—Веронезе, Рембрандта необходимо сопоставить с Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело Буонаротти. Рубенс и ван-Дик были типичными выразителями вкусов дворянства и крупной буржуазии, Рембрандт играл ту же роль по отношению к буржуазии средней и отчасти мелкой.

Сюжеты картин Рубенса отличаются чрезвычайным разнообразием: он писал и аллегорические картины, и религиозные, и портреты, и пейзажи, и жанры. Но везде он стремился к одному,—к выразительности изображения, к тому, чтобы сосредоточить внимание зрителя на главном и основном в сюжете, причем ради этого жертвовал всем, подчинял этому все остальное. Поэтому в композиции главным для него был эффект, выразительность, сильное впечатление, а естественность отступала уже на второй план. Сообразно этому колорит отличался яркостью и блеском, но и искусственностью, фантастичностью. От этого несколько пренебрежительного отношения к природе, к естественности происходил и не всегда вполне правильный рисунок. При таких условиях всего более удавались Рубенсу эффектные аллегории,

---

[1]) Там же, I, стр. 114—121.
[2]) Там же, I, стр. 200.
[3]) Там же, II, стр. 91.

которые к тому же особенно были по вкусу знатным и богатым людям того времени.

Рубенсу свойственна чувственность почти звериная. Его картины — апофеоз тела — здорового, пышного, жирного [1]).

Ученику Рубенса ван-Дику более всего удавались портреты. Он был превосходный рисовальщик, блестящий колорист, с удивительной точностью, тонкостью, блеском и изяществом изображал внешнюю обстановку, одежды, драгоценные украшения, причем питал слабость к великолепию и роскоши. Весьма удачно схватывал и передавал ван-Дик и внешние черты, физиономию тех людей, чьи портреты он писал. Но он не выказывал большой чуткости в понимании духовного образа изображаемых лиц, не отличался особенной глубиной психологического анализа. Образцами его живописи могут служить портреты английского короля Карла I, его супруги и общий портрет троих их детей. Здесь превосходно нарисованы шелк, бархат, кружева, хорошо передана внешность лиц, а лица детей отличаются такою живостью, которая делает их портреты едва ли не лучшим произведением ван-Дика.

Ван-Дик — блестящий, гениальный салонный живописец, жеманный и фатоватый [2]).

Для настоящего натурализма и импрессионизма, тенденции к которым сильны и у Рубенса и ван-Дика, необходим глубокий психологический анализ, уменье понимать характер, душевную жизнь изображаемых лиц. Этим отличался гений Рембрандта. Главные картины Рембрандта,—это портреты и произведения исторической живописи, причем наблюдение над действительностью, знание натуры, уменье схватить характерное, важное для данного лица и положения особенно отличают этого великого художника. Это дополняется превосходным, ласкающим глаз и притом естественным колоритом, столь же естественной композицией и правильным, тщательным рисунком, причем Рембрандт, отделывая большею частью и подробности, не приносил им в жертву целого, а умел

---

[1]) Там же, II, стр. 180—182.
[2]) Там же, II, стр. 197—198, 200.

это целое, общее, главное выдвинуть в картине на первый план. Вот почему фигуры и лица у Рембрандта отличаются как бы какой-то подчеркнутостью, как будто бы выступают вперед, выдвигаются и тем приковывают к себе внимание зрителя. Это придает картинам Рембрандта особую выразительность и какую-то таинственность. Надо прибавить к этому еще эффектное освещение, подчеркивающее основной смысл картины. Все указанные черты и особенности живописи Рембрандта находят себе выражение, напр., в знаменитой его „Данае", находящейся в петербургском Эрмитаже, или в его картине, изображающей самого художника в праздничной одежде с бокалом вина в руке и его жену, изящную, молодую красавицу, представляющую собою во многом эффектную противоположность плотному, широколицому, некрасивому, но веселому и жизнерадостному, как и она сама, художнику [1]).

Жизнерадостный Франс Гальс [2]) представляет собою связующее звено между тремя великими нидерландскими мастерами и малыми фламандцами, яркими представителями мелкой буржуазии.

Главная общая черта малых фламандцев—натурализм, но натурализм особенный, не рембрандтовский. Жизнь мелкого буржуа, хотя он уже был захвачен товарным хозяйством, отличалась бедностью содержания, однообразием, будничностью. Она была теснейшим образом связана с внешней обстановкой, со скромным жилищем, поношенной одеждой и обувью, с узкими интересами и потребностями, с нехитрыми развлечениями, с природой страны. И потому малые фламандцы облюбовывали себе большею частью обыденные сюжеты, изображали будничную жизнь и трактовали избранные темы в тесной связи с внешней обстановкой. Отсюда кажущаяся бедность содержания, которое, однакоже, в сущности вовсе не было бедно, потому что выражало потребности и интересы огромной массы народа и наглядно показывало зависимость духовного склада целого многочисленного

---

[1]) См. гравюру в „Картинных галлереях Европы", том II, между 82 и 83 страницами.

[2]) *Мутер*, История живописи, II, стр. 202 и сл.

класса от внешних условий его существования. Хозяйство мелкого буржуа—маленькое, крошечное, карликовое и все держится на тщательном внимании к мелочам, на трудолюбии, на точном и тонком расчете всех подробностей. Столь же малы по размерам, нередко миниатюрны и в то же время отличаются тончайшей отделкой подробностей художественные произведения малых фламандцев. И мелкие буржуа, и их представители в нидерландской живописи—великие люди на малые дела.

Таково то общее, что свойственно всем малым фламандцам. Однако, они различаются между собой по излюбленным сюжетам и по художественным свойствам. Если не считать де-Гоока, который был прямым последователем Рембрандта и особенно занят был в своих картинах световыми эффектами, то по художественным свойствам малых фламандцев можно разделить на две главные группы: к одной принадлежит большинство, умеющее вложить в трактуемый сюжет душу живую, прочувствовать его, передать настроение; другую составляют холодные изобразители внешности, настоящие художники-фотографы, типическим представителем которых был Бергем.

Не останавливаясь на художниках второй группы, представителей первой группы можно разделить по их излюбленным сюжетам на жанристов и пейзажистов. Талантливейшим из жанристов был Теньер; сюда же принадлежат ван-Остаде, Жерар Дов, Вуверман, Миерис, Дюжарден и многие другие. Самыми замечательными из пейзажистов являются Брегель, Поттер, Гоббема и Рюиздаль.

Образец—картина Теньера „Харчевня". Изображена внутренность харчевни, полной посетителями. У каждого из посетителей своя индивидуальность: если присмотреться к ним, сразу станут понятны их положение и характер, отражающиеся и в выражении лиц, и в том, как они себя держат, и в одежде вплоть до мельчайших подробностей вроде способа носить шляпу и курить трубку. Вот нищий, робко приткнувшийся на краю скамьи, вот плутоватый парень, обыгравший товарища в кости, вот политик, поучающий соседей своей премудрости, вот любитель женщин, избалованный успехами у них: он и

здесь шутит вольные шутки с хозяйкой; вот целая подгулявшая компания—одни в возбужденном состоянии, другие в мрачном унынии [1]).

Или вот Поттер—живописец животных, главным образом коровы, изображавшейся им в простом сельском пейзаже. Его картины полны настроения: печальны и унылы коровы, и это сообразуется со столь же печальным, меланхолическим пейзажем, навевающим грусть и задумчивость.

Не только в живопись, но и в музыку Нидерланды XVI века сделали большой и ценный вклад. Широкое, богатое развитие нидерландского контрапункта началось еще в XV в. у Дюфе. Уже ему свойственны были не только внешние, звуковые достоинства — благозвучие, искусное голосоведение, мелодическая плавность отдельных партий,—но и определенное настроение: в его музыке слышны и грусть, и блаженство, и улыбки сквозь слезы [2]). Еще выше, чем Дюфе, был Жоскен де Пре во 2-й половине XV в. Он достиг высшей техники контрапункта, безукоризненного благозвучия, глубокой и яркой выразительности. Чувства, выражаемые его музыкой, весьма разнообразны; гнев, любовь, сострадание, умиление, серьезность, веселье, шутка. Его творчеству свойственна величавая простота, напоминающая Палестрину [3]).

Но величайшим нидерландским музыкальным гением был Орландо Лассо (1520—1594). Величайшее его произведение—„Покаянные псалмы". Он творил необыкновенно легко именно потому, что работал, не покладая рук. Голоса у него изящно оживлены и полны глубокой выразительности. Покаянное настроение, им выраженное в псалмах, очень своеобразно: это—не прострация, а чувство мощной и благородной души, которая подымается после падения. Разнообразие Орландо Лассо доходит до чрезвычайности: его духовная музыка разностороняя, но он писал также и веселые, резвые светские

---

[1]) Гравюра в „Картинных галлереях Европы", том II, между стр. 197 и 198.

[2]) *Сиккетти*, Крит. ист. музык. хрест., стр. 72.

[3]) Там же, стр. 73.

песни. Ему свойственна была эпико-драматическая сила, как и Данте и Микель-Анджело. Он умел об‘единить в своем творчестве романскую и германскую музыку [1]) и был известен в Италии не менее, чем у себя на родине и в других странах современной ему Европы.

---

[1]) Там же, стр. 73—74.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Дворянская революция в странах древнего Востока.

I.

Дворянская революция в Египте.

Хронологические пределы периода дворянской революции в древнем Египте мы устанавливаем между началом XVI в. до Р. Х. (1580 годом) и концом XIV столетия (1315 г.). Переход к торговому капитализму в это время не подлежит сомнению. Он засвидетельствован двумя рядами фактов: во-первых, прямыми свидетельствами источников о развитии торговли—внутренней и внешней, расчитанной на обширный национальный и даже по тому времени мировой, международный рынок [1]), во-вторых, завоевательными тенденциями и походами фараонов, сплошь и рядом увенчивавшимися успехом и сопровождавшимися приобретением новых территорий для торгово-капиталистической эксплоатации: так, Аменхотеп I завоевал северную Нубию, Тутмос I окончательно покорил Нубию и сделал завоевание в Сирии, Тутмос III завладел Палестиной и Финикией после четырех кампаний, которые он провел в Азии [2]). Нам известны и те товары, которые приобретались египтянами на азиатских рынках: то были ладан, древесное масло,

---

[1]) *Erman*, Aegypten und aegypt. Leben, II, стр. 658 и след.; *Брэстед*, История Египта, I, стр. 288; II, стр. 18 и след.; *Тураев*, История древнего востока, I, стр. 276.

[2]) *Брэстед*, История Египта, I, стр. 265—266, 269, 275 и след., 307, 311; *Тураев*, История древ. востока, I, стр. 272—273, 281.

мед, вино, олово, лапис-лазурь, малахит, быки, кожи, пшеница, смолы и лекарственные растения [1]). Разнообразие этих товаров и наличность среди них не только предметов роскоши, но и первой необходимости типично и характерно именно для эпохи наступавшего тогда господства торгового капитализма.

Основная черта нового экономического быта, совершавшегося хозяйственного переворота таким образом устанавливается вполне определенно и прочно. Можно заметить соответствие этому и в области социальных отношений. И здесь совершался переворот: на смену феодальной аристократии к власти продвигались представители дворянства, людей, „ходивших во всех путях царя“, часто незнатных по происхождению. Таков был, напр., фаворит царицы Хатшепсут, храмовый архитектор Сенмут [2]); такова же была и Тия, женщина незнатного происхождения, ставшая женой Аменхотепа III и пользовавшаяся огромным влиянием [3]).

Но ярче всего завоевание власти новым классом общества и перерождение в дворянство передовой части старой феодальной аристократии проявляются в политической истории Египта XVI—XIV веков до Р. Х. Здесь можно даже установить отдельные моменты дворянской революции в Египте, в существе своем во многом параллельные тем, какие сменялись в истории соответствующего периода жизни западно-европейских народов и народа русского.

Первый момент египетской дворянской революции— эпоха Аменхотепа I и Тутмоса I: они положили первый камень новому делу, завоевывая в интересах дворянства и купечества для развития торгового капитализма Нубию и Сирию [4]). Второй момент—смута, усобицы, бурная борьба классов, сопровождавшаяся сменой классовых кандидатов на престоле фараонов. Тутмос I и Тутмос II были сторонниками дворянства, поддерживали новую политику Аменхотепа I и были свергнуты „леги-

---

1) *Тураев,* Ист. древ. вост., I, стр. 294.
2) *Брэстед,* Ист. Египта, I, стр. 286.
3) *Тураев,* Ист. древ. вост., I, стр. 287.
4) *Брэстед,* Ист. Ег., I, стр. 265 и след.

тимной", по выражению одного .исследователя [1]), т.-е. аристократической, феодальной партией, которая возвела на престол формально Тутмоса III и сделала соправительницей государства царицу Хатшепсут. Правление этой руководительницы феодальной реакции, подобной Василию Шуйскому или некоторым из последних Валуа, продолжалось пять лет. Потом дворянство в лице Тутмоса II и его отца Тутмоса I снова вернулось к власти, но только на три года: по смерти Тутмосов I и II наступило опять царствование Тутмоса III, т.-е. реально правление Хатшепсут. Характерно, однако, и знаменательно, как показатель духа времени, что по смерти Хапшепсут Тутмос III перешел на сторону нового дворянства и обратился к завоевательным преприятиям в Азии. После него, однако, смута еще продолжалась, феодальные элементы общества, особенно во вновь присоединенных областях, подняли восстание, которое было усмирено Аменхотепом II [2]).

Этим закончился второй момент дворянской революции в Египте. После того начался третий, завершительный ее момент, эпоха Аменхотепа III, ознаменованная, как скоро увидим, новыми явлениями в области египетского искусства, и в особенности Аменхотепа IV и Хоремхеба.

Аменхотеп IV или, как его называли греки, Аменофис IV произвел церковную реформацию, во многом напоминающую по своему социальному, политическому и культурному смыслу соответствующие явления на западе Европы в XVI в. после Р. Х., особенно близко подходящую к английской реформации. Социальный смысл этой реформации заключался в сокрушении экономической мощи крупнейшего феодала—храмового жречества: Аменхотеп IV произвел секуляризацию, конфисковал храмовые земельные имущества в пользу государства и роздал их своим фаворитам—новому дворянству. Политический смысл в египетской реформации ярко выразился в том, что ею укреплено было царское самодержавие—политический идеал нового класса, за-

---

[1]) Там же, I, стр. 281.
[2]) Там же, I, стр. 281—311; II, стр. 3 и след.

восвавшего власть; Аменхотеп IV в соответствии со строгим единовластием и самодержавием ввел строгое единобожие и верховного жреца нового единого бога Атана, который был им признан, назначил своею властью, так что фараон стал как бы главою церкви, подчинил этим церковь государству. Наконец, в культурном отношении важно здесь, как и в европейской реформации, углубление и рационализация религиозного сознания и религиозного чувства: Атон, новое единое божество, был богом солнца не в физическом смысле этого слова, а в духовном—как податель всех благ; здесь уничтожены были все остатки фетишизма и старого колдовства, шаманства, формализма; Атон—всеблагое и всемогущее существо, его надо не околдовывать, с ним надо морально слиться, усвоить себе его благие предначертания и им следовать. Это ярко выразилось и в гимнах Атону, которые были составлены будто бы самим Эхнатоном, как назвал себя Аменхотеп IV, а вероятнее всего кем-либо по его поручению. Вместе с тем Атон изображался уже не в виде человека или животного, а в символическом виде—в виде диска с лучами, оканчивающимися распростертыми дланями, кистями рук,—символ расточаемых всеблагим милосердым Атоном благ [1]).

Реформа Аменхотепа IV была кульминационным пунктом истории дворянской революции в Египте. Но она оказалась слишком радикальной. Умерил ее, ввел в более скромные и узкие рамки, вполне подходящие для идеологии и психологии дворянства, представитель перерождавшейся уже в дворянство старой аристократии Хоремхеб, свергнувший Аменхотепа IV. Деятельность Хоремхеба может служить одним из самых ярких образцов того, что так-называемая реакция в здоровом, развивающемся обществе никогда не является возвратом назад, восстановлением старины, а представляет собою органическую переработку приобретений революции, дающую возможность путем смягчения резких революционных форм приспособиться к вновь созданным условиям всем жизнедеятельным, способным к развитию и перерождению элементам класса, прежде господствовавшего. Хоремхеб

---

[1]) Там же, II, стр. 35—85; *Морэ*, Цари и боги Египта,

возвратил большую часть земель храмам, восстановил и культ Амона. Но этот культ воспринял от культа Атона новые черты единобожия и более высокого представления о природе и характере божества, о его благости и единстве. К тому же Хоремхеб остался главой церкви, сам назначил верховного жреца Амона, т.-е. подчинил религию и религиозную организацию новой дворянской государственности [1]).

Политическая борьба и победа нового класса сопровождались и переменами в технике государственного устройства и управления, созданием нового бюрократического аппарата, который должен был выдвинуть по крайней мере в идее принцип новой государственности как общественного господства, имеющего в виду интересы общего блага. Были изданы новые законы против вымогательства чиновников, преследовалось взяточничество, крестьяне ограждались от злоупотреблений сборщиков податей. Чиновникам назначено было более высокое жалованье, обеспечивающее их материальное положение. Бюрократическая централизация поддерживалась управлением двух визирей, первых министров [2]).

Мы только-что познакомились с теми важными изменениями, какие произошли в египетской религии изучаемого нами сейчас времени. Это было, конечно, одним из важнейших новых явлений духовной культуры, характерных именно для дворянской революции. У нас нет недостатка в фактах, характеризующих соответствующие новшества и в литературе и искусстве. Так, к этому времени, может быть даже и несколько более раннему, относится политическое сочинение, составляющее в известном смысле параллель сочинениям Маккиавелли, и Бодена или Альтузия и дошедшее до нас в так-называемом лейденском папирусе. Здесь мудрец наставляет царя в духе новой государственности: требует активной внешней политики, внутренней законности, преследования преступников [3]). Любопытно также сочинение, написанное в защиту справедливости на суде: характерно, что здесь

---

[1]) *Брестед*, Ист. Ег., II, стр. 79—81.
[2]) Там же, II, стр. 84—86.
[3]) *Тураев*, Ист. древ. вост., I, стр. 247—248.

обиженный крестьянин все несправедливости ставит в счет не царю, самодержавную власть которого он по-крестьянски идеализирует, а чиновникам и судьям [1]). Появилось и сочинение о хорошем тоне, уменье жить в обществе [2]). Типичны также для наступающего господства дворянства похвальные слова и хвалебные оды фараонам [3]). От эпохи Тутмоса III дошла официальная летопись, высеченная на стенах карнакского храма, но первоначально писанная на кожаном свитке, хранившемся в храме Амона. Автором этой летописи был царский писец Танини [4]).

Классический стиль образовывался и в искусстве. Роскошные постройки возводили в особенности царица Хатшепсут [5]) и Аменхотеп III. Последний хотел об'единить в одно целое все большие строения Фив [6]). Процветала и скульптура, в которой психологическая выразительность обращает на себя внимание, в портретах видна изысканность и гибкость изображения. Были ковры тонкой работы, прекрасного рисунка и изысканной окраски [7]). Аменхотеп III изображен в знаменитых колоссах Мемнона [8]). В произведениях искусства времени Аменхотепа IV заметна склонность к художественному реализму [9]).

Дошедшие до нас источники позволяют представить и конкретные психологические портреты некоторых царей, типичные для той эпохи. Аменхотеп IV достаточно ярко характеризуется уже тем, что о нем сказано выше. Энергичная и властная личность Хатшепсут, гибкий и практический характер Хоремхеба—яркие образцы индивидуализма. В том же отношении замечателен был Тутмос III, проявивший себя полностью после смерти Хатшепсут и притом именно в новом духе и направлении. При жизни

---

[1]) Там же, I, стр. 251—252.
[2]) Там же, I, стр. 249—250.
[3]) Там же, I, стр. 252—253.
[4]) Там же, I, стр. 278.
[5]) Там же, I, стр. 275.
[6]) *Брэстед*, Ист. Ег., II, стр. 24.
[7]) Там же, II, стр. 27, 29.
[8]) Там же, II, стр. 34.
[9]) Там же, II, стр. 58.

Хатшепсут он отличался достаточной приспособляемостью в интересах самосохранения. Став самостоятельным, он проявил новые, индивидуалистические черты,—безграничную энергию, эстетизм, организаторский и административный талант, любознательность, гордость и чувство собственного достоинства [1].

---

[1]) Там же, I, стр. 334—335.

II.

Дворянская революция в сумеро-аккадо-вавилонской Месопотамии.

Пока по состоянию научной разработки источников невозможно установить ход дворянской революции в месопотамских царствах с той подробностью и точностью, как можно это сделать по отношению к Египту. Более или менее отчетливо можно изобразить этот процесс только для сумеро-аккадо-вавилонского царства и то лишь в самых основных чертах.

Главное значение здесь имеет царствование Хаммураби во второй половине XX века до Р. Х.—с 1958 по 1916 год. В завоевательной деятельности Хаммураби сказалось несомненное расширение рынка. На то же указывают рост торговли, проведение каналов около Тигра и Евфрата [1]), улучшение путей сообщения, существование серебряных денег, платеж многих податей в денежной форме [2]), банкирская деятельность храмового жречества [3]), появление крупных капиталистов и их наемных слуг и рабочих [4]). Торговое и промышленное значение городов—Сиппара, Нипура и Вавилона—послужило основанием больших льгот и привилегий для городского населения [5]), что также свидетельствует об успехах товарного хозяйства, торгового капитализма. Важна, наконец, обычная высота процента при денежных

---

[1]) *Eduard Meyer*, Gesch. des Altert., I, 2, стр. 557, 559.
[2]) Там же, I, 2, стр. 566; *Тураев*, Ист. др. вост., I, стр. 104, 106.
[3]) *Тураев*, Ист. древ. вост., I, стр. 112.
[4]) Там же, I, стр. 106, 111.
[5]) Там же, I, стр. 119—120.

займах, доходившая до 20% в год [1])—цифра, обычная, как нам известно, и для других стран, переживавших начальные моменты дворянской революции. Всему этому соответствовали и землевладельческие отношения: существовали не только неотчуждаемые поместья—временные и условные владения,—но и вотчины, земли, подлежащие свободному гражданскому обороту и наследственные [2]). В царских вотчинах велось обширное хозяйство при помощи, главным образом, крепостного труда [3]).

В общественном строе древнейшей Месопотамии—времен Хаммураби наблюдаются, как и в хозяйстве, много черт, в значительной мере параллельных тому, что характеризовало социальные отношения в Московской Руси XVI и XVII веков. Господствовали сословность и крепостничество. Главное значение имели служилые люди, т.-е. дворяне (ридсабе), обязанные военной службой, за уклонение от которой им грозила смертная казнь [4]). О привилегиях горожан было упомянуто выше. Были вольноотпущенники и рабы, причем на деле рабство уже переродились в крепостничество, так как рабы имели собственность и подлежали казни не иначе, как по государственному суду [5]). Неоплатные должники поступали в кабалу лишь временно—на три года [6]).

В государственном строе утверждались царское самодержавие и бюрократия [7]); при царе были канцлер и совет с законосовещательными функциями [8]). Характерным признаком новой государственности явился знаменитый Кодекс Хаммураби, яркий признак правового, как и экономического, об'единения всей страны и отдельных национальностей, в нее входивших [9]).

---

[1]) Там же, I, стр. 112.
[2]) Там же, I, стр. 111; *Ed. Meyer*, Gesch. d. Alt., I, 2, стр. 567.
[3]) *Ed. Meyer*, Gesch. des Alt., I, 2, стр. 566.
[4]) Там же, I, 2, стр. 567.
[5]) *Тураев*, Ист. др. вост., I, стр. 106.
[6]) Там же, I, стр. 111.
[7]) Там же, I, стр. 106, 113.
[8]) *Ed. Meyer*, Gesch. d. Alt., I, 2, стр. 565—566.
[9]) Там же, I, 2, стр. 568, 569—571; *Тураев*, Ист. др. вост., I, стр. 105.

Эпоха Хаммураби была в истории сумеро-аккадо-вавилонской дворянской революции только первым моментом. Вслед затем наступил, повидимому, второй ее момент, длившийся 150 лет при пяти ближайших преемниках Хаммураби, время царствования которых было преисполнено смут [1]). Можно догадываться (и надеяться на подтверждение догадки этой дальнейшим исследованием), что в основе этих смут лежала борьба различных классов за власть, главным образом, соперничество старой феодальной аристократии и нового дворянства.

На этой стадии развития дворянской революции, когда процесс еще не успел окончательно завершиться, самостоятельное политическое существование сумеро-аккадо-вавилонской культуры было уничтожено хетитами [2]), находившимися на более низкой ступени развития, переживавшими только еще период феодальной революции.

Есть данные, указывающие, что и в области духовной культуры эпоха Хаммураби была ознаменована многими и очень важными новшествами, характерными именно для периода, когда власть стала переходить в руки дворянства. Тогда именно произошел переход к новой, углубленной религиозности: боги были признаны всемогущими: всеведущими и вечными [3]); династия Хаммураби сделала Мардука, местного бога города Вавилона, божество весеннего солнца, верховным богом всей страны; Мардук был слит с Энлилем и стал называться Бэл, т.-е. господь; его культ не только упростил пантеон, но и приблизил религию сумеро-аккадо-вавилонян к единобожию: все боги стали проявлениями единого Мардука [4]). Повидимому, царь стал и главой церкви, подчинил религиозную организацию дворянской государственности, почему и имел некоторые жреческие функции [5]). Гимны богам стали отличаться этическим содержанием, появилась исповедь, покаяние в грехах [6]).

---

1) *Тураев,* Ист. древ. вост., I, стр. 160.
2) Там же, I, стр. 160.
3) Там же, I, стр. 125.
4) Там же, I, стр. 127—129.
5) Там же, I, стр. 141.
6) Там же, I, стр. 146, 148—149.

В искусстве достигнута была высшая, чем прежде, ступень развития техники; особенно оживилось, приняло реалистический и индивидуалистический характер изображение лиц [1]),—характерный и важный признак совершавшихся психологических перемен. В архитектуре зиккураты — эти сумерийские храмы, часто семиэтажные башни на четырехэтажном основании—стали украшаться стенной мозаикой, орнаментом, разноцветной окраской [2]). При храмах были библиотеки, архивы, лаборатории [3]). В литературе были нравоучительные и хвалебные произведения [4]). Из наук развивались особенно астрономия, математика, география, также языкознание. Астрономия, начавшись астрологическими заданиями, обогатилась наблюдениями над кон'юнкциями планет, числовым определением расстояний между ними и скорости движения солнца и луны. В математике у сумеро-аккадо-вавилонян была принята 60-тичная система счисления: 60 сосс состояли из 600 нер и 3600 сар; с этим связана была и система мер и веса; изучены были квадраты, кубы и кубические корни. Составлена географическая карта мира. Появились словари, хрестоматии, грамматики [5]).

---

[1]) *Ed. Meyer*, Gesch. d. Alt., I, 2, стр. 571.
[2]) *Тураев*, Ист. древ. вост., I, стр. 141.
[3]) Там же, I, стр. 142.
[4]) Там же, I, стр. 152 и след.
[5]) Там же, I, стр. 152—154.

III.

Дворянская революция у древних евреев.

Дворянская революция у древних евреев имела своеобразную форму, хотя, конечно, сохраняла и главные общие, типические черты, свойственные этому периоду истории других стран и народов. Своеобразие дворянской революции в древнем Израиле вытекало, главным образом, из того, что еврейский народ переживал ее почти все время в условиях политической зависимости, потери политической самостоятельности. Исключение представляла собою только эпоха Маккавеев—несколько десятилетий второго столетия до Р. Х., когда евреи завоевали политическую независимость, и потому в то время имелись налицо проявления дворянской революции в чистом ее виде, победа настоящего военно-служилого и землевладельческого класса, подчинившего себе и церковь, начавшего строить подлинную, типичную дворянскую государственность. Но то был лишь один момент, большая же часть периода дворянской революции в древнем Израиле протекала в подчинении сначала ассирийскому владычеству, потом халдейскому, персидскому, македонскому, сирийскому и, наконец, римскому, пока, наконец, евреи не подняли восстание против римлян, и Иерусалим не был взят и разрушен Титом в 70 году после Р. Х. Тогда началась так - называемая диаспора, рассеяние еврейского народа. Дворянская революция была прервана и осталась незаконченной. Она длилась, таким образом, с VI в. до Р. Х. и была прервана в I в. после Р. Х.

Экономическая основа дворянского переворота — победа торгового капитализма, расчитанного на обширный рынок,— имелась налицо в истории древнего Израиля

за указанное время. На это мы имеем совершенно определенные указания, относящиеся как к началу и середине [1]), так и к концу периода [2]). Несомненно, что, помимо внутренних влияний, здесь сказалась и международная обстановка, нашли себе весьма яркое выражение те тенденции в хозяйстве западной Азии, которые властно сказались в попытках ее политического об‘единения, произведенных Ассирией, Халдеей, Персией, Македонией, Сирией и Римом. Параллельно росту торговли внешней и внутренней прогрессировали земледелие и обрабатывающая промышленность в ремесленной и кустарной формах, подчиненных торговому капиталу, и расширялось новое землевладение отчасти светское, но главным образом—вследствие политической зависимости Израиля—храмовое, жреческое, церковное, хотя уже и отчуждаемое, т.-е. по существу иное, чем старое, феодальное. Еще после погрома, совершенного в Иудее Навуходоносором, оказалось много свободных земель. По возвращении из вавилонского плена, эти земли были захвачены 42 тысячами свободных людей,—то было ядро нового землевладельческого, уже торгового капиталистического класса—дворянства. Позднее это дворянское землевладение выросло еще более. Жречество равнялось дворянству по своей землевладельческой мощи [3]).

Все это привело к крупным переменам в устройстве общества. Новое дворянство и жречество, пользуясь нуждой, какую испытывали массы населения в земле. закабалили себе бедноту, закрепостили крестьянские массы, ставшие у них крепостными сельскохозяйственными рабочими [4]). Крепостное и сословное общество стало, таким образом, слагаться и у древних евреев.

В политическом строе древние евреи времен дворянской революции переживали ряд потрясений. Вавилонское завоевание лишило их политической самостоятельности. Но когда около 540 года до Р. Х. персы вернули изгнанников в Палестину, возродились мечты о незави-

---

[1]) *Никольский,* Древний Израиль, стр. 201, 251.

[2]) *Schürer,* Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, 4-e Aufl., B. II, Leipz. 1907, стр. 475.

[3]) *Никольский,* Древний Израиль, стр. 217, 263.

[4]) Там же, стр. 223—224.

симости, и явились первые попытки осуществить новую самодержавно-дворянскую монархию. Зерубабель хотел быть именно таким самодержцем и стал хлопотать о восстановлении иерусалимских стен и о постройке нового, второго храма. Но Дарий Гистасп разрешил только восстановление храма, но не стен. Мечты Зерубабеля, таким образом, не осуществились, выгоды нового положения достались только одним жрецам [1]): повидимому, с персидского владычества совет жрецов—синедрион—получает судебную и административную власть [2]). Со времен македонского владычества значение жрецов в синедрионе окончательно крепнет, и во главе всей общины второго храма становится наследственный первосвященник [3]). Утверждению этого нового порядка много помогли еще при персидском владычестве вступившие в союз с жречеством ученый книжник Езра в 458 г. и виночерпий Неемия, назначенный в 444 г. правителем Палестины [4]).

Жрецы при сирийском владычестве были опорой иноземной власти и усердно собирали для сирийских царей подати, тяжелым гнетом ложившиеся на плечи населения. Этим было вызвано в 165 г. до Р. Х. восстание Маккавеев, которые, как и их преемники Асмонен, были представителями национальной дворянской еврейской монархии. Характерно, что Симон Маккавей в 142 г. соединил в своих руках и светскую и церковную власть—стал и самодержавным и самостоятельным, независимым царем, и первосвященником [5]). Самодержавие было характерной чертой власти не только первых Маккавеев, но и Асмонеев [6]).

Но жречество тяготилось господством дворянства и подчинением этому сословию. И римское владычество дало снова перевес именно жрецам. Помпей в 67 г. от Р. Х. снова поставил во главе еврейского народа первосвященника. Синедрион из жрецов и юристов полу-

---

[1]) Там же, стр. 218, 220.
[2]) *Schürer*, Gesch. d. jud. Volkes im Zeit. J. Chr, II, стр. 238.
[3]) Там же, II, стр. 239, 240.
[4]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 234.
[5]) Там же, стр. 264, 276.
[6]) *Schürer*. Gesch. d. jud. Volkes, II, стр. 241.

чил весьма большое влияние[1]). Однако, Рим не хотел дать полной власти еврейскому духовенству и противопоставлял ему правителей типа дворянских самодержцев вроде Гиркана II при Цезаре, позднее Ирода Великого, избивавшего членов синедриона, и проч.[2]). Потом этих „царей" сменили уже прямо римские прокураторы. Власть синедриона, особенно судебная, продолжала сохранять известное значение, но авторитет первосвященника сильно поколебался: при Ироде и позднее первосвященники часто сменялись путем простого назначения сверху, от римской власти, руководившейся в этом отношении чистым усмотрением[3]). В таком состоянии застигло политический строй евреев разрушение Иерусалима Титом и диаспора, рассеяние евреев по разным странам.

В соответствии с новой критической эпохой в истории древне-еврейской материальной культуры обнаружились новые и опять-таки характерные для периода дворянской революции явления культуры духовной.

Прежде всего завоевывавшие власть классы создали новую религиозную идеологию. В эпоху вавилонского плена жрецы, в особенности в лице Иезикииля, проникаются идеей теократии. Теократическая идея и если не политическое, то национально-религиозное единство, под знаменем которого, как мы только-что видели, выступало жречество, требовали единобожия. Идею единобожия и ее выражение в почитании Ягве Иезикииль и его единомышленники заимствовали у пророческого, сектантского движения и приспособили это заимствование к новым своим интересам. Предпринято было составление канонических книг, переработаны старые литературные традиции, применительные к новым целям. Так, появились Книга Судей, Книга Самуила и Книга Царей, все проникнутые единой идеей о том, что все бедствия народа еврейского происходили от измены Ягве[4]). Затем составлены были книги Хроник (Паралиноменон), Езры и Неемии, в которых красной нитью проведена мысль

---

[1]) Там же, II, стр. 242; *Никольский*, Древний Израиль, стр. 280.
[2]) *Schürer*, Gesch. d. jud. Volkes, стр. 243, 244.
[3]) Там же, II, стр. 245, 259, 268, 274.
[4]) *Никольский*, Древн. Израиль, стр. 204, 205,

о подчинении жрецам и царей[1]). Идеологами жречества были фарисеи, „избранные“, ученые богословы, исполнители формального закона[2]), стоявшие за власть не царя, а первосвященника[3]).

Но наперерез этой жреческой идеологии, которая, при всей своей религиозной форме, не была чужда индивидуалистических элементов, шло дворянское идейное течение, в котором новые индивидуалистические достижения были выражены несравненно яснее и резче. Так, против жрецов и их власти восстает составленная в то время Книга Иова. Здесь ясно проглядывает атеистическая тенденция: нет жезла божия над беззаконниками, не существует освященного божеством нравственного порядка, нет бессмертия души и загробной жизни,—всех с'едят черви[4]). Дворянски-националистическими мотивами отличаются затем такие произведения, как романы о Юдифи и Товите, Книга о Маккавеях[5]). Правила житейской мудрости изложены в Книге премудрости Иисуса сына Сирахова[6]). Саддукеи—эти богатые эпикурейцы, проповедники неверия и наслаждения[7])—типичные представители нового индивидуализма.

Как и всегда в эпоху дворянской революции, и у евреев росло и дифференцировалось демократическое—крестьянское и ремесленное—движение. Первым его идейным выражением в то время была книга пророка Даниила, естественное продолжение старых пророческих книг. Здесь грозное прорицание суда божьего над беззаконниками, гибели жрецов, падения царств, олицетворявших насилие меньшинства над народными массами[8]); мессианическая идея получает у Даниила демократическую окраску: хотя и у него полному торжеству правды и справедливости на земле предшествует теократический царь из дома Давидова, человек, особо ода-

---

[1]) Там же, стр. 242.
[2]) *Schürer*, Gech. d. jud. Volkes, II, стр. 457, 471.
[3]) *Никольский*, Древн. Израиль, стр. 280.
[4]) Там же, стр. 251—253.
[5]) Там же, стр. 262.
[6]) Там же, стр. 262.
[7]) Там же, стр. 294; *Schürer*, II, стр. 475.
[8]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 270.

ренный Богом; но после того наступает действительное царство святых, в котором Мессией является не отдельная личность, а весь народ святых [1]).

Далее идут различные ответвления широкого, могучего и разнообразного народного движения. Одно из этих ответвлений — это зелоты, ревнители, агитаторы и осуществители, деятели „прямого действия", восстания народных масс против общественной и государственной неправды [2]).

Другое ответвление представлено двумя еврейскими сектами—ессеями и первоначальным христианством, как оно вышло из уст и сердца его основателя [3]). Обе секты родственны между собою. Они—проявления мирного, пассивного протеста против насилия и экономического неравенства. И ессеи и христиане были противниками жречества и войны, хотели понимать закон не формально, а внутренно, морально. Нет возможности побороть зло силой, остается не противиться ему насилием, отказаться от общественной борьбы и политики, ограничить свои потребности, обратить все свои усилия на нравственное самосовершенствование. Надо помогать друг другу, жить своим трудом. Общие трапезы имеют и символическое значение всеобщего братства, взаимопомощи и интимного духовного общения. Хозяйство—индивидуально [4]). Поэтому ни ессеи, ни первые христиане не являлись социалистами, но были мирными анархистами.

---

[1]) *Schürer*, Gech. d. jud. Volkes, стр. 590, 616.

[2]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 289.

[3]) Новейшее отрицание жизни и личности Иисуса—плод совершенно излишней гиперкритики.

[4]) *Никольский*, стр. 282; *Schürer*, II, стр. 656—674; *Ренан*, Жизнь Иисуса; *Ревиль*, Жизнь Иисуса.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Дворянская революция в античном мире.

I.

Дворянская революция в древней Греции.

Время, когда произошла дворянская революция в древной Греции,—главным образом в Афинах и на островах Эгейского моря, но также в значительной степени и в других частях Эллады, даже в таких отсталых, как Спарта,—это V и IV века до Р. X.

Мы видели в свое время, что уже Писистрат положил основу экономической мощи Афин на морях. Великая война с персами, имевшая далеко не один лишь оборонительный характер, отразившая на себе соперничество персов и греков в Малой Азии, Фракии, на островах Эгейского моря, наконец, на берегах Понта Эвксинского—Черного моря, дали сильнейший толчек победе и первоначальному развитию торгового капитализма в эллинском мире, причем первую роль здесь сыграли, как и в войне, именно афиняне.

Огромный рост афинской торговли и денежного богатства, а также городского населения засвидетельствован вполне достаточными и совершенно несомненными данными.

Население Аттики и Афин по тому времени и по территории, которую оно занимало, было в V и IV веках весьма значительно, достигло большой плотности. По самому умеренному расчету около времени начала Пелопоннесской войны его всего насчитывалось до 360 тысяч человек обоих полов и всех возрастов: до 170 тыс.

чел. считалось в том числе полноправных граждан с их семьями, 40 тыс. метеков и 150 тыс. рабов [1]). По другим вычислениям население было еще многочисленнее: одних только взрослых мужчин считалось—полноправных граждан 35 тысяч человек, 10 тысяч метеков и 100 тысяч рабов [2]): всего, следовательно, 145 тыс. человек; прибавляя сюда женщин и детей, надо увеличить эту цифру вчетверо, что составит около 600 тыс. человек. Население это перераспределялось между городом и деревней не к выгоде последней: деревня падала, город рос, привлекая к себе огромные массы бывших сельских жителей. Росло число купцов, банкиров, рабочих, матросов, ремесленников [3]). Уже при Кимоне торговля Афин охватывала эллинский мир, всю Малую Азию, Кипр, Кирену [4]), простиралась на всю восточную половину средиземно-морского бассейна. В IV веке образуются крупные компании для морской торговли [5]). Афинский союз и образовавшаяся из него Афинская держава владели всем рынком в восточной половине Средиземного моря, держа в своих руках два ключа к нему, два выхода—на юго-восток, между Критом и Малой Азией,—к Черному морю, откуда шел хлеб и куда направлялись греческие товары [6]). Денежные капиталы росли в Афинах с колоссальной быстротой. Денег стало так много, что процент при займе в V веке понизился до 12-ти годовых [7]). Афинская казна при Перикле имела годовой доход в 1.000 талантов, причем львиная доля этого дохода получалась путем косвенного обложения: 400 талантов давала сама Аттика, другие 400 получались от союзников, а 200 собирались в виде торговых пошлин в проливах у Черного моря [8]). Типичной фигурой нового капиталиста-банкира („трапезита") в Афинах являлся знаменитый Пасион, вла-

---

[1]) *Ed. Meger*, Gesch, des Altertums, IV, стр. 56.

[2]) *Beloch*, Die Bevöltkerung d. griech.-rom. Welt. стр. 99.

[3]) *Ed. Meger*, Gesch. d. Altert., III, стр. 547,

[4]) Там же, III, стр. 537.

[5]) *Бузескул*, История афинской демократии. стр. 419.

[6]) *Виппер*, Лекции по истории Греции, стр. 149.

[7]) *Meyer*, Gesch. d. Altert., III, стр. 549.

[8]) *Виппер*, Лекции по ист. Греции, стр. 185.

делец фабрики щитов и банкирской конторы с капиталом в 50 талантов [1]).

Уже приведенные сейчас данные о переходе Афин к торговому капитализму указывали отчасти на перераспределение значения земледелия и индустрии: первое никло перед второй, уступало ей первое место. Ряд других наблюдений подтверждает эту тенденцию. Несмотря на то, что хлебные цены с VI по III век выросли впятеро [2]), в V и IV веках Афины так же нуждались в привозном хлебе, как в наше время Англия [3]). В V веке Аттика ввозила вдвое больше хлеба, чем производила сама: хлеб шел сюда из Сицилии, Фракии, Крыма, с островов Эгейского моря, особенно с Эвбеи [4]). И при всем том аттическое земледелие не могло выдержать конкуренцию иностранного привозного хлеба, почему хлебные поля, пашни превращались или в оливковые рощи или в огороды для возделывания овощей [5]). Падение земледелия началось еще со времени Фемистокла [6]).

Параллельно этому развивалась городская индустрия в Афинах. Многие до сих пор настаивают, что эта индустрия была по преимуществу мелкой, работавшей на местный рынок и обслуживавшейся мелкими ремесленниками с их подмастерьями и учениками [7]). Но те же самые исследователи признают, что цеховой организации, сплоченной и стройной, не было [8]), значит не существовало и местного узкого, замкнутого рынка, и ремесло не могло быть, следовательно, определяющей, главной индустриальной формой. Кроме того, целый внушительный ряд фактов, весьма знаменательных притом по своему значению, указывает на экономическое преобладание в Афинах V и особенно IV века другой формы промышленности—более или менее обширной капиталистической мануфактуры, основанной на беспощадной, хищнической

---

[1]) *Бузескул,* Ист. афинс, демокр., стр. 420.
[2]) *Guirand,* La propriete fonciére en Gréce, P. 1893, стр. 559—560.
[3]) *Мейер,* Экономич. развитие древ. мира, стр. 58.
[4]) *Meyer,* Gesch. d. Alt., III, стр. 546.
[5]) Там же, III, стр. 545.
[6]) *Виппер,* Лекции по ист. Греции, стр. 144.
[7]) *Francotte,* L'industrie dans la Gréce ancienne, I, стр. 288 и след.
[8]) Там же, II, стр. 210.

эксплоатации несвободного рабского труда. За это говорит и огромное количество рабов, о чем уже шла у нас речь выше при исчислении населения Аттики, и прямые указания на рабские мануфактуры — ἐργαστήρια в Афинах [1]), и афинские фабрики керамических изделий, особенно ваз, кож и изделий из кожи, мебели, металлических изделий [2]).

Конкретными примерами являются в Афинах фабрика Лисия, две фабрики отца Демосфена [3]), фабрики щитов Пасиона [4]), кожевенные мануфатуры известного Клеона.

В общем таким образом правы исследователи, говоря об афинском торговом капитализме, о его торжестве в V и IV веках [5]).

Но Афины и Афинский союз в этом отношении не представляли собою тогда единичного явления. То было лишь явление наиболее яркое, самое красочное, выдававшееся из ряда других. Но были и эти другие. Можно сказать, что почти не было города и области в Греции, которые в той или иной мере не втягивались бы в торгово-капиталистические отношения. Коринф и Кипр, напр., вели не местную только, а обширную торговлю коврами, о. Кос шелком, Мегара—грубой одеждой для рабов, Милет шерстяными материями, Тарент полотном; из металлических изделий на дальние рынки сбывались лаконские ключи и халкидские серебряные вазы, родосские кубки, золотые и серебряные изделия Лесбоса, кувшины для вина, выделывавшиеся на о. Фасосе, родосские амфоры, коринфские урны; мебель поставляли Делос, Хиос, Милет, Фивы, о. Эвбея [6]). Из Сицилии вывозились хлеб, вино, масло, экипажи, там было сильно распространено крупное земледелие и крупное землевладение и крупное земледельческое производство [7]). Даже Спарта

---

[1]) Ср. *Max Weber* в Conrad's Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Erste Lieferung, 3-е Aufl., стр. 59.

[2]) *Francotte*, L'industrie dans la Grece anc., I, стр. 75—90.

[3]) Там же, I, стр. 307.

[4]) Там же, I, стр. 307; *Бузескул*, Истор. аф. дем., стр. 420.

[5]) *Meyer*, Gesch. d. Alt., III, 552; *Max Weber* в Handworterbuch, т. I, 58.

[6]) *Francotte*, L'industrie dans la Grece ancienne, I, стр. 151—157.

[7]) *Meyer*, Gesch. d. Alt., III, стр. 650.

не убереглась ог веяния времени: ее полумуниципальная военная община стала колебаться и разлагаться под влиянием окружавшей и проникавшей в нее торгово-капиталистической атмосферы. И там, несмотря на все запреты и юридические препоны, произошла в V веке и позднее концентрация земельной собственности, классовое расчленение спартиатов—обогащение одних, обеднение других — стало фактом, выросла потребность в деньгах, увеличились денежные капиталы и богатства, развилась промышленность и вывозная торговля [1]). Спартанские железные и стальные изделия, глиняная посуда, обувь, шерстяные ткани, кожи находили себе сбыт далеко за пределами Лаконии, Мессении и всего Пелопоннеса [2]). Но, конечно, настоящий, полный и резкий переход к торговому капитализму совершался только в Афинах и Афинской державе. Остальные части Греции приобщились к нему значительно позднее, уже при македонском владычестве, в конце IV и в III веке до Р. X. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем иметь в виду только Афины.

Описанные выше крупные и глубокие хозяйственные перемены сопровождались серьезными изменениями в устройстве общества, в социальных отношениях. Этих изменений было три. Одно из них нам уже известно, это огромное увеличение числа рабов, необходимых в особенности для эргастерий, мануфактур, основанных на рабском труде. Другое социальное изменение, тоже отчасти уже отмеченное уже выше, заключалось в быстром росте числа и значения новой торгово-капиталистической буржуазии—купцов, банкиров, фабрикантов, задававшихся небывало широкими целями, отличавшихся широким размахом энергии и предприимчивости. На-ряду с ними выдвигаются новые люди в политике, выскочки, талантливые карьеристы, вроде Фемистокла, Эфиальта, Алкивиада. Наконец, третья важная перемена в устройстве общества в Афинах V и IV веков заключалась в пролетаризации значительной части крестьянства, ока-

---

[1]) *Хвостов*, Хозяйственный переворот в древней Спарте, Казань, 1901, стр. 15—18.

[2]) Там же, стр. 19.

завшегося не в силах, при прежней земледельческой рутине зернового хозяйства, конкурировать с привозным иностранным хлебом, разорившейся и потому превратившейся в безземельный городской пролетариат, часто голодный и безработный, тем более, что на фабриках труд был рабский.

Пролетариат, честолюбивые и талантливые новички, выскочки, карьеристы, политики по профессии и новая буржуазия—все это были городские классы общества, рвавшиеся вперед, беспокойно стремившиеся к новшествам. Создание новых хозяйственных условий и отношений, они естественно стремились их закрепить, расширить и упрочить их базу. Они составляли прогрессивно-демократическую партию, ярко окрасившую всю внутреннюю и внешнюю политику Афин в новые цвета. В противовес им действовали консерваторы, сторонники рутины, старины, дисциплины и олигархии по образцу отсталой Спарты; сюда принадлежали главным образом сельские классы — круппые и средние землевладельцы, мелкие землевладельцы-крестьяне и обломки старой муниципально-феодальной аристократии, быстро, однако, перерождавшейся в новую торгово-капиталистическую буржуазию и усваивавшей ее политические тенденции.

Борьбою этих социальных сил и определяется сложная и интересная политическая история дворянской революции в древних Афинах.

Первый начальный момент этой истории эпохи Фемистокла, Аристида и Кимона. В то время муниципально-феодальный строй в том уже полуразрушенном состоянии, в каком он вышел из предыдущего периода, продолжал еще сохранять свое существование, но слагались и зрели уже силы и тенденции, которые должны были довершить его разрушение.

Фемистокл был впервые архонтом еще в 493 г., за три года до Марафонского сражения, т.-е. до первого натиска персов на Грецию, в частности на Афины, при Дарии Гистаспе. Уже в то время он вступил на путь новой морской политики в интересах городских классов, для победы торгового капитализма. Поэтому тогда стал строиться Пирей—новая гавань Афин, и выдвинута была

Фемистоклом идея великой морской борьбы с персами [1]) с целью возвышения Афин во всем греческом мире [2]). Но хотя семена новой политики были заложены уж в то время Фемистоклом,—победа не сразу ему далась; поражение, нанесенное персам Мильтиадом, вождем консерваторов, представителем богатой муниципально-феодальной аристократии, игравшим роль настоящего феодального князя, он жил в своих фракийских владениях, было победой сухопутной; персы высадились у Марафона в 490 г. с кораблей, но были разбиты афинскими гоплитами, тяжеловооруженной пехотой старого типа, снаряжавшейся на войну на собственный счет. Военный успех Мильтиада надолго задержал осуществление новых смелых планов Фемистокла: последнему пришлось 10 лет вести упорную борьбу за создание афинского флота [3]).

Однако, не имея флота, нельзя было спасти острова Эгейского моря от персидского владычества, и осуществление морских планов Фемистокла стало об'ективно-необходимым. Это повело и к его победе над консервативной партией и к ряду политических и военно-морских реформ. В 487 г. Фемистоклом и Аристидом проведен был выбор архонтов по жребию из числа всех полноправных граждан без различия классов и сословий. В качестве необходимой предпосылки избрания требовалась только δοκιμασία—проверка частной жизни и нравственности гражданина. Теперь народ не по имени только, а на самом деле стал править государством [4]). Но реформа выборов архонтата повела к тому, что первенствующее значение в политической жизни Афин получил магистрат, прежде имевший чисто-техническое военное значение,—стратеги. Теперь главная власть сосредоточилась в руках стратегов, стратегия получила политическое значение. Установлено было, что 9 стратегов выбираются отдельными филами, а десятый, главный, всем народом: он стал военным и дипломатическим главой государства, и остальные стратеги оказались только его помощни-

---

[1]) *Виппер,* Лекции по ист. Греции, стр. 136.
[2]) *Ed. Meyer,* Gesch. d. Altert., III, стр. 525.
[3]) Там же, III, стр. 360.
[4]) Там же, III, стр. 345.

ками [1]). Крупное политическое значение этой реформы не подлежит сомнению: старый феодально-муниципальный архонтат был отодвинут на второй план; выдвинулась новая, не феодальная, а государственная власть, и наметились признаки ее перехода во власть единоличную, происходящую, однако, от народа,—в то, что впоследствии получило название демократического цезаризма. Абсолютистские тенденции здесь были совершенно несомненны.

Военно-морские реформы Фемистокла до похода Ксеркса выразились в постройке флота. Открытие серебряных рудников в Лаврионе в Аттике помогло Фемистоклу в этом деле. Старых „литургий“, повинностей богатых граждан по постройке кораблей, было при новых условиях и новых заданиях недостаточно. Надо было нести государственные средства и для сооружения флота и для его содержания, в частности на жалованье личному составу. Фемистокл и убедил афинян ассигновать на эти цели все доходы, которые поступали в казну от сдачи в аренду лаврионских серебряных рудников. Успех был блестящий: ко времени нашествия Ксеркса оказались сооруженными 180 триер с 27 тысячами матросов; этот экипаж — νχνῖς ὂχλος — состоял главным образом из беднейших классов—фетов, метеков и рабов [2]). То была живая, реальная сила в руках демократической партии и ее вождя—Фемистокла.

Поражение персов при Саламине—решающий момент греко-персидских войн—оправдало об‘ективную необходимость военно-морской реформы Фемистокла и открыло возможность для него продолжать осуществление своих планов, а для Аристида—образовать Афинский союз, скоро превратившийся в Афинскую державу; даже вождь консерваторов, Кимон, вынужден был в значительной мере плыть по течению, приспособляться к решению новых задач и даже прямо содействовать общему делу.

Известно, в чем это все выразилось. Фемистокл добился сооружения афинских стен, предвидя неизбежность

---

[1]) Там же, III, стр. 347.

[2]) Там же, III, стр. 357—358; *Виппер,* Лекции по ист. Греции, стр. 143.

грядущей борьбы со Спартой. После побед при Саламине и Платеях он считал борьбу с Персией законченной и стал готовиться к борьбе со Спартой [1]). Его персофильские и абсолютистские тенденции сблизили его с Павсанием, мечтавшем о монархической власти над всем эллинским миром—тоже характерное явление того времени,—но вместе с Павсанием его и погубили: Кимону удалось добиться изгнания его посредством остракизма [2]). Фемистокл стал политически конченным человеком; скоро затем он погиб и физически.

Но ближайшим результатом его блестящей деятельности было образование Афинского союза, организация которого была делом Аристида, а расширению состава которого содействовал между прочим и Кимон, особенно своей победой над персами при Эвримедоне.

В 476 г. Самос, Хиос, Лесбос и некоторые ионийские города Малой Азии потребовали гегемонии Афин вместо спартанской. Стратеги Кимон и Аристид донесли об этом в Афины, где предложение было принято, и спартанцы, бесплодно попытавшись противиться, вынуждены были примириться с фактом образования ядра Афинского союза. Первоначальная организация союза покоилась на принципе представительства всех союзников: должен был созываться с‘езд (σύνοδος) представителей всех союзных городов—их было сначали до 100,—на о. Делосе находилась казна, составлявшаяся общей складчиной, и для заведывания союзной казной назначались особые афинские чиновники—казначеи эллинского дела (ἑλληνοταμίαι) [3]).

Надо, однако, сразу же заметить, что Афинам с самого начала принадлежали в союзе важные преимущества: в их руках было военно-морское начальствование и—через посредство казначеев—финансовое дело. Таким образом военная и финансовая организация, материальная основа власти, зависела всецело от Афин. Победы Кимона расширили территорию союза: сначала союз ох-

---

[1]) *Meyer*, Gesch. d. Alt., III, стр. 511.

[2]) Там же, III, стр. 512.

[3]) Там же, III, стр. 490 и след.; *Виппер*, Лекции по истории Греции, стр. 148.

ватывал только ионийские города Малой Азии, острова Эгейского моря и города по Геллеспонту; в 475 г. Кимон завоевал у персов Ейон у устья р. Стримона, и тогда к Афинскому союзу примкнул ряд фракийских городов; в 470 г. Павсаний захватил Византию, чтобы обосновать свои монархические притязания; по взятии Византии в том же году и Босфор вошел в территорию Афинского союза; наконец, в 469 г. после победы Кимона над персами при Эвримедоне к союзу присоединились малоазиатские Карийские города [1]).

В таком положении находились Афины и Афинский союз, когда Алкеониды в союзе с Кимоном ниспровергли Фемистокла, и Кимон господствовал в Афинах. Но хотя Кимон и вынужден был плыть по течению в деле расширения Афинского союза,—он был на самом деле верным приверженцем старины, выражал личные тенденции землевладельческих классов, включая и крестьянство, и стремился сохранить муниципально-феодальные традиции. Его союзники в борьбе с Фемистоклом—Алкеониды и их глава Перикл—представляли собою ту часть феодально-муниципальной аристократии, которая уже перерождалась и даже переродилась в торгово-капиталистическую буржуазию и лишь временно, для победы над Фемистоклом вступила в коалицию с Кимоном. На самом деле Перикл, воспитанник Дамонида, настоящего теоретика, систематизатора, идеолога новой государственности и широкой политики образования Афинской державы и борьбы со Спартой, тяготел к демократической партии и потому скоро сблизился с ее вождем Эфиальтом, страстным фанатиком демократической идеи. В 465—463 годах, воспользовавшись отсутствием Кимона, занятого фракийско-фазосским походом, Эфиальт начал атаку важнейшей цитадели старой муниципально-феодальной традидии—ареопага. Кампания против ареопага открыта была процессами о злоупотреблениях должностных лиц. Но в 462 г. Эфиальт перешел к более решительным действиям: он провел закон, которым политическое значение ареопага было совершенно уничтожено: у ареопага

---

[1]) *Meyer*, Gesch. d. Alt., III, стр. 530—531; *Виппер*, Лекции по истории Греции, стр. 149.

отнят был надзор за управлением, суд по важнейшим уголовным делам, особенно по служебным и политическим преступлениям; в сущности у ареопага остались только религиозные функции и суд по делам об убийстве, по которым процесс был связан с религией, имел религиозные элементы [1]).

Повидимому, в связи с этим в том же году Эфиальт и Перикл, добившись полного утверждения демократии в тех формах, какие были свойственны античному миру, провели и другой закон—о юридической защите установленной конституции,—о так-называемом γραφὴ παρανόμων. Сущность этого закона заключалась в том, что если кто-либо из граждан делал в народном собрании заявление об отмене старого закона и об издании вместо него нового, то он обвинялся в противозаконности такого предложения, и дело решалось не в народном собрании, а в особой коллегии присяжных законодателей, под председательством шести младших архонтов-фесмофетов, причем велся настоящий процесс между старым и новым законодательным предложением, и центр тяжести судебного разбирательства заключался в том, чтобы установить, не стоит ли новое предложение в противоречии с духом и смыслом всей существующей конституции. В случае обвинения инициатору нового предложения грозили большой штраф и даже смертная казнь; кто три раза был обвинен по γραφὴ παρανόμων, тот навсегда лишался права делать предложения в народном собрании. Совет 500 в этом процессе, как и вообще после реформы ареопага, играл важную роль: он предлагал присяжным законодателям свое предварительное мнение, проект решения (προβούλευμα). Кроме того, совет ведал суд по государственным и должностным преступлениям и докимасию, т.-е. поверку прав и нравственности граждан перед выборами в разные должности [2]). Все эти реформы завершились изгнанием Кимона в 461 г. посредством остракизма. Этим был кончен первый момент дворянской революции в Афинах, когда задача была лишь поставлена, но еще не решена.

---

[1]) *Meyer*, III, стр. 567 и след.; *Виппер*, Лекции, стр. 164 и след.

[2]) *Meyer*, Gesch. d. Alt., III, стр. 573—577; *Виппер*, Лекции по ист. Гр., стр. 166—167.

Второй момент—единоличное, последовавшее после политического убийства Эфиальта правление Перикла. Заняв почти монархическое, фактически диктаторское положение, Перикл образовал огромную Афинскую державу и сделал грандиозную попытку примирить муниципально-феодальные формы Афинской республики с торгово-капиталистическим содержанием.

К половине V века Афинский союз превращается в Афинскую державу: вся верховная власть переходит к высшим учреждениям города Афин. Процесс такого превращения совершался постепенно, но неуклонно. Уже с 50-х годов прекращаются собрания союзных представителей. Затем союзная касса переносится с Делоса в Афины. Многие союзники, тяготясь военной и морской повинностью, предпочитают вносить вместо ее отбывания особые денежные сборы, и таким образом Афины оказываются единственной вооруженной силой в союзе по отношению к безоружной и потому бессильной массе остальных союзников. Некоторые из союзников из-за колониального и промышленного соперничества с Афинами поднимают восстание и, подавленные силой, прямо переходят в состояние подданства. Но мало-по-малу в силу описанных сейчас условий и обстоятельств и все союзники оказываются подданными державного города и его народа[1]).

Денежные взносы союзников устанавливались не по одной заявке плательщиков и их раскладке, но после проверки заявок и раскладок особыми афинскими чиновниками, так-называемыми тактами (τάκται); такты докладывали результаты своей работы афинскому совету 500, куда союзники могли приносить свои жалобы на их действия; совет делал финансовый доклад народному собранию, в которое союзники могли также жаловаться и на тактов и на совет, но уже не иначе, как через посредство патронов из числа афинских граждан. Через таких же патронов можно, наконец, было вести процесс о неправильном обложении перед гелией, судом присяжных. Повидимому, было предоставлено немало гарантий и проверочных инстанций, но на самом деле вся эта

---

[1]) *Ed. Meyer*, Gesch. d. Alt., III, стр. 530 и след.

финансовая организация в ее действии может служить наглядным примером того, как технически необходимая функция приобретала политическое значение и превращала союзников в подданных[1]).

Дело было, однако, не в одной финансовой стороне. Союз и его правящие органы заинтересованы были, естественно, в том, чтобы во всех союзных общинах сохранялись порядок и спокойствие. Поэтому в случае их нарушения, каких-либо волнений афиняне восстановляли порядок силой и иногда посылали в союзные города своих ἐπίσκοποι. Так, по одной надписи, афиняне установили через таких „епископов" порядок в Эрифрах. Афиняне, наконец, заинтересованы были как руководители союза в составе гражданских общин союзных городов, и потому афинские учреждения имели судебную власть— высшую, по апелляции, жалобе, по многим гражданским искам и по всем важнейшим уголовным делам, влекшим за собой в случае обвинительного приговора смертную казнь, изгнание, лишение гражданских прав[2]). Конечно, также и взаимные раздоры и ссоры союзников подлежали разбору афинян[3]).

Вся внутренняя деятельность Перикла направлена была на то, чтобы укрепить формальную демократию и действительное свое единовластие. Формально непрерывность его власти поддерживалась тем, что он ежегодно выбирался главным стратегом. Но он действовал не один, а вместе с рядом сотрудников, которые занимали другие должности. Сюда принадлежали такие лица, как Софокл, Андокид, Каллий, Главкон, Менипп[4]). Это правительство—зародыш новой бюрократии, действовавшей в обширной Афинской державе посредством мелкого чиновничества—всех этих тактов, епископов и проч.,— проводило твердо политику содержания народа насчет государственной казны, ее доходов и фондов. Установлена была оплата всех гражданских обязанностей—плата за посещение народного собрания (ἐκκλησιαστικόν), со-

---

[1]) Там же, IV, стр. 16; *Виппер,* Лекции по ист. Гр., стр. 148.
[2]) *Meyer,* IV, стр. 16; *Виппер,* стр. 148, 151.
[3]) Там же.
[4]) *Meyer,* Gesch. d. Alt., IV, стр. 46.

вета (βουλευτικόν), суда присяжных (ἡλιαστικόν), за исполнение военной службы (στρατιωτικόν), наконец, выдавались особые деньги на билет в театр (θεωρικόν) [1]). Все это превращало афинский пролетариат в пролетариат потребительский, живший почти всецело на счет казны.

Но все же нужен был и заработок и не случайный, поденный, а более или менее верный, постоянный. И здесь огромную роль сыграли знаменитые постройки Перикла, на которые он тратил несколько сот талантов в год,—миллионы рублей золотом. Деньги эти брались из храмовой казны и из сборов с союзников и служили важным подспорьем для существования державного народа [2]).

Но Периклу лишь временно удалось удержать в старых рамках уже расшатанного и разрушенного по существу муниципального феодолизма новое торгово-капиталистическое содержание. Даже и с помощью зарождавшейся бюрократии и фактического единовластия и самодержавия торгово-промышленная буржуазия одна, без дворянства, не могла надолго удержать власть. И Пелопоннесская война явилась только внешним проявлением несоответствия муниципального феодолизма даже в его упадочном, извращенном виде задачам торгово-капиталистического развития.

Третий момент дворянской революции в древней Греции—македонское завоевание при Филиппе и Александре Великом и был временем, когда новое дворянство выдвинулось на первый план и завоевало власть. Это время ознаменовано в Афинах политической деятельностью Демосфена, борца за старый муниципально-феодальный строй [3]), пытавшегося укрепить его только одним новым средством—организацией всеэллинского союза городских общин. Этот союз, однако, не должен был походить на подданство, а должен был быть построен на основе равноправия [4]): то была федерация му-

---

1) *Виппер*, Лекции по ист. Греции, стр. 169; *Белох*, История Греции, II.
2) *Meyer*, Gesch. d. Alt., IV, стр. 32—39.
3) *Schäfer*, Demosthenes und seine Zeit, I. Leipz, 1856, стр. 474.
4) Там же, III, Leipz. 1858, стр. 362.

ниципально-феодальных республик. Эта последняя попытка оживить труп муниципального феодализма не удалась и не могла кончиться удачей: служило-землевладельческое дворянство Македонии положило ей конец при Херонее и позднее, по смерти Филиппа, после восстания, усмиренного Александром, а затем Александр предпринял с большим успехом грандиозную попытку политического об'единения всей восточной половины средиземноморского бассейна в большое политическое целое [1]). Его завоевание послужило основой для образования настоящих дворянских самодержавных монархий на Балканском полуострове, в западной Азии и в Египте и тем завершило дворянскую революцию в древней Греции в политическом отношении.

Остается теперь осветить те процессы, которые происходили в области духовной культуры в отдельные моменты дворянской революции в древней Элладе в соответствии с развитием материальной культуры.

Исследователи истории Греции V и IV веков до Р. Х. уже отметили черту, роднящую эллинскую культуру этого времени с культурой эпохи. Возрождения в Западной Европе XV и XVI веков после Р. Х.: это—индивидуализм [2]). Нам теперь ясно, как такая повторяемость духовно-культурных явлений связана с условиями и ходом развития культуры материальной. Надо притом же отметить, что в индивидуализме новой интеллигенции, служившей идеологом и буржуазии и народившегося дворянства сказывались, как в свое время в Европе, два течения—одно более близкое к старой традиции, не чуждое религиозных и мистических примесей, другое—более смелое, новаторское, чисто-индивидуалистическое отдающееся всецело реальной жизни и ее наслаждениям. В разных степенях и оттенках оба эти течения нашли себе выражение и в философии, и в науке, и в литературе, и в искусстве.

Мы видели уже у Ксенофана, основателя эгейской школы элементы сомнения и критики [3]). То же еще

---

[1]) *Beloch*, Geschichte Griechenlands, III; *Kaerst*, Geschichte des Hellenistischen, Zeitalters, I B., Leipz, 1901, стр. 138—139, 214, 232 и след.

[2]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, III, стр. 443; IV, стр. 104.

[3]) См. „Русскую историю в ср.-ист. освещ.“, т. III, стр. 362.

в большей степени видно у Парменида и Гераклита. Они разрушали примитивный догматизм, проводили ясную границу между знанием и верой, познанием и мнением [1]) и в этом смысле были предшественниками блестящей эпохи греческой дворянской революции.

Но первый видный философ V века—Анаксагор—был еще очень далек от критики и скепсиса и заплатил в этом отношении большую дань традиционному догматизму. При всем том, однако, в его философии и науке сквозь толщу старых традиций прорывались новые элементы и даже блестящие обобщения. Признавая, что все существующие предметы и явления произошли из множества первоначальных сущностей, из своих семян, он производил мир от движения и вращения этих первоначальных сущностей и тем положил основание об'яснению всех химических и физиологических процессов и явлений из явлений механических [2]). В то же время Анаксагор обосновал идею о сознательной, правящей силе, создающей порядок и красоту в мировой жизни: эта сила, дающая толчек всему вращению или движению массы первостихий,—разум, νοῦς [3]). Здесь высшая сущность, таким образом, уже не божество, мистика сменяется метафизикой. Но этот разум, направляющий мировую жизнь, очевидно, имеет свои цели, так что всему мирозданию придается целесообразность: если не мистическая, то метафизическая телеология свойственна, таким образом, философии Анаксагора [4]). При всем том в отдельных своих выводах и обобщениях Анаксагор шагнул далеко вперед в направлении научности. Так, он доказал, что солнце—не бог Гелиос, а огненный клубок, утверждал, что солнце, луна и звезды оторвались от земли при вращении вследствие влияния центробежной силы; главное отличие человека от других существ, по Анаксагору, состоит в том, что он имеет руку; в метеорологии Анаксагор правильно об'яснил происхождение ветра от разницы в температуре и плотности воздуха [5]).

---

1) *Гомперц*, Греческие мыслители, т. I, стр. 180.
2) Там же, I, стр. 185.
3) Там же, I, стр. 188.
4) Там же, I, стр. 189.
5) Там же, I, стр. 191, 192, 194.

Несравненно более новым человеком был Эмпедокл. У него была попытка построения цельного мировоззрения, в основах своих материалистического, он сделал ряд важных общих научных выводов; наконец, он сумел построить мост между теорией и практикой, применить свои научные знания естествоиспытателя и врача к жизни.

Духовные явления Эмпедокл сводил к материальной основе: он утверждал, напр., что „мысль—кровь сердца". По мнению Эмпедокла, все в природе обладает поэтому способностью мышления. Однако, и у него материалистическое миросозерцание не было выдержано: он полагал, что душа—демон, низвергнутый с небесной родины в долину скорби, и разделял орфико-пифагорейское учение о переселении душ [1]).

Из научных обобщений Эмпедокла замечательны те, которые предвосхищают выводы современной химии: он полагал, что основные элементы всех тел ограничены в своем количестве, что все тела представляют собою соединения этих элементов в разных пропорциях [2]). Эмпедокл пытался также формулировать основные законы мироздания и приложить эти законы к об'яснению общественной жизни. Основных законов он признавал два: 1) закон взаимопритяжения подобного или однородного, 2) закон соединения разнородного и раз'единения однородного. Смотря по тому, преобладает ли первый закон или второй,—следует различать смену периодов мировой жизни [3]). Здесь можно видеть зародыш деления общественного развития на периоды органические и критические, реакционные и революционные,—зародыш, конечно, слабый, весьма несовершенный.

Практические нововведения Эмпедокла состояли в том, что он осушил почву города Селинунта и тем избавил его жителей от постоянно свирепствовавших там эпидемий, пробил гору и открыл тем город Акрагас (Аграгент) действию благодетельного северо-восточного ветра, избавил от летаргии одну женщину [4]).

---

[1]) Там же, I, стр. 214, 216, 219.
[2]) Там же, I, стр. 201.
[3]) Там же, I, стр. 207—209
[4]) Там же, I, стр. 200.

Последовательными материалистами были Левкипп и в особенности Демокрит из Абдеры. Обладая огромными научными знаниями [1]) и считая, что источником знания является опыт [2]), Демокрит построил блестящую и глубокую атомистическую теорию, усвоил в сущности последовательное механистическое миросозерцание. Все качества вещей, все бесконечное разнообразие явлений и предметов природы Демокрит об‘яснял сочетанием и движением атомов в пустом пространстве. Из атомов же, только особых подвижных, маленьких, круглых и гладких—состоит, по Демокриту, и душа. Атомы души привлекаются из внешнего мира дыханием и соответствуют атомам огня, так как организмам свойственна, как и огню, теплота, а огню, как и атомам души и вообще атомам,—подвижность: материи без движения не существует и наоборот. Различия между телами происходят, по Демокриту, от формы, величины и движения атомов. На основании этих положений Демокрит дал блестящую теорию цветов, причем основными цветами он правильно считал четыре и три из них—белый, черный и красный—указал верно и ошибся лишь в четвертом, назвав зеленый вместо желтого. Любопытны также его об‘яснения вкуса, удельного веса и проч. [3]). Наконец, чрезвычайно важно то, что Демокрит отвергал геоцентрическое и антропоцентрическое миросозерцание: он утверждал, что существует бесчисленное количество миров, что в жизни царствует слепая необходимость, закономерность, и человек находится во власти этой закономерности. Поэтому учение о нравственности у Демокрита сводилось к стремлению достигнуть благополучия, душевного спокойствия, равновесия духа [4]).

Торгово-капиталистическое развитие Афин, как нам уже известно, сопровождалось в известной мере и их промышленно-капиталистическим развитием, хотя и совершавшимся на основе рабского труда. Это в соединении

---

[1]) Там же, I, стр. 273.

[2]) Там же, I, стр. 313.

[3]) Там же, I, стр. 275—307, *Liepmann*, Die Mechanik der Leucipp—Democritischen Atome. Berl. 1885, стр. 53—54.

[4]) *Гомпери*, Греческие мыслители, I, стр. 315—317; *Natorp*, Die Ethica des Democritos, Marburg, 1893, стр. 104 и след.

с тем, что муниципально-феодальный строй в его эволюции создавал также высокое умственное развитие и большие культурные достижения, дало возможность греческим мыслителям V и IV веков пойти гораздо дальше мыслителей эпохи европейского Ренессанса, предвосхитить некоторые важные выводы и воззрения западноевропейской философии XVII и XVIII веков, даже отчасти первой половины XIX столетия. Мы должны теперь познакомиться в основных чертах с этими великими достижениями эллинского философского гения.

Первое, что здесь обращает на себя внимание,—это деятельность софистов. Мы отметим только двух главных из них—Протагора и Горгия.

Протагор, родом из Абдеры, был другом Перикла и много времени, сил и таланта отдал положительному знанию. Он первый начал преподавать грамматику и написал сочинение „Правильность речи"; ему, повидимому, принадлежит сочинение „Об искусстве", проникнутое духом позитивной научности; в том же духе писал он и о государстве и, по поручению Перикла, составил конституцию для города Фурий, основанного афинянами. Протагор верил в опыт, в эксперимент и считал его единственным источником знания. На этом основании он утверждал, что знание о богах недоступно человеку—в богов можно только верить. Это стоило ему дорого: за свое сочинение „О богах" он подвергся преследованию, бежал в Сицилию и по дороге погиб от караблекрушения, будучи 70-ти лет от роду [1]. Главнейшей заслугой Протагора является его теория познания: он первый ясно и определенно провозгласил необходимость гносеологии и высказал основное положение о том, что „человек есть мера всех вещей, существующих, поскольку они существуют, и не существующих, поскольку они не существуют". Это положение исследователи склонны толковать не в смысле релятивизма и солипсизма, не в том смысле, что каждый отдельный человек по своему является мерой всех вещей и не может передать свои знания и мысли другим, а в смысле утверждения наивного реализма, т.-е. в том смысле, что человек вообще,

---

[1]) Там же, I, стр. 372—380.

все люди путем обыденного, повседневного опыта могут познать подлинную действительность [1]). Совершенно понятен тот успех, которым сопровождались эта практическая и практичная философия у образованных афинян того времени: она в высшей степени подходила к общественным задачам времени и к новым опытам государственного строительства, проникнутым трезвым реализмом, позитивизмом.

Но интеллигентская мысль не могла остановиться и не остановились на этой стадии наивного и позитивного реализма. Она пошла дальше в направлении утонченности, скептитизма и отрицания. Выразителем этого более крайнего течения среди софистов явился Горгий. Он развил гносеологическое положение Протагора в том духе и направлении, что никаких сущностей вещей (ноуменов, как впоследствии называл их Кант) не существует, а если бы они и существовали, то были бы непознаваемы. Это уже релятивизм, утверждение полной относительности и суб'ективизма всех истин, которые приобретаются и сознаются, как таковые, человеком. Надо заметить, что в противоположность трезвому и ясному стилю Протагора Горгий усвоил себе цветистую и пышную, изысканную речь, которую можно сблизить с известными уже нам английским эвфуизмом и испанским гонгоризмом [2]).

Критика, скептицизм, релятивизм, солисизм софистов имели большое влияние на мыслителей того времени. Ими создано было критическое отношение к возможности точности, адэкватности (соответствия подлинной действительности) познания явлений бытия. Познание сущности вещей, происхождения мира казалось невозможным—и это очень характерно для нового интеллигентского, мелкобуржуазного мышления. Сократ, типичный мелкий буржуа, зевгит, обладатель небольшого дома и малого дохода со своего мелкого хозяйства [3]), поэтому именно и не занимался метафизическими сущностями: здесь, по отношению к явлениям бытия, он считал подлинную истину

---

[1]) Там же, I, стр. 381—385.
[2]) *Гомперц*, Греческие мыслители, I, стр. 401—411.
[3]) *Meyer*, Geschichte des Altertums.

недоступной человеческому познанию, как впоследствии думал и Кант. Он разделял в этом отношении гносеологическое положение Протагора, что „человек мера всех вещей“. Но именно в силу этого Сократ и провозгласил основным принципом теории познания сомопознание: чтобы узнать действительную меру всех вещей, человек должен познать самого себя (γνῶθι σεαυτόν), углубиться в собственный дух. И вот здесь-то Сократ обретал с своей точки зрения прочный и достоверный источник подлинного знания, только не знания явлений бытия, а знания явлений долженствования, морали, нравственности. Погрузившись в собственное сознание, Сократ нашел в нем голос божества (δαιδίνιον), голос совести, то, что Кант впоследствии назвал категорическим императивом. В области морали, долженствования абсолютная истина таким образом, по Сократу, доступна для человека.

И это познание абсолютной нравственной истины, даваемое голосом совести, утверждается, по Сократу, и человеческим разумом, рассудком, здравым смыслом. Он думал, что необходима внутренняя гармония, определенность единой воли, отсутствие внутреннего разлада [1]), и полагал, что интеллект в полном согласии с голосом совести обосновывает нравственность, которая в то же время тожественна с личным счастьем человека, потому что человек счастлив, когда он рассудителен, справедлив, неустрашим и независим; всякий стремится к собственному благу, и это благо совпадает с благом общественным: повиноваться законам выгодно. Если человек всего этого не понимает, то только по незнанию [2]). Здесь Сократ подходит близко к позднейшему утилитаризму Бентама и обоих Миллей. В конце-концов правильно определение Сократа, как телеологического деиста [3]). Но, конечно, учение Сократа особенно потому, что он его усиленно пропагандировал, казалось полным разрывом с традиционной религией и страшно разрушительным, что и было причиной смертного приговора,

---

[1]) *Гомперц*, Греческие мыслители, II, стр. 48, 53.
[2]) Там же, II, стр. 52, 53, 55.
[3]) Там же, II, стр. 66.

вынесенного ему большинством 360-ти против 144 голосов [1]).

Утилитаризм, утилитарная сторона морали Сократа нашли себе выражение и развитие у другого типичного мелкобуржуазного интеллигента—основателя киренской школы Аристиппа, который был учеником Сократа. Основное положение его теории познания заключается в том, что познаваемы только чувствования [2]). Аристипп отрицал общие понятия и их реальность, единственно реальными он признавал факты [3]). И с этой точки зрения—с точки зрения чувствований и конкретных, реальных фактов—он смотрел на мораль: счастье, высшее благо он находил в чувстве удовольствия. Удовольствие—не наслаждение, потому что наслаждение всегда кратковременно, и в нем есть элемент страдания. Удовольствие—это „дошедшее до сознания нежное движение", спокойная удовлетворенность, вытекающая из того, что от жизни получается некоторый плюс за вычетом всех бед и страданий. В каждом данном случае надо оценивать поступки с той точки зрения, чего в них больше, удовольствия и страдания,—точь в точь, как тому же учил английский утилитарист XVIII в. Бентам [4]). В сущности мораль Аристиппа—мораль примирения с действительностью, и жизненная практика киренцев была согласна с традиционными нравами [5]).

Из школы Горгия и Сократа вышел и глава циников Антисфен. Бедняк по происхождению, он ярко выразил идеологию афинского пролетариата [6]), потребительского по своей природе, бездомного, равнодушного ко всем буржуазным ценностям, жаждавшего только простого удовлетворения насущных потребностей, не социалистического, а анархического по настроению.

И он, подобно Аристиппу, отрицал реальность понятий, и для него факт, чувственное восприятие были единственным источником познания [7]). В своем сочинении

---

[1]) Там же, II, стр. 74.
[2]) Там же, II, стр. 173.
[3]) Там же, II, стр. 161.
[4]) Там же, II, стр. 161—163.
[5]) Там же, II, стр. 166.
[6]) Там же, II, стр. 111.
[7]) Там же, II, стр. 136.

„О природе зверей“ Антисфен отрицал культуру, признавал ее злом, извращением благодетельной природы, в которой все целесообразно; возврат к изначальному естественному состоянию, свободное, ничем не связанное удовлетворение естественных потребностей—вот идеал Антисфена. Свобода, отрицание имущества, брака, семьи, почестей, жизнь нищего—таково было учение Антисфена о том, как надо жить [1]). Ученик его Диоген был образец практического цинизма и в своем сочинении „Государство“ требовал уничтожения сословий, классов, национальностей, уничтожения или стеснения частной собственности, семьи, наследования, стоял за свободное общение полов и за общность детей [2]).

Но школа Сократа не ограничивалась теми ответвлениями, которые представлены были учениями Аристиппа и Антисфена. Интеллигентская мысль шла еще по иному направлению, характерному и для эпохи грандиозного политического об'единения и для самой интеллигенции, желавшей в той или иной мере управлять жизнью, вмешиваться в нее, ее перестраивать. Это направление представлено было Платоном.

Исследователями жизни и философии Платона хорошо выяснена эволюция его воззрений, связь их с философией софистов, Сократа и т. д. и постепенный переход к самостоятельному построению философской системы [3]). Мы не будем останавливаться на этом, а перейдем прямо к изложению основных черт оригинального философского учения Платона. Прежде всего надо здесь обратить внимание на его теорию познания.

Мы уже видели, что основное гносеологическое положение Протагора—„человек—мера всех вещей“ было признано и принято Сократом. То же надо сказать и о Платоне в известной мере: Платон, подобно Протагору и Сократу, признавал, что знание человеком окружающей действительности относительно и неточно, что опытом и наблюдением даются впечатления или восприятия не

---

[1]) Там же, II, стр. 107—114.

[2]) Там же, II, стр. 117, 121—122.

[3]) *Natorp*, Platos Ideenlehre, Leipz. 1903, стр. 1—52; ***Виндельбанд***, Платон, Спб. 1909, стр. 61—74.

открывающие подлинной истины, сущности вещей [1]). Но вместе с тем Платон распространил на явления бытия тот основной гносеологический принцип, который Сократ установил только для явлений морали, нравственности, долженствования: источник истинного знания всех явлений—и явлений бытия и явлений долженствования, по Платону,—это собственная деятельность разума, открывающая истинный мир идей или общих понятий, не имеющий ничего общего с восприятиями, не могущий быть выведенным из них. Восприятия могут иногда служить поводами, вызывающими понятия, но не причинами их. „По сравнению с восприятиями идея представляется идеалом; она отыскивается не в них, а по ним" [2]). Одновременно с восприятием здесь действует интуиция, которая есть не что иное, как воспоминание о том, что воспринимала душа раньше своего земного существования [3]). Таким образом истинное знание получается не от восприятия, а от диалектического мышления; диалектика — единственное действительное средство познания [4]). При этом воспоминание—не только логический процесс, но и этический и религиозный: тут и изумление и тоска по прототипе, жажда к нему вернуться,—эрос, любовь [5]).

Идеалистической теории познания соответствовала у Платона и идеалистическая метафизика, причем вторая была связана с первой, вытекала из нее.

В самом деле: что такое знание? Знание—отражение бытия в сознании, отражение того, что существует на самом деле, что составляет сущность вещей. А так как истинное знание дается интуицией, воспоминанием, и результатом воспоминания являются понятия или идеи, то ясно, что идея и есть истинное бытие, абсолютная действительность, абсолютная сущность. Идеи—прототипы тел [6]). Окружающая нас эмпирическая действитель-

---

[1]) *Natorp*, Platos Ideenlehre, стр. 97—99; *Виндельбанд*, Платон, стр. 79 и сл.

[2]) *Виндельбанд*, Платон, стр. 80.

[3]) Там же, стр. 82; *Natorp*, Platos Ideenlehre, стр. 140.

[4]) *Виндельбанд*, Платон, стр. 85; *Natorp*, Pl. Ideenl., стр. 50—51.

[5]) *Виндельбанд*, Платон, стр. 89.

[6]) Там же, стр. 82, 84, 88.

ность только бледное, несовершенное отображение подлинной реальности—мира идей; видимый мир—только овеществление идей [1]). Идей столько, сколько разных классов или родов явлений. Но мир идей представляет собою единое целое, внутренно-связное, и это единство, эта связь есть результат подчинения всех идей единой высшей идее—идее добра. Отсюда телеологический характер всей системы Платона: идея добра—цель, остальные идеи—средства; идея добра и есть божество, не имеющее личного характера [2]). Поэтому философия Платона есть философия абсолютного идеализма или имматериального монотеизма [3]).

Во всей философии Платона отразился и буржуазный скептицизм, и мистика и фетишизм, внушавшиеся торгово-капиталистическими отношениями, лишавшими отдельную личность возможности справиться с окружающей действительностью, со стихийным давлением новых сложных общественных отношений, и горделивая уверенность вновь образовавшейся интеллигенции, что она может подчинить себе все своей интуицией, своим разумом, пониманием идеи добра перестроить мир и жизнь.

Эта последняя уверенность ярко выразилась в учении Платона о государстве как осуществлении на земле, в общественной жизни высшей идеи добра [4]).

Хотя некоторыми исследователями и отвергается социалистический характер воззрений Платона на государство, но нет сомнения, что Платон был действительным первым социалистом. Неверно, что общность средств производства и предметов потребления распространялась только на одних философов, правителей: и у остальных сословий не было права собственности, было только пользование материальными благами, предоставленными им правителями под условием выполнения известных обязанностей. Общественная собственность на средства производства таким образом признавалась Платоном, и это делает его социалистом. Социализм в древней Элладе

---

[1]) Там же, стр. 95; *Natorp*, Platos Ideenlehre, стр. 173.

[2]) *Natorp*, Platos Ideenelhre, стр. 183 и след.; *Виндельбанд*, Платон, стр. 97, 104, 106.

[3]) *Виндельбанд*, Платон, стр. 106.

[4]) *Natorp*, Platos Ideenlehre, стр. 183

появился таким образом в эпоху перехода к торговому капитализму, когда появилась мелкобуржуазная интеллигенция и осознала свои интересы: Платон хотел силою своего ума овладеть общественной действительностью и создать правящее положение для людей своей общественной группы.

Но, пытаясь изобразить общественный строй, который казался ему идеальным, во всех подробностях, Платон в очень сильной степени подчинился влиянию существовавшей в то время обстановки, того устройства общества, которое тогда существовало. Поэтому Платон построил свое общество на сословном начале. Три сословия различал Платон: 1) философов или правителей, 2) стражей или воинов и 3) земледельцев и ремесленников. Земледельцы и ремесленники обязаны работать, добывать материальные блага и должны получать соответствующее образование и воспитание: они учились гимнастике, развивавшей необходимые для их дела физические силы, и мифологии, которая должна освящать в их сознании существующий государственный порядок, поддерживать его авторитет силою религии. Стражи или воины обязаны охранять внутренний порядок и внешнюю безопасность государства. Их образование должно быть шире, чтобы более способных из них можно было перевести в высшее, третье сословие—правителей, философов, интеллигенции, которая должна управлять всем государством, разрабатывать науку и философию и обладать всею полнотою знаний.

Известно, что Платон трижды путешествовал в Сицилию, к сиракузским тираннам—один раз к Дионисию Старшему и два раза к Дионисию Младшему. Тиранны хотели воспользоваться его знаниями и авторитетом, чтобы идеологически укрепить свою власть, а философ надеялся с их помощью, путем того, что впоследствии называлось просвещенным или просветительным абсолютизмом, осуществить свой государственный идеал. Попытки эти, как и следовало ожидать, кончились неудачей и разочарованием обеих сторон, и для Платона сопровождались опасностью потерять свободу и жизнь. Разочарованный в своих опытах практического социального строительства, Платон на склоне лет предпринял другое сочинение

„О законах“, где попытался определить программу-минимум, установить переходную ступень от современного строя к государству будущего. Он нарисовал здесь детальную картину такого переходного общества, отличительной чертой которого должны были служить национализация земли при сохранении частной собственности на все другие средства производства и предметы потребления.

Последним по времени великим философом Греции в изучаемый нами период был Аристотель. Его теория познания нашла себе выражение в его „Логике“, именно в учении о доказательстве. Доказательство, по Аристотелю,—это вывод условного из его оснований, и в результате этого и получается истинное знание. Основание, служащее опорой для вывода, — это *непосредственное* знание, свойственное нашему уму, истины самоочевидные, аксиомы; опыт только подтверждает эти аксиомы. Значит, источник знания—ум, а проверка данных этого источника дается опытом. Знание приобретается дедукцией и проверяется индукцией. Естественно, что придавая дедукции такое первенствующее значение в деле познания, Аристотель и построил свою дедуктивную логику—логику суждения, умозаключения и понятия.

Переходя от теории познания к метафизике, Аристотель отверг учение Платона об идеях, как сущности вещей. Он выставлял здесь против Платона три возражения: во-первых, общее несубстанциально, субстанцией может быть только единичное; во-вторых, сущность не может быть вне вещей, сущность которых она составляет; в третьих, идеям недостает движущей силы, без которой они не могут быть причинами явлений. Всем этим условиям или требованиям удовлетворяет, по мнению Аристотеля, форма, которая — единична, составляет свойство каждой вещи и является движущей силой; поэтому форма и есть истинная сущность вещей, придающая им реальность, выводящая их из безформенного состояния материи, являющейся простым субстратом, мертвым материалом, претворяемым формою в действительность, в жизнь. Материя есть возможность, потенция, форма есть движущая сила и вместе цель движения, она—конечная или целевая причина. Абсолютно - совершенная форма и есть конечная цель и вместе движущая

сила всего мироздания. На этой метафизической основе построены и физика, и психология, и этика, и политика Аристотеля [1]).

Метафизика Аристотеля имеет, несомненно, важное значение в том отношении, что приближает философию к конкретной действительности, выдвигает на первый план единичное, конкретное и вводит начало движения, эволюции, развития. Именно это обстоятельство и сделало Аристотеля творцом целого ряда положительных знаний, в особенности гуманитарных наук, главным образом логики и политики. Главной задачей Аристотеля сделались именно исследования жизни, наука [2]). В этом отношении особенно замечательны сочинения Аристотеля по обществознанию. Признавая человека общественным животным, Аристотель попытался дать в своей „Политике", во-первых, учение о сущности, различиях и переменах учреждений, во-вторых, учение о лучшем, совершенном государстве [3]). Конечно, при этом он оказался в плену у окружающей действительности и у старых муниципально-феодальных традиций, в особенности афинских [4]), но тем не менее его „Политика" имеет огромное значение как по ряду отдельных остроумных замечаний и обобщений, так и потому, что она является первым в истории опытом построения социологии. Значение социологических работ Аристотеля усугубляется еще тем обстоятельством, что он первый дал образец не только общего построения социологии, но и обоснования ее на конкретном историческом материале: с этою целью он устроил практические занятия своих учеников по изучению эллинских конституций; остатком этого коллективного труда является открытая в конце прошлого века „Афинская полития" — „Государственное устройство Афин" Аристотеля.

Уже на предшествующих страницах, когда шла речь об отдельных представителях философского движения в древней Греции V и IV веков до Р. Х., приходилось

---

[1]) *Zeller,* Gechichte der griechischen Philosophie.

[2]) *Wilamovitz-Moellendorff,* Aristoteles und Athen, 1-r B., Berl. 1893, стр. 333.

[3]) Там же, I, стр. 355.

[4]) Там же, I, стр. 356 и след.

не раз касаться тех отдельных научных выводов и обобщений в области естествознания и обществознания, к которым приходили многие греческие философы того времени. Материальная культура эпохи перехода к торговому капитализму и соответствующей перестройки общественных и государственных отношений дала огромный толчек научному развитию. Мы должны теперь характеризовать это развитие данными, дополняющими то, что сказано было выше.

В области математики замечательны наблюдения и выводы, подготовившие Эвклида и александрийскую школу. Платон выработал некоторые основные аксиомы, а также метод математического анализа и дал самые термины—синтез и анализ. Аристотель положил основание разделению между арифметикой и геометрией, указав, что надо отличать числа—величины раздельные — и величины сплошные, наблюдаемые конкретно в природе, напр., величины линий, протяжения, времени. Евдокс был замечательным геометром своего времени. Его ученик Менехм в IV в. открыл конические сечения—параболу, эллипс и гиперболу, как они были названы позднее, во II в. до Р. Х. [1]).

Большие успехи сделали в V и IV веках естествознание и врачебная наука, медицина, с ней связанная. Прежнее лечение заговорами, заклинаниями, талисманами, колдовством стало сменяться научными методами. Главная заслуга в этом отношении принадлежит Гиппократу. Он выставил положение о том, что нельзя понять человека и лечить его, не исследовав и не изучив всей его природы [2]). Из школы его и его современников вышел целый ряд новых научных медицинских работ—о женских болезнях, об эпилепсии, по хирургии и пр. [3]).

Продик писал не только по естествознанию, но являлся также основателем научной лингвистики,—писал о синонимах [4]).

---

[1]) *Cantor*, Geschichte der Mathematik; *Шереметевский*, Очерк истории математики—в приложении к „Элементам высшей математики" Лоренца.

[2]) *Гомперц*, Греч. мыслители, I, стр. 247—248.

[3]) Там же, I, стр. 268, 270—271.

[4]) Там же, I, стр. 364.

Из городских хроник, храмовых записей и перечней побед на играх произошла история, как наука. В связи с ней появилась и география. Инициатором обеих наук был Гекатэй, автор „Землеописания“ и „Генеалогии“. У него впервые встречается историческая критика, разумеется, примитивная,—в виде элементарно-рационалистического отношения к народным преданиям [1]). Геродот пытался дать картину великой борьбы с персами на основе изучения быта и нравов всех народов, обитавших в восточной половине средиземноморского бассейна. Сам будучи весьма добросовестен, он однако, несмотря на желание и попытки практически отнестись к источникам, не всегда в этом успевал [2]). При всех его рационалистических намерениях он часто сбивался на старые суеверия и религиозную традицию [3]). При всем том Геродот дал художественную картину эпохи греко-персидских войн, во многом замечательную, набросанную широко, с правильным в общем об‘яснением событий, вытекавших из состояния столкнувшихся в борьбе народов и государственных организаций.

После Геродота историческая наука в Греции стала делать большие и быстрые успехи. Историей поэзии и философии в Греции занимался Дамаст, историей поэзии и музыки Главк. Харон из Лампсака и Дионисий Милетский написали труды, посвященные истории Персии. „История Мидии“ составлена была мидийцем Ксантом [4]). Наконец, Фукидид является создателем настоящего научного метода в истории с тщательным практическим анализом, с уменьем собрать источники, выяснить истину, установить реальное соотношение общественных сил, в особенности определить политические факторы [5]). Изучая внутреннюю связь исторических событий, Фукидид умел отличать причины от поводов.

Продолжателем Фукидида в истории хотел быть Ксенофонт, но его „Эллинская история“ не идет ни в какое

---

[1]) *Гомперц,* Греч. мыслители, I, стр. 223 и след.
[2]) Там же, I, стр. 234.
[3]) Там же, I, стр. 230.
[4]) Там же, стр. 416 и след.
[5]) *Ed. Meyer,* Geschichte des Altertums, IV, стр. 462 и след.; *Гомперц,* Греч. мыслители, I, стр. 419—427.

сравнение с историей Пелопоннесской войны, написанной Фукидидом. Ксенофонт вовсе не ученый историк, а типичный мемуарист: он до крайности суб'ективен, пристрастен, сплошь и рядом извращает истину в личных своих интересах.

Его „Эллинская история“, так же, как и „Анабасис“, требует большой критики: в „истории“ он восхваляет своего покровителя, при котором он состоял ад'ютантом, спартанского царя Агесилая, такого же наемника-кондотьера, искателя богатства и приключений, каким был он сам, а в „Анабасисе“ он восхваляет себя, преувеличивает свое военное значение [1]). Мемуары—род литературы весьма характерный для индивидуалистических эпох, когда личность выдвигается на первый план. Сторонник олигархических, даже монархических убеждений сказался в других произведениях Ксенофонта, — в его „Киропедии“ — романе, проникнутом монархическими тенденциями, в сочинениях о спорте и военной технике — „Об охоте“, „О верховой езде“, „О командовании конницей“, наконец, в работе „О государстве афинском“, которую, впрочем, не все приписывают Ксенофонту. Его „Воспоминания о Сократе“ представляют собою также образец мемуарной литературы, проникнутой чрезвычайным суб'ективизмом и нуждающейся в тщательной критике [2]).

V и IV века в истории Греции, в частности в истории Афин явились также временем пышного расцвета, блестящего развития художественной литературы, поэзии.

И здесь индивидуализм и его развитие в различных оттенках и ответвлениях обращают на себя наше преимущественное внимание. В лирике личность находит свое яркое и вместе интимное выражение. И лирическая поэзия Пиндара, в высшей степени разнообразная по содержанию и настроениям,—он писал и торжественные гимны, и хвалебные пэаны, и любовные парфении, и печальные, скорбные френы, и победные песни—эпиникии [3]) — проникнута индивидуалистическим настроением:

---

[1]) *Ed. Meyer*, Gesch. d. Alt., IV, стр 365 и след.; *Гомперц*, Греч. мыслители, II, стр. 88 и след.

[2]) Там же.

[3]) *O. Müller*, Geschichte der griechischen Litteratur.

для Пиндара личное творчество—все в жизни, ему все доступно [1]). Консервативные симпатии Пиндара не могли служить достаточным препятствием новым веяниям, проникшим в его поэзию: религиозный человек, он позволял себе, однако, свободно переделывать мифы, исправлять религиозную традицию [2]).

В трагедии ближе всех к старым настроениям и взглядам был Эсхил. Он религиозен, хочет спасти веру, и, несмотря на это, человек у него уже свободная нравственная личность [3]). Типичным образцом его художественной деятельности и его религиозно-индивидуалистического и смешанного, переходного настроения является его трилогия о Прометее, одна часть которой — „Скованный Прометей“ дошла до нас. Здесь изображается яркими, гениальными чертами могучая индивидуальность Прометея, борца за свободу мысли и знания. И ей противоставляется высшее могущество и святость воли Зевса. Конфликт, изображенный очень ярко и глубоко, психологически-проникновенно, особенно поскольку дело касается Прометея, разрешается, сколько можно судить, идеей о величии умственных дерзаний человечества, но лишь в той мере, в какой они ограничиваются божественной волей и с нею согласуются [4]).

Типичным представителем века Перикла в греческой трагедии был Софокл. Это—здоровая натура и он любит житейские удовольствия, гимнастику, чувственные наслаждения, живую беседу и спор, обладает даром углубленного психологического анализа, особенно гениального изображения страсти [5]). Величайшие примеры этого — „Антигона“ и „Царь Эдип“. В „Антигоне“ конфликт долга, страстной любви и формальной законности нашел себе художественно-законченное выражение, причем, при видимом физическом, внешнем поражении, выразившемся в смерти Антигоны и Гемона, моральная победа остается за любовью и нравственным долгом, что признает и

---

[1]) *Ed. Meyer*, Gesch. d Alt., III, стр. 443.

[2]) Там же.

[3]) Там же, III, стр. 449 и след.

[4]) *Рожков*. Опыт об'яснения основной идеи трагедии Эсхила „Прикованный Прометей“, Пермь 1893.

[5]) *Ed. Meyer*, Gesch. d. Alt., IV, стр. 125.

представитель сухой и жесткой формальной законности Креон. В „Царе Эдипе"—целая гамма тонких настроений и чувств: доброта, мягкость, заботливость Эдипа сказываются в первой же сцене; он и не подозревает своей виновности; перед глазами зрителя и читателя развертывается психологически-глубокая картина того процесса, каким Эдип приходит к сознанию совершенного им по неведению преступления: сначала он, узнав об убийстве Лайя разбойниками, озабочен государственной безопасностью, стремится найти и наказать виновного: потом, приветливо относясь к Тирезию, Эдип, видя его упорное нежелание ответить на его вопросы, начинает подозревать его, раздражается, из судьи превращается в обвинителя, думает, что Тирезий — орудие в руках властолюбивого Креона, желающего захватить власть, устранив его, Эдипа; под влиянием этого Эдип приговаривает Креона к смерти, но милует по просьбе Иокасты, и вдруг из ее рассказа его собственное преступление выступает перед ним постепенно с неумолимой ясностью и убедительностью; мы видим, как слабеет и колеблется его чувство собственной невиновности, как, вопреки увещаниям хора не продолжать исследования, Эдип жаждет выслушать свидетеля убийства, потому что у него все еще светится слабый луч надежды оправдать себя, а затем следует пропасть отчаяния и конечная катастрофа [1]). И все-таки и у Софокла религия в виде безличной судьбы—главное. Глубоко проникая в личную психологию и тем отдавая дань современному ему индивидуализму, Софокл первенство, победу оставляет не человеческой личности, а судьбе, высшей религиозной воле.

Третий великий трагик V века Еврипид не имел и остатков этой веры, был совершенно новым человеком. Философские влияния Анаксагора, Гераклита, Ксенофана, в особенности же Протагора и Горгия с их скептицизмом нашли себе яркое отражение в творчестве Еврипида. Однако, он не был рабом этих мыслителей, — а он все прочувствовал, продумал и переработал по-своему [2]). Еврипид наблюдал огромные и сложные противоречия

---

[1]) *Кудрявцев*, разбор „Царя Эдипа" Софокла: „Пропилеи", I.
[2]) *Ed. Meyer*, Gesch. d. Alt., IV, стр. 149 и след.

действительности, в особенности противоречия между личностью и обществом, государством; но, видя и сознавая их, он не в силах был найти им разрешение и потому проникнут был пессимизмом и скептицизмом, приходил к выводу о недоступности истины для человеческого сознания [1]).

В технике драматического творчества Еврипид достиг высокого мастерства. У него превосходная сценическая техника, метрика и музыка стиха, он мастер изображать нарастание и разрешение драматического действия и применять глубокий психологический анализ. Еврипид—создатель настоящей новой, буржуазной драмы [2]), натуралистической, жизненной. Его изречения были у всех на устах [3]), как у нас цитаты из драматических произведений Грибоедова и Гоголя. „Медея“ и „Ипполит“—типичные, яркие образчики художественного творчества Еврипида.

Величайший из греческих комиков—Аристофан,—при всех своих симпатиях к старине и традиции, не был, однако, выдержанным консерватором. Политическая и общественная сатира, служившая главным содержанием его произведений, сама по себе в высшей степени характерна для того времени. Его богатая фантазия и едкое остроумие помогли ему сатирически изобразить и афинскую демагогию и демократию, и софистов и философов, и сутяжничество афинян, и стремление женщин к эмансипации; он дал также яркие сатирические пародии художественного творчества Эсхила и Еврипида. Аристофану свойственны были и черты народных фарсов и мимов: грубые, цинические шутки и отчасти также внешний комизм.

В области ораторского искусства в V веке особенно выдавались Исократ и Антифонт, а IV век дал нам двух особенно выдающихся соперников, существенно отличавшихся и по своему красноречию,—Эсхина и Демосфена. Эсхину свойственно было блестящее, пышное,

---

1) *Ed. Meyer*, Gesch. d. Alt., IV, стр. 156, 158.

2) Там же, IV, стр. 159, 161.

3) Там же, IV, стр. 162.

изысканное красноречие [1]). Речь Демосфена отличалась простотой и силой, ясностью и сжатостью; как судебный оратор, Демосфен отлично знал законы, был выдающимся юристом [2]).

Остается, наконец, характеризовать, грандиозные достижения греческого искусства—архитектуры, ваяния и живописи в эпоху Перикла.

В архитектуре первенствующее место принадлежит изящным сооружениям афинского Акрополя, особенно Пропилеям, Парфенону, Одеону и Эрехтейону. Парфенон имел колонны дорийского стиля, а Одеон и Эрехтейон—памятники чисто-ионийского стиля [3]). В этих сооружениях вырабатывался постепенно тот стиль классического зодчества, который внешнюю красоту и гармонию, величественность и изящество возводит в высший принцип и приходится так по вкусу дворянству, новому классу, выдвигавшемуся тогда на первый план вопреки всем усилиям сохранить остатки старого муниципально-феодального строя и приспособить их к новым условиям.

Самым блестящим был расцвет скульптуры, ваяния. Здесь на первый план выдвигаются три великих, оригинальных ваятеля—Мирон, Поликлет и Фидий.

Мирон был мастер лепки человеческого тела в движении, гениальный натуралист, знаток анатомии [4]). Поликлет изображал естественное равновесие спокойно стоящих тел, которым он придал большое оживление и игру мускулов тем, что ставил их на одну ногу, выдвигая другую вперед. Он подвинул еще дальше Мирона изучение тела и его пластики, и работы его, отличаясь тонкостью форм и тщательностью обработки, создавали идеализацию высшей красоты [5]), что составляло предпосылку классической скульптуры, как и классической по своему стилю архитектуры. Фидий довершил это дело выработки классического ваяния. В его статуях богов и портретных статуях при всей их индивидуализации за-

---

[1]) *Schäfer*, Demosthenes und seine Zeit, I, стр. 229 и след.

[2]) Там же, I, стр. 312.

[3]) *Laloux*, L'architecture grecque, стр. 70, 85.

[4]) *Overbeck*, Geschichte der griechischen Plastik, 4-e Auflage, I B., Leipz. 1893, стр. 273.

[5]) Там же, I, стр. 520—523.

метна идеализация, стремление приукрасить и возвеличить, дополнявшееся изяществом формы, не отступившей, однако, от натурализма [1]). Школа Фидия в значительной мере сказалась в скульптурных группах фронтона Парфенона и в его фризе. Что касается рельефов, покрывавших метопы Парфенона, здесь чувствуется больше влияния школы Мирона [2]).

Дальнейшее развитие греческой скульптуры в данный период пошло по линии, намеченной Фидием и Поликлетом в гораздо большей степени, чем по линии Мирона. В этом отношении особенно замечательны три скульптора IV в. до Р. Х.—Скопас, Пракситель и Лизипп. Для Скопаса всего важнее была красота нагого тела. Он отличался живой и богатой фантазией и изобретательностью, дававшими ему возможность достигать больших эффектов в исполнении, и высоким техническим мастерством [3]). Пракситель стремился к изображению душевных движений, особенно юношеских и женских. Нежность и изящество составляли особенность его произведений [4]). Лизипп был представителем сикионско-аргосской школы. Его техника достигла большой высоты. Портретные его статуи, отличаясь натурализмом, вместе с тем прикрашивали оригинал, сохраняя его индивидуальные особенности [5]), — совершенно в духе дворянского и придворного классицизма.

С V века делает, наконец, огромные успехи эллинская живопись. Реформатором здесь был Полигнот, который внес в живопись психологический анализ и отразил местный колорит, реализм в изображении одежды, обстановки и лиц с их типическими чертами. Известны были его картины, изображавшие взятие Трои, рай и ад по „Одиссее“ и убийство женихов Одиссеем [6]). Зевксис любил и умел изображать свет и тени и их игру, а также женские фигуры; известна его „Пенелопа“—олицетворение грусти и „Елена в ванне“. Мифологические

---

1) Там же, I, стр. 344—364.
2) Там же, I, стр. 422—450.
3) Там же, II, Leipz. 1894, стр. 31—32.
4) Там же, II, стр. 69—71.
5) Там же, II, стр. 145, 163.
6) *Girard*, La peinture antique, P. 1892, стр. 154—176.

сюжеты в его картинах реалистически оживлены [1]); он достиг замечательной красоты формы [2]). Парризий окончательно установил свето-тень, перспективу и правильный рисунок [3]), он вдохновлялся театром—трагедией и комедией, писал Прометея, Филоктета, афинский народ [4]). Все это развитие венчалось художественной деятельностью великого греческого живописца IV века Апеллеса. Обновитель техники [5]), мастер композиции и краски, великий колорист [6]), Апеллес усвоил свободную манеру трактовки сюжетов и их технического истолкования. По уменью понравиться власть имущим Апеллес был настоящим придворным живописцем. И опять-таки в том же дворянском и придворном духе и вкусе он рисовал и портреты, и аллегорические картины [7]), и картины, проникнутые тонкой чувственностью [8]).

Мы рассмотрели в главных чертах основные проявления греческой духовной культуры в эпоху дворянской революции. Все они как в фокусе соединялись в психологии представителей правивших уже тогда новых классов общества—буржуазии и выдвигавшегося на смену им дворянства. Буржуазия была полна индивидуалистического пыла. Дворянство умело уж в то время сочетать предания феодальной психологии, грубой, элементарной, эгоистической с новыми индивидуалистическими приобретениями. Благоразумный и осторожный и вместе с тем властный и любознательный Филипп Македонский [9]) и его гениальный сын, сочетавший в себе так много противоположных свойств — типические образцы этой дворянской двойственности, особенно ярко выразившейся в самодурстве Александра Великого, проявившемся тогда, когда он достиг своих основных целей. Перикл—более гармоническая и уравновешенная натура, насквозь проникнутая новым индивидуализмом. Перикл был хорошо и

---

[1]) Там же, стр. 205—210.

[2]) *Houssaye*, Histoire d'Apelles, P. 1867, стр. 110.

[3]) Там же, стр. 125.

[4]) *Girard*, La peinture antique, стр. 211—212.

[5]) *Wustmann*, Apelles Leben und Werke, Leipz. 1870, стр. 95.

[6]) *Houssaye*, Histoire d'Apelles, стр. 434.

[7]) Там же, стр. 426, 428.

[8]) *Wustmann*, Apelles Leben und Werke, стр. 97.

[9]) *Schäfer*, Demosthenes und seine Zeit., II, стр. 34.

разносторонне образован—в военном деле и в морском, в музыке и политике, которым его обучал Дамонид, знаток в последних двух областях знания и жизни. Он был проникнут духом просвещения и натурфилософии, был дружен с Анаксагором, много беседовал с Протагором, искренно верил в творческие силы своего народа, обладал большим художественным вкусом, выдающимся ораторским талантом и властностью. Министр финансов, художественный руководитель постройками и сооружением статуй, руководитель внешней политики, полководец, государственный человек,—Перикл во всех этих отношениях проявил выдающийся талант. Он умел держать себя серьезно и торжественно. Его огромным состоянием и обширным частным хозяйством заведывал его верный раб Евангел. Его отношения к милетянке Аспазии отличались не только физической близостью, любовной страстью, но и близостью духовною [1].

---

[1]) *Ed. Meyer*, Gesch. d. Alt., IV, стр. 49 и след.

II.

Дворянская революция в древнем Риме.

Переход Римской державы в I веке до Р. Х. и в первые десятилетия после Р. Х., при Августе и Тиберии, к торговому капитализму—факт прочно установленный в специальной литературе по римской истории. И самый термин „торговый капитализм“ уж применяется к этой эпохе [1]), и существует ряд признаков перехода к товарному хозяйству с обширным рынком, скопления огромных денежных капиталов, спекуляции, биржевой игры, ажиотажа, ростовщичества. И подкладкой этого была перемена в соотношении разных отраслей хозяйства.

Деньги и торговая спекуляция в Риме с конца II в. до Р. Х. становятся главным нервом хозяйственной жизни [2]). В Азии царило уже денежное хозяйство [3]); вся местная и вывозная торговля, которая там производилась, была в руках римских капиталистов [4]). В Галлии еще до Цезаря чеканилась собственная монета [5]). Август провел торговую дорогу из Испании в Италию [6]). Сицилия и Африка доставляли в Италию большое количество хлеба [7]). В Галлии существовала и собственная индустрия, главным образом ремесленная: там производились железные изделия, золотые и серебряные, керамические, приготовление пряжи и ткачество [8]). Все это оказывало

---

[1]) *Salvioli*, Le capitalisme dans le monde antique, P. 1906, стр. 315.
[2]) *Моммсен*, Римская история, т. II, стр. 401.
[3]) *Niese*, Grundriss der Röm. Geschichte, стр. 212.
[4]) *Ферреро*, Величие и падение Рима, I, стр. 121 и след.
[5]) Там же, II, стр. 87.
[6]) *Niese*, Grundriss der Röm. Gesch., стр. 286.
[7]) *Ферреро*, Величие и падение Рима, I, стр. 143.
[8]) Там же, II, стр. 87

могущественное влияние на хозяйство в самой Италии. Здесь зерновое хозяйство стало падать или по крайней мере отодвигаться на второй план. Первенствующее значение стали приобретать виноградарство и связанное с ним виноделие, садоводство, производство оливкового масла, добывание овечьей шерсти, т.-е. овцеводство, наконец, скотоводство вообще, специально разведение лошадей и ослов [1]). В 65 г. Лукулл вывез из Азии и акклиматизировал в Италии вишневое дерево [2]). В Италии стала развиваться и индустрия всякого рода: развивались столярное, каменно-строительное, ткацкое дело, выделка шерстяных изделий (особенно в Парме и Мутине), керамическая промышленность в северной Италии [3]). Генуя была рынком дерева, кож, меда и скота [4]). Эльба известна была своими железными рудниками, Неаполь—парфюмерией; существовало и развивалось производство оружия, — мечей, щитов и проч. [5]). Фламиниева дорога, ведшая от Рима в долину реки По и сооруженная еще во II в. до Р. Х., была возобновлена Августом [6]). В 70 г. до Р. Х. в Италии введена была ипотека, и Цезарь выпустил новую золотую монету [7]),—важные признаки роста денежного хозяйства.

И действительно деньги стали играть первую роль. Завоевание Африки и Азии дало много золота и серебра в виде контрибуций, налогов и добычи. Рим стал международным рынком богатств в металлах. Лозунгом дня стало выражение Катона: „первая обязанность человека—добывать деньги“. По Горацию, „деньги—все“. Проперций полагая, что деньги могущественнее громов Юпитера. Цицерон высказывался за пользу и необходимость биржевой игры. В его время было много дельцов, откупщиков и биржевиков в Риме, производивших крупные кредитные операции: так, Пинний ссудил город Никею

---

[1]) *Моммсен,* Римская история, I, стр. 827—828; *Niese,* Grundriss der Rom. Gesch., стр. 167 и др.

[2]) *Ферреро,* Величие и падение Рима, I, стр. 222.

[3]) Там же, I, стр. 307, 369, II, стр, 135 и след.

[4]) Там же, II, стр. 138.

[5]) Там же, II, стр. 138.

[6]) *Niese,* Grundriss d. Rom. Gesch., стр. 286.

[7]) *Ферреро,* Величие и падение Рима, I, стр. 185; II, стр. 280.

крупной суммой в 8 миллионов сестерций (до 700 тыс. руб. золотом); Веррес и Рабирий были типичными биржевыми спекулянтами; Планций и Ситтий спекулировали, по Цицерону, в Азии; всех крупнее был Аттик, получивший наследство от отца в 2 миллиона сестерций и от дяди в 10 миллионов, спекулировавший землей, откупами, торговлей книгами, домами, имевший потом доход в 12 миллионов сестерций в год. Цицерон и Красс спекулировали на сдаче квартир в своих домах беднякам [1]). Красс наследовал от отца крупное состояние в 300 талантов, а в 55 г. он увеличил его до 7.000 талантов (10 милл. руб. золотом) [2]). Катон был не только землевладелец, но и купец-судохозяин, ростовщик, земельный спекулянт и торговец рабами [3]). Существовали крупные и богатые банки: во времена Суллы Азиатский банк ссудил государству 20 тысяч талантов, потом даже 120 тысяч талантов; банки, выпуская акции мелкими купюрами, привлекали к своим операциям мелких капиталистов [4]). В последние времена республики в Риме насчитывали до 2.000 богачей-миллионеров [5]). В начале империи 12% считалось уже ростовщическим, слишком высоким процентом при займе [6]), что свидетельствовало о наличности в обращении большого количества денег, об обилии капиталов.

Все это сопровождалось значительными, даже очень глубокими, подчас катастрофическими переменами в землевладельческих отношениях. Мелкое крестьянское землевладение, особенно в Италии, да и не в одной Италии, падало, сокращалось [7]). „Латифундии погубили Италию и провинции“, писал Плиний. Аттик, напр., владел крупными имениями не только в Италии, но и в Эпире, вообще на Балканском полуострове, на Кипре и в Малой Азии [8]). Красс владел 25 тысячами гектаров земли в Ита-

---

[1]) *Salvioli*, Le capitalisme dans le monde antique, стр. 31—56.

[2]) *Ферреро*, Величие и падение Рима, II, стр. 67.

[3]) Там же, I, стр. 31.

[4]) *Salvioli*, Le capit. dans le monde ant., стр. 40.

[5]) *Ruhland*, System der Politischen Oekonomie, Berl. 1903, стр. 350.

[6]) *Marquardt*, Römische staatsalterthümer, II, стр. 62.

[7]) *Моммсен*, Римск. ист., II, стр. 81 и сл.; *Ферреро*, Вел. и пад. Рима, I, стр. 126 и след.; *Ростовцев*, Римский колонат.

[8]) *Salvioli*, Le capit. d. le monde ant., стр. 46.

лии и разных провинциях [1]). Особенно распространена была крупная земельная собственность в Италии, Африке и Галлии [2]). Едва ли не важнее было еще то обстоятельство, что изменился состав крупных землевладельцев. Старая феодальная аристократия не только добровольно продавала свои имения выскочкам, спекулянтам всякого рода, но и насильственно экспроприировалась путем проскрипций и конфискаций. Сулла раздарил и распродал большое количество конфискованных им имений [3]). То же сделали участники первого триумвирата—Цезарь, Помпей и Красс—и второго—Октавий, Антоний и Лепид [4]). Таким путем слагалось новое землевладельческое дворянство, приспособлявшее сельское хозяйство и деревенскую промышленность к обширному рынку, к торговому капитализму, так что проскрипции и конфискации в Риме I в. до Р. Х. сыграли ту же историческую роль, как опричнина при Иване Грозном или секуляризация церковных земель в Западной Европе в эпоху реформации.

Наконец, описанные сейчас перемены в хозяйстве и землевладении сопровождались перестройкой самых форм хозяйственных отношений, взаимного положения труда и капитала. Мелкий крестьянский,—земледельческий и кустарный, — а также городской ремесленный труд не исчез, конечно, но стал сокращаться в своем применении. Существовал, но не в широком применении, и свободный наемный труд. Но, сколько бы ни пытались ослабить картину быстрого роста применения рабского труда и в сельском хозяйстве и в индустрии,— этот рост все же не подлежит сомнению и является характерной, типичной чертой хищнического, грубого, торгового капитализма, первоначального накопления. Лукулл имел целый ряд рабов—ремесленников и художников [5]). Не меньше их было и у других римских богачей. Рабское плантационное хозяйство в земледелии было сильно

---

[1]) Там же, стр. 91.
[2]) Там же, стр. 87—88: *Ферреро,* II, стр. 87 и др.
[3]) *Niese*, Grundr. d. Röm Gesch., стр. 203.
[4]) *Ферреро,* Вел. и пад. Рима, II, стр. 298; III, стр. 181.
[5]) Там же, I, стр. 307, 369.

распространено [1]). Варрон еще мало говорит о рабах-неземледельцах, но Колумелла говорит о них уже много [2]). Существовали ergastula—рабские индустриальные мастерские, мануфактуры [3]). Нужда в несвободных рабочих руках обострялась до того, что землевладельцы похищали рабов друг у друга, а при Августе и Тиберии хватали и обращали в рабство дезертиров, путешественников и т. д. [4]). Во время посева и жатвы, в страду, крупные землевладельцы особенно нуждались в рабочих,—рабов не хватало, и потому рано, в начале существования империи, стали прибегать к мелкой аренде колонов, которые за арендованную ими парцеллу обязаны были платить не только долей урожая, но и земледельческой барщиной на земле владельца [5]). Не всегда, однако, это хозяйство колонов на прекарной, арендованной на время земле шло удачно. Так, клиент Горация Волтей Мена после ряда хозяйственных неудач просил патрона взять обратно данный ему участок [6]). Рабский труд эксплоатировался хищнически: истощалась и расточительно истреблялась самая важная производительная сила—живой человеческий труд; рабы рассматривались как живой хозяйственный инвентарь, как рабочий скот [7]). Может быть, их можно даже экономически приравнять к мертвому инвентарю,—к машинам. В начале империи, когда распространение рабского труда достигло высшего своего развития, он был организован самым хищническим образом: рабы жили в общих казармах, не признавалось их регулярных брачных союзов, заботились о их приплоде, как о приплоде скота, выбрасывали на голодную смерть стариков и инвалидов [8]). Впрочем, уже при Колумелле положение земледельческих рабов улучшилось сравнительно с индустриальными: первые получили земельный участок

---

[1]) *Salvioli*, Le capit. d. le monde ant., стр. 217.
[2]) *Max Weber*, Romische Agrargeschichte, стр. 241.
[3]) Там же, стр. 240.
[4]) Там же, стр. 242.
[5]) Там же, стр. 250.
[6]) *Гревс*, Очерки из истории римского землевладения, Спб., 1899.
[7]) *Моммсен*, Римская история, I, стр. 831.
[8]) *Max Weber*, Röm. Agrargesch, стр. 272.

в прекарное владение—peculium,—и для них установлен был правильный моногамический брак [1]).

На предшествующих страницах дан уже материал и для характеристики тех новых социальных отношений, которые стали слагаться в римской державе I века до Р. Х. Значительная часть крестьянства, как мы видели, подверглась пролетаризации [2]), причем новый пролетариат, переходя в Рим и сохраняя пока полноту своих гражданских и политических прав, продолжая оставаться державным народом, не становился пролетариатом, производящим новые ценности, а принимал характер люмпенпролетариата, принижался до положения пролетариата потребительского, содержащегося на счет государства. Уже в III в. начинаются для него хлебные раздачи и игры, зрелища на счет казны, государства [3]). Гай Гракх в конце II в. возвел это в закон, формально проведенный и принятый. При Цезаре и Августе раздачи хлеба и даровые зрелища стали постоянными. Цезарь выдал каждому гражданину по 300 сестерций, каждому солдату по 80 тысяч сестерций, произвел совершенно бесплатную раздачу хлеба и масла и устроил публичный банкет для всех граждан [4]).

Образовался также огромный класс рабов, угнетенный и приниженный, постоянно волновавшийся, причем вожди рабов—Эвн, Спартак и другие—соединяли под знаменем восстания сотни тысяч [5]) этих действительно производительных пролетариев, страшно угнетаемых и грубейшим образом эксплоатируемых. Только Август и Тиберий, введя надзор за рабскими мануфактурами (ergastula), установив нечто вроде фабричной инспекции [6]), несколько умерили безумное хищничество рабовладельцев; впрочем, и эта инспекция не столько умерила эксплоатацию рабского труда, сколько проверяла, не держатся ли в качестве рабов свободные люди.

---

[1]) Там же, стр. 274.

[2]) *Ферреро,* Величие и падение Рима, III, стр. 263.

[3]) *Моммсен,* Римская история, I, стр. 807—808.

[4]) *Ферреро,* Вел. и пад. Рима, III, стр. 289.

[5]) *Niese,* Grundr. d. Röm. Gesch., стр. 167.

[6]) *Weber,* Röm. Agrargesch., стр. 242.

Колоны — арендаторы мелких участков — не только обязаны были барщиной кроме долевого оброка, но подлежали и вотчинной юстиции и полиции землевладельца [1]), так что в сущности были или по крайней мере становились крепостными. Развитие колоната было, впрочем, главным образом еще впереди.

Наконец, усилились и умножились два новых класса — торгово-промышленная и банкирская, биржевая, ростовщическая буржуазия и приспособлявшееся к торговому капитализму новое землевладельческое дворянство. Напрасно сенат пытался поддержать остатки старой муниципально-феодальной аристократии:—она неудержимо и непрерывно перерождалась в новое торгово-капиталистическое дворянство. И в сущности стремления сената оградить ее от гибели и усилить привилегиями только способствовали этому перерождению. Так, сенат давал своим членам legationes liberae—право путешествовать даром даже по частным делам,—пользоваться даровой квартирой при остановках и средствами перевозки для себя и своей свиты [2]),—все это только втягивало привилегированных в выгодные торговые операции и постепенно меняло их социальную природу. И проконсульство и пропреторство—это феодальное господство римского нобилитета над провинциями—обогащало старую аристократию капиталами и прививало вкус к коммерческим операциям разного рода, т.-е. действовало в том же направлении соцального перерождения.

Сочетание новых общественных сил на ряду с новыми экономическими проблемами, стоявшими перед Римской державой, окончательно разрушило остатки муниципального феодализма, давно уже разлагавшиеся, и дало торжество новой самодержавно-дворянской монархии в политическом строе.

Но и в Риме, как и в Греции, не обошлось без попыток приспособления старых муниципально-феодальных форм к новому экономическому и социальному содержанию. Первая из таких попыток связана с именем братьев Гракхов—Тиберия и Гая.

---

[1]) Там же, стр. 260.
[2]) *Ферреро,* Вел. и пад. Рима, I, стр. 134.

Тиберий Гракх был типический римский народник, сторонник восстановления старого римского крестьянства, в котором он видел спасение муниципального строя от гибели. Он хотел восстановить с этою целью старый закон Лициния и Секстия о том, что ни один гражданин не может оккупировать из общественной земли более 500 югеров и по 250 югеров на каждого из двух (но не более) своих сыновей, если таковые имеются. Остальная часть общественной земли должна была поступить в неотчуждаемую собственность безземельных граждан за ежегодный оброк в казну. Он предлагал также для уничтожения пролетариата или по крайней мере для уменьшения его численности вывести колонии в имения пергамского царя Аттала, завещавшего свое царство Риму. Тиберию Гракху сопротивлялся его товарищ по трибунату Гней Октавий, и Гракх нарушил неприкосновенность трибуната, настояв перед народом на лишении Октавия трибунских полномочий. Закон Тиберия Гракха прошел, и для его выполнения назначена была особая комиссия из трех лиц — tresviri agris judicandis adsignandis; состав этой комиссии должен был обновляться ежегодно, и на первый год в нее были выбраны сам Тиберий Гракх, его брат Гай и зять Аппий Клавдий. Но реформа Гракха сама по себе помешала ее полному осуществлению: сторонниками ее, естественно, были те, кто стремился сесть на землю; значительная их часть и получила землю по проведенному закону и согласно решению комиссии трех; поэтому у Тиберия Гракха не оказалось большинства на выборах в трибуны 132 года, и он был забаллотирован. Сенаторы во время выборов обвинили его в стремлении к царской власти и убили. Но его закон формально не был отменен и должен был выполняться, хотя на деле почти уже не имел значения [1]).

Десять лет спустя Гай Гракх продолжал дело брата, но поставил его так, чтобы об'единить вокруг реформы возможно больше разнообразных сил, оппозиционно на-

---

[1]) *Моммсен,* Римс. ист., I, стр. 87 и след.; *Niese,* Grundriss der Röm. Gesch., стр. 169—170; *Ферреро,* Величие и падение Рима, I, стр. 48—49.

строенных против сенатской муниципально-феодальной аристократии. Став в 123 г. до Р. Х. трибуном, Гай Гракх прежде всего возобновил действие аграрного закона Тиберия Гракха. Этим он привлек на свою сторону тех пролетариев, которые не исцелились еще от крестьянской жадности к земле и мечтали вернуть себе прежнее собственническое положение. Но Гай Гракх понимал, что большинство пролетариев уже навсегда порвало с землей и проникло другими, потребительско-городскими интересами и стремлениями. И потому он предложил для них lex frumentaria—закон о продаже гражданам хлеба из казны по умеренным ценам, а также lex militaris—об ограничении дисциплинарной власти вождей армии с целью облегчения положения солдат. Далее Гай Гракх хотел опереться на союзников, т.-е. жителей Италии, и потому настоял на осуществлении проведенного еще в 125 году консулом Фульвием Флакком закона о даровании жителям Италии прав римского гражданства. Наконец, с целью привлечения симпатий всадников, крупных капиталистов, занимавшихся откупами податей, и для стеснения сенатской администрации и ее усмотрения Гай Гракх провел, с одной стороны, откуп государственного налога в Азии—десятины, а с другой—lex indiciaria, по которому сенаторы во многих судах были заменены всадниками. Благодаря такой искусной политической тактике Гаю Гракху удалось пройти в трибуны и на выборах следующего года. Тогда сенат употребил по отношению к нему демагогический прием политической борьбы: сенатскую партию поддерживал товарищ Гая Гракха по трибунату Ливий Друз, и он, чтобы отвлечь от Гракха симпатии масс, делал демагогические, более крайние, радикальные предложения: если, напр., Гай Гракх предлагал дешевую продажу хлеба из казны, Ливий Друз предлагал даровое снабжение хлебом и т. д. Эта тактика имела успех: на третий год Гай Гракх не был выбран, поднял восстание, был убит, и с ним погибли до 3.000 чел. его сторонников [1]).

---

[1]) *Моммсен*, Римс. ист., I, стр. 105 и след.; *Niese*, Grundr. d. Röm., Gesch, стр. 171—174; *Ферреро*, Вел. и пад. Рима, I, стр. 55—61.

Из законов Гая Гракха остались в силе lex indiciaria и аграрный закон, но последний был изменен так-называемыми законами Тория (lex Thoria), из которых первый был издан в 118 или 114 году и содержал в себе уничтожение оброка за землю, отданную в мелкое владение (assignatio) из государственной земли, и прекратил дальнейшую сдачу в аренду, а второй, изданный в 111 г., об'явил, что вся государственная земля, и оккупированная крупными хозяевами, и ассигнированная мелкими, об'явлена была частной собственностью, подлежащей отчуждению [1]). При развитии торгового капитализма это было естественно, и эта именно общая экономическая атмосфера сделала тщетными аграрные попытки Гракхов; мелкое землевладение сохранилось лишь отчасти, и преобладать стало крупное землевладение оккупантов и скупщиков мелких участков [2]), а также лиц, обогащавшихся землей во время проскрипций и сопровождавших их конфискаций. Проскрипции и конфискации вовсе не уничтожили крупного землевладения, как думают некоторые исследователи [3]), а перемещали крупные владения из одних—муниципально-феодальных рук в другие—будущие дворянские, служилые, более способные вести хозяйство на торгово-капиталистической основе.

При всех попытках повернуть колесо истории назад в деятельности Гракхов, в особенности Гая Гракха, заметно уже много нового. В этом новом был один элемент, который имел существенное значение для хода дворянской революции в древнем Риме. Гракхи хотели эту революцию предотвратить, вернуть Рим вспять—к чистому, беспримесному муниципальному феодализму с крепкой крестьянской основой. Но, борясь за свои цели, они проявляли признаки диктатуры: именно поэтому Тиберий Гракх нарушил неприкосновенность трибуната, а Гай Гракх, повидимому, прямо рисовал себе картину собственного демократического цезаризма посредством ежегодных перевыборов в трибуны [4]).

---

[1]) *Niese*, Grundr. d. Röm. Gesch., стр. 174; *Ферреро,* I, стр. 65.
[2]) *Ростовцев*, Римский колонат.
[3]) *Ферреро,* Вел. и пад. Рима, III, стр. 186.
[4]) *Моммсен,* Римс. ист., II, стр. 116.

Это было новшество, унаследованное и перехваченное вождями армии и в первую очередь Марием.

В деятельности Мария самым важным является его военная реформа, состоявшая в улучшении вооружения и строя, а главное в новом способе пополнения армии: он стал набирать солдат из пролетариев [1]), которые видели в вожде источник всяких выгод, удовлетворения их стремления выбиться в круг состоятельных людей и потому были всецело преданы этому вождю. Таким путем создана была твердая почва для цезаристских попыток и успехов: появилась для них материальная сила и опора, обладавшая высшей активностью.

Марий долго поддерживал притом демократическую политику, опираясь на крестьянство, пролетариат, ремесленников и капиталистов [2]). Поэтому были проведены в 104 году lex Cassia, по которому осужденный народом и смененный магистрат навсегда терял свое место в сенате, а потом lex Domitia, которым установлено было замещение должности понтификов и авгуров не кооптацией, а выбором народа [3]). Одно время Марий действовал рука об руку с крайними демагогами—Сатурнином и Главцией, которые носились с планами аграрной реформы,—обещали ветеранам земли в северной Италии, а также стояли за понижение цен на выдаваемый пролетариям за плату из казны хлеб [4]).

Но политика крайней демократии была не по душе капиталистам-всадникам, и они порвали с демократической партией из страха перед Сатурнином и вступили в соглашение с сенатской партией. Марию пришлось выбирать, и на этот раз он пошел вслед за всадниками и сенаторами; Сатурнин был убит. Его политику продолжал Ливий Друз, который вместе с тем обещал права римского гражданства союзникам-италикам, но также был убит. Он же теперь, после разрыва демократов

---

[1]) Там же, II, стр. 194 и след.; *Niese*, Grundr. d. Röm. Gesch., стр. 181—182; *Ферреро*, I, стр. 69.

[2]) *Ферреро*, Вел. и пад. Рима, I, стр. 69.

[3]) *Niese*, Grundriss der Röm. Gesch., стр. 185.

[4]) *Ферреро*, Вел. и пад. Рима, I, стр. 80.

с капиталистами, высказывался против всаднических судов по административным делам [1]).

Последовавшая затем союзническая война и дарование гражданских прав всем италикам усилили демократическую партию, и она проявила в начале I века до Р. Х. усиленную активность; народный трибун Марк Плавций Сильван в 89 г. провел закон, по которому суд по делам административной юстиции отбирался у всадников и передавался особой коллегии, выбиравшейся народом, по 15 человек от каждой трибы. В то же время претор Авл Семпроний Азеллион восстановил действие старых законов против ростовщичества. Наконец, народный трибун Сульпиций Руф провел, вопреки консулам и сенату, включение во все трибы новых граждан и вольноотпущенников [2]).

Эти победы и достижения демократов были ликвидированы торжеством Суллы, который силой добился своего назначения главнокомандующим армией против Митридата, царя понтийского, вместо Мария, причем Сульпиций Руф был убит, законы его отменены, Марий бежал, власть народных трибунов была ограничена, решения комиций поставлены были в зависимость от утверждения их сенатом, законодательная власть с этим ограничением оставлена была только за центуриат-комициями, собрания по трибам были ее совершенно лишены, сенат пополнен тремя стами новых членов, а ветеранам обещаны колонии [3]).

Этот первый ряд реакционных мероприятий Суллы был прерван его походом против Митридата и торжеством во время его отсутствия в Риме марианцев, во главе которых после седьмого консульства и смерти Мария встал Цинна. Он восстановил законы Сульпиция Руфа, отменил нововведения Суллы и подверг преследованиям сенатскую партию [4]).

Возвратившись из победоносного похода против Митридата, Сулла вернул себе власть и произвел второй

---

[1]) *Niese*, Grundr. d. Rom. Gesch., стр. 186—187.
[2]) Там же, стр. 196—197.
[3]) Там же, стр. 203—205.
[4]) Там же, стр. 197—198.

ряд государственных перемен в том же духе, какой свойствен был первому ряду. Жестоко расправившись с политическими противниками, Сулла в 82 году по особому закону получил диктаторские полномочия. Он восстановил прежние свои законы об ограничении законодательной власти комиций и полномочий народных трибунов, лишил народных трибунов права быть избираемыми в другие магистратуры, суды по должностным преступлениям передал в руки сенаторов, улучшил и умножил уголовные суды, увеличил число преторов до восьми и квестеров до 20-ти, ввел опять жреческую кооптацию, увеличил состав сената на 300 человек, выбираемых народом из всадников, сенат сделал главным органом управления, пополнил казну новыми налогами на провинции, союзные города и вассальных царей и путем доходов от продажи храмовых имуществ, уничтожил раздачу хлеба народу [1]). Как бывает при всякой реакции, не все меры Суллы оказались возвратом назад к муниципиальной олигархии. Он вынужден был приспособляться к новым условиям и создавать новые порядки. Сюда относятся также меры, как упорядочение финансов, распродажа храмовых имуществ, изменение состава сената с уступкой капиталистам, улучшение уголовных судов, претуры и квестуры. А главное новыми были чрезвычайные диктаторские полномочия Суллы, и хотя он их сложил в 79 г., но все же явился продолжателем традиции той военной диктатуры, первый образец которой дал его соперник Марий.

Олигархическая реакция продержалась недолго, — всего до 70 года до Р. Х. Потом снова началось наступление демократии. В 70 году восстановлена была власть народных трибунов в прежнем об'еме, по lex Aurelia административную юстицию стали ведать особые суды, составленные на одну треть из сенаторов, на другую треть из всадников и на третью треть из tribuni aerarii, которые по положению своему были близки к всадникам [2]). В начале 63 года народный трибун Сер-

---

[1]) Там же, стр. 203—205; *Форреро*, Вел. и пад. Рима, I, стр. 104—105.

[2]) *Niese*, Grundr. d. Röm. Gesch., стр. 210.

вилий Рулл внес проект аграрного закона: он предложил выбрать на 5 лет комиссию из 10-ти человек для определения количества ager publicus в Италии и вне ее и для раздела всей этой земли между безземельными гражданами [1]). Этим предложением воспользовался Серий Катилина, чтобы устроить свой заговор, причем он обещал также облегчение долгов [2]). Он пытался вступить в соглашение с вождями демократии и капиталистов—Цезарем и Крассом, но это ему не удалось: Цезарь был слишком осторожен, а Красс видел противоречие между программой Катилины и своими классовыми интересами [3]). Усилиями Цицерона, который начал свою карьеру как противник сенатской партии особенно в знаменитом процессе против Верреса, но потом, после долгих колебаний, стал защитником муниципально-феодальной олигархии [4]), Катилина был изобличен, бежал из Рима. Потом он был разбит и убит в сражении.

Следующий затем удар погибавшему и разлагавшемуся муниципально-феодальному строю нанес так-называемый первый триумвират Цезаря, Помпея и Красса. И когда Красс погиб в борьбе с парфянами в Азии, Цезарь завоевывал Галлию, а Помпей сблизился, оставшись в Риме, с сенатской партией, то об‘ективная необходимость новой самодержавно-единовластной, монархической государственности была так сильна, что сам сенат дважды облекал Помпея чрезвычайными полномочиями,—один раз для того, чтобы усмирить пиратов на Средиземном море и обеспечить доставку продовольствия в Италию и морскую торговлю Римской державы, причем Помпею подчинены были правители по всему побережью Средиземного моря; другой раз Помпей был об‘явлен единственным, единовластным консулом, consul sine collega вследствие смут, вызванных убийством Клодия Милоном [5]).

---

[1]) Там же, стр. 224—225.

[2]) Там же, стр. 225; *Boissier*, La Conjuration de Catilina, 1905 стр. 154.

[3]) *Ферреро,* Вел. и пад. Рима, I, стр. 247.

[4]) Там же, I, стр. 170 и след.

[5]) Там же, I, стр. 200; *Niese,* Grundriss d. Röm. Gesch стр 239.

Разрыв Цезаря с Помпеем, поражение и гибель Помпея создали диктатуру Цезаря. Он воспользовался ею, чтобы дать ветеранам землю в Италии, Испании и Галлии, причем вне Италии устроено было до 80 тыс. чел. колонистов. Он ввел много новых людей в сенат, чтобы сделать его себе покорным, разделил суды между сенаторами и всадниками, устранив из них tribuni acrarii, но главное — употребил все усилия для упорядочения управления и для подчинения его строгому надзору и контролю: число квесторов он довел до 40, эдилов до 6-ти, преторов до 10-ти, потом даже до 14-ти и 16-ти, улучшил уголовное право и судопроизводство, увеличил число провинций, издал lex Julia municipalis — об устройстве и управлении городов в Италии, упорядочил римский календарь, введя египетский солнечный год [1]). Сверх того, Цезарь утвердил скидку квартирной платы в Риме ниже 2.000 сестерций, а в других городах Италии менее 500 сестерций, запретил залог земли более определенной ее площади и установил принудительный заем у богатых граждан и городских общин [2]). Программа Цезаря сводилась к щедрости в отношении к народу, административным реформам и крупным военным предприятиям [3]). Осуществить ее полностью ему не удалось вследствие республиканского заговора и насильственной его смерти 15 марта 44 г. до Р. Х.

Вь.бираясь не раз диктатором, консулом, трибуном, Цезарь не принял предложенной ему Антонием публично царской власти. Но на деле он был несомненным самодержавным монархом, при котором сенат и народное собрание не имели самостоятельного значения. Ему дан был титул императора, и он провозглашен был богом; власть его как бы освящалась божьею милостью.

Монархический переворот в Риме был завершен Октавианом после второго триумвирата и поражения Антония. Власть Октавиана не была формально монархической, но как император он был начальником армии, как princeps, первый гражданин являлся главой гражданского

---

[1]) *Niese,* Grundriss der Rom. Gesch., 253—254.
[2]) *Ферреро* Вел. и пад. Рима, II, стр. 262.
[3]) Там же, II, стр. 279.

управления и имел право об'явления войны, заключения мира и договоров с иностранными державами. Все время своего правления он был консулом, причем до 23 г. до Р. Х. избирался в консулы ежегодно, а потом консульство было присвоено ему навсегда, без ежегодных выборов; бессменно был Октавиан также народным трибуном. Он являлся, наконец, членом и главой всех римских жреческих коллегий, а по смерти Лепида в 12 г. до Р. Х стал pontifex maximus [1]), так что римская церковь и государство подчинились новой дворянской государственности. Некоторые исследователи склонны ослаблять и даже отрицать всякое значение деления провинций Римской империи на сенатские и императорские и казны на сенатский эрарий и императорский фиск [2]). Но реальность такого деления не подлежит сомнению [3]) и напоминает русское деление при Иване Грозном за опричнину и земщину, тем более, что, как это твердо установлено, только со времен императора Клавдия фиск стал государственным достоянием, раньше же он был частным достоянием императора. Титул Августа давал Октавиану и его власти религиозное освящение [4]).

При Тиберии была установлена политическая полиция, императорская гвардия преторианцев, отменены были народные собрания [5]). Дворянская революция в Риме в отношении политическом тогда оказалась совершенно законченной.

Переворот, пережитый в I в. до Р. Х. и в начале I в. после Р. Х. древним Римом, оставил глубокие следы в духовной культуре. Мы уже видели, что в конце предшествующего периода римская религия подверглась греческому влиянию, сблизилась с эллинским антропоморфизмом. Теперь прибавилось еще одно новое влияние—тоже греческое, именно влияние философии.

Три течения эллинской философской мысли оказали влияние на Рим: стоицизм, эпикурейство и философия Платона. Платоновская философия сделалась достоянием,

---

[1]) *Niese*, Grundriss d. Röm. Gesch., стр. 284—285.
[2]) *Ферреро*, Вел. и пад. Рима, III.
[3]) *Niese*, Grundr. d. Rom. Gesch, стр. 285.
[4]) Там же, стр. 284.
[5]) Там же, стр. 288.

однако, лишь немногих, эпикурейство, ставшее в противоречие с религией вообще, служившее оплотом неверия, атеизма, и стоицизм, пришедшийся как раз по мысли и по вкусу большинству новой римской интеллигенции. Стоицизм учил о божестве, как душе мира и об одухотворенности отдельных частей природы, следовательно, и о существовании низших богов [1]). Он не разрушал, следовательно, а только углублял и рационализировал старую римскую народную религию, т.-е. выполнял ту же самую историческую роль, какая выпала на долю реформации в новой Европе. Неудивительно, что в виду такого соответствия рационалистическому и индивидуалистическому духу времени, как он отразился в сознании мыслящей интеллигенции, стоицизм распространялся и поэтом Луцилием, и Сцеволой, который был pontifex maximus, и Варроном [2]). Философский эклектизм Цицерона также носит на себе печать сильного стоического влияния.

Но, конечно, эти умствования интеллигенции не могли быть восприняты всецело той новой монархией, первыми представителями которой были Цезарь, Август и Тиберий. Эта монархия нуждалась в монархической религии. И Август, восстановляя религию, жречество и храмы, делал это в духе греческого, а не древне-римского обряда. На первый план были выдвинуты Аполлон и Диана, как боги—хранители императорского дома. Став верховным понтификом, Август окончательно подчинил религию государственной власти. Главные боги и храмы теперь — Аполлон Палатинский, Веста Августа, Марс Мститель (за смерть Цезаря), храм божественного Юлия. В первые два столетия империи религия принимает династический и придворный характер; чтятся особенно и имеют успех культы „божественных императоров“, прежде царствовавших, и „Гения Августа“, царствующего теперь [3]).

В литературе римской мы встречаем прежде всего таких представителей классической трагедии, как Паку-

---

[1]) *Зелинский*, Из жизни идей, III, стр. 63—64.

[2]) *Wissowa*, Religion und Kultus der Romer, Munchen, 1902, стр. 63.

[3]) Там же, стр. 68—71.

вий и Акций. Лукреций поэтически популяризовал в своей поэме „О природе вещей“ философский материализм. Но поэтическое творчество эпохи нашло себе высшее и весьма характерное выражение, с одной стороны, в таких высокоодаренных поэтах, как Катулл и Овидий, с другой — в придворной поэзии Вергилия и Горация.

Катулл—один из величайших лириков не только римской, но и мировой литературы. Основная тема его элегий—любовь со всеми ее перипетиями. Здесь ярко выразился романтический, индивидуалистический и бурный дух эпохи. Поэзия Катулла показывает, как далеко ушла духовная культура новой римской интеллигенции от старых феодальных преданий [1]).

Овидий жил уже в эпоху императорского Рима, при Августе. Он был таким же высокоталантливым лириком, как и Катулл. Богатый и счастливый, он пользовался успехом до 50 летнего возраста. Век, в который он жил, был ему, по собственному его выражению, по вкусу. И он выразил в своей поэзии его отличительные черты. В своих „Героидах“ — письмах влюбленных, но покинутых женщин греческой мифологии, он пользуется мифологическими сюжетами только как формой, прикрытием, „заигрывает с прошлым, говорит о нем с улыбкой на устах“, а на деле изображает современных ему светских женщин. Он напоминает тут поэзию Ариоста. „Amores“ Овидия — подлинная история любовных увлечений его рассеянной юности. „Искусство любви“ предназначено для женщин легкого поведения и легкомысленных нравов. Придворная лесть отравила своим дыханием и поэтический гений Овидия: в „Amores“ он называет Августа богом, а в „Фастах“ и „Метаморфозах“ доводит лесть до крайности. „Искусство любви“ и участие в какой-то придворной скандальной истории привели Овидия в ссылку на северный берег Черного моря, около нынешней Одессы, где он и умер, страдая, как рыба без воды, без столичного воздуха и светских гостиных и будуаров [2]).

---

[1]) *Корш*, Римская элегия и романтизм, М. 1899.

[2]) *Буасье*, Картины древне-римской жизни. Спб. 1896, стр. 84—126.

Вергилий и Гораций по таланту стоят гораздо ниже Катулла и Овидия. Но они характерны, типичны, как резюме, результат своей эпохи, как типичные, законченные представители дворянской, придворно-монархической, классической поэзии.

Вергилий прежде всего замечателен тем, чем замечательны Саннацаро и его многочисленные двойники в западно-европейских странах XVI века: он писал пастушеские и сельскохозяйственные идиллии, „Буколики“ и „Георгики“. Несомненно, эти произведения носят на себе печать светского, галантного сантиментализма и приходились по вкусу современному Вергилию светскому обществу. „Энеида“ — образец классической героической поэмы со всей ее внешней красивостью, льстивостью и величественностью опять-таки совершенно в духе времени и во вкусе культурного дворянства и придворных кругов [1]).

Гораций в своих одах и эподах тоже льстит тонко, умно, без грубой подчеркнутости, а в сатирах смеется беззлобно над личными недостатками, не придавая общественного содержания своему творчеству. Как и Вергилий и даже больше, чем Вергилий, Гораций—человек здравого смысла, чувства меры, совершенно уравновешенный и трезвый. И это-то и делает его настоящим классиком, представителем дворянской поэзии. Порядок, покой, мирные наслаждения—вот идеал Горация, и осуществление его он видел в империи Августа [2]).

Типичными и наиболее даровитыми писателями-прозаиками эпохи дворянской революции в Риме были Цицерон, Цезарь, Саллюстий и Тит Ливий.

Деятельность Цицерона как политика, философа и оратора нашла себе уже частичное освещение в предшествующем изложении. Выскочка, новичек, провинциал по происхождению, мастер стиха, ясного и изящного красноречия более близкого по характеру к Демосфеновскому, хотя и уступавшего последнему в простоте и

---

[1]) *Sainte-Beuve*, Etude sur Virgile; Boissier, Nouvelles promenades archéologiques.

[2]) *Ribbeck*, Geschichte der römischen Dichtung, II; *Благовещенский*, Гораций и его время.

силе, Цицерон как адвокат и оратор успешно состязался со своим соперником Гортензием, таким же пышным, великолепным, изысканным ритором, каким в Афинах был соперник Демосфена Эсхин. Происхождение сблизило Цицерона сначала с демократической партией, и отсюда произошли его знаменитые речи против Верреса, наместника Сицилии. Но талантливый и преуспевающий адвокат скоро приспособился к окружающей действительности, нажил себе хорошее состояние, сблизился с сенатской партией, сыграл в ее рядах видную, хотя и не руководящую, роль. Более оратор и писатель, чем политик, он оказался верен оппортунистическому эклектизму и философии. Он обладал большим литературным талантом, питавшимся живой впечатлительностью и тонкой восприимчивой чувствительностью и был вместе с Цезарем создателем классической латыни [1]).

Цезарь получил прекрасное образование, много путешествовал, наслаждался жизнью, делал долги, славился щедростью еще в молодости, был элегантен, отличался живостью и нервностью, был жаден до наслаждений, энергичен, одарен способностями ко всем видам умственной деятельности. Особенно изучал он астрономию, тактику и стратегию, был артист и ученый в душе.

Но всего более он был полководец и политик. При всех увлечениях он обладал трезвым и уравновешенным умом, делавшим из него настоящего государственного человека [2]). Его литературная деятельность имеет характер мемуаров. Его уличают подчас в прикрашивании своих побед и в смягчении неудач, но в общем и целом мемуары Цезаря отличаются большой достоверностью, являются одним из важнейших источников изучения быта древних галлов и германцев и написаны замечательно простым, ясным, сжатым и сильным языком.

Саллюстий, автор двух исторических сочинений—„О Югуртинской войне“ и „О заговоре Катилины“ был сыном своего века. Для него личный интерес был всем. Он любил славу, литературу и искусство и подлаживался

---

[1]) *Буасье*, Цицерон и его друзья, стр. 23—46

[2]) *Моммсен*, Римск. ист., III, стр. 399—402; *Ферреро*, Величие и падение Рима, I, стр. 188—192.

ко всем партиям. Он писал на темы, интересовавшие публику. С точки зрения источников „Заговор Катилины“ гораздо ниже „Югурты“: и теперь можно видеть, что автор в первом из этих произведений не использовал надлежащим образом материалов, тогда как второе составлено на основании знакомства с мемуарами Эмилия Скавра, Рутилия Руфа, Суллы, с сочинением Сизенны и даже с написанным по-финикийски трудом царя Гиемпсала. Как стилист Саллюстий очень оригинален, столь же индивидуален, как и человек: он пишет отрывочными фразами, изысканным языком, в котором архаизмы и необычные слова перемешиваются с простой народной речью [1]).

Тит Ливий, историк, живший при Августе, имел в своем произведении патриотическую и риторическую задачу, далекую от научных целей. Демократ по убеждениям, так что Август в шутку называл его помпеянцем, и горячий патриот, он хотел своим сочинением прославить свой народ и город и муниципально-феодальные порядки. Первоисточников он не собирал и не исследовал, а пользовался своими предшественниками-анналистами, хотя, может быть, и не так буквально, как предполагали некоторые исследователи. Мало достоверный в древней истории, рассказ Ливия приобретает большую важность при приближении к более поздним временам, особенно начиная с пунических войн. Как историк-художник Тит Ливий представлает собою во всяком случае весьма выдающееся явление [2]).

Мы видим таким образом, что и психология и духовная культура Рима в период дворянской революции, в нем происходившей, отличалась большим богатством и разнообразием и очень большой новизной сравнительно с предшествующим временем.

---

[1]) *Boissier*, La conjuration de Catilina, стр. 7—16.

[2]) *Taine*, Essai sur Tite-Live; *Nitzche*, Römische Annalistik. См. также работы Ниссена и пр.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Общая характеристика периода дворянской революции.

Сравнительно-историческое изучение ряда периодов в истории культуры разных народов и стран древнего и нового мира, произведенное на основе исторического материализма или экономического истолкования истории без грубых крайностей в применении этого метода, в предположении, что только в последнем счете все сводится к экономическому базису, и, наконец, с принятием во внимание основных методов и достижений современного исторического знания, развернуло перед нами картину смены ряда критических и органических эпох, последовательно связанных между собою и взаимно различающихся прежде всего по темпу и напряженности своего течения, а также по степени своеобразия и оригинальности. Бросая общий взгляд назад на исследованные уже нами моменты или этапы социальной динамики, мы видим, что чем примитивнее период, чем ближе он к началу развития, тем медленнее, спокойнее и однообразнее протекает эволюция. Первые периоды в истории всякой культуры требуют для своего движения многих десятков тысячелетий, потом несколько столетий, причем процесс идет большею частью без особых бурь, хотя и с многочисленными жертвами суровой повседневной действительности и с внешними катастрофами гибели многих зачаточных или не переживших всех периодов культур; наконец, чем примитивнее период, тем более сходно его течение в разных культурах, тем меньше встречается своеобразных отклонений, требующих специального научного об'яснения.

Все эти общие наблюдения и выводы, вытекающие из исследования отдельных моментов первобытной культуры, культуры дикарей, периода феодальной революции и, наконец, развитого феодализма с его разложением, получают полное и решительное подтверждение при изучении дворянской революции в разных странах.

Период дворянской революции, как видно из того, что изложено в IV, V и VI томах нашего труда, протекал прежде всего несомненно быстрее, чем предыдущие периоды: 100, 150, 175, 200 лет, редко больше—вот продолжительность этого периода. Темп общественного развития эволюции материальной и духовной культуры в этот период оказался ускоренным сравнительно с предыдущими. Это во-первых.

Во-вторых, период дворянской революции оказывается наиболее бурным из всех предыдущих—не только органических эпох (это вполне понятно и естественно), но и эпох критических.

В третьих, дворянская революция является периодом несравненно более сложным, чем предшествующие: на историческую сцену в это время выступают более многочисленные, резко расчлененные и новые общественные силы, чем в значительной степени затрудняется изучение их соотношения и сочетания. Это изучение в очень большой степени облегчается именно применением сравнительно-исторического метода и метода исторического материализма.

Наконец, в четвертых, мы еще ни разу не наблюдали в прошлом такого своеобразия и оригинальности, таких важных и многочисленных отклонений от общей нормы, как в период дворянской революции. Правда, оригинальность культурной эволюции и в прошлом, при обозрении предыдущих периодов все увеличивалась, росла, и она достигла очень значительных размеров в период феодализма. И, конечно, этим своеобразием в развитии феодализма у разных народов об‘ясняется в значительной степени и оригинальность хода дворянской революции. Но все же никогда прежде своеобразие не достигало такой высоты, как в период дворянской революции. Тем более пристального внимания и глубокого научного анализа оно требовало. И резуль-

таты не были бы успешны, если бы отказаться от применения сравнительно-исторического метода и метода исторического материализма. Именно применение этих методов дополнительно к той специальной научно-иследовательной работы, которая произведена рядом ученых раньше, и в согласии с ней, при надежной ее опоре, дало возможность внести стройность, порядок и ясность туда, где раньше многое представлялось смутным и хаотичным. И только при помощи этих методов оказалось возможным и самое точное установление и научное, не метафизическое и не мистическое, об'яснение всех отклонений, своеобразий, оригинальностей.

Нам предстоит теперь формулировать общую закономерность развития общественных явлений в период дворянской революции и в их сходстве и в различиях, ему в разных местах свойственных, социологически свести воедино наблюдения и выводы, сделанные на основе изучения конкретного исторического материала. Это и является задачей того отдела социологии, который носит название социальной динамики.

Основная черта сходства между всеми странами, переживавшими период дворянской революции, в хозяйственном отношении заключается в том, что все они в это время испытали переход к товарному или денежному хозяйству или к торговому капитализму, т.-е. к тому строю хозяйственных отношений, когда крупный капитал в разных видах начинает играть главную, определяющую роль по преимуществу, если не исключительно, в обмене, лишь отчасти прямо захватывал область производства, но в большинстве случаев лишь косвенно на нее воздействуя.

Но уже этот основной момент, характеризующий экономику периода дворянской революции и общий всем странам, ее переживавшим, сопровождался некоторыми оригинальными отклонениями от общей нормы прежде всего именно в России: везде это был переворот, хозяйственная революция, но нигде она не была столь резкой и крайней, как именно в России; и потому нигде не было того тяжкого экономического кризиса, какой произошел в России в первый же момент русской дворянской революции. И в других странах разорение и кри-

зис в данный период, хотя не всегда и уж во всяком случае не в такой степени, были, но они там явились следствием общественных бурь и войн, сопровождавших дворянскую революцию. И у нас эти бури и войны были и повлияли в том же смысле и направлении, но им предшествовало нечто иное, чего не было в других странах: экономический кризис, вытекавший, как мы видели, из того, что за новыми хозяйственными условиями, сущностью которых был переход к торговому капитализму, не поспела юридическая надстройка форм землевладения, что она этим условиям не соответствовала.

Определяя так причины своеобразного русского экономического кризиса, мы тем самым приобретаем ключ и к более глубокому пониманию его происхождения. В самом деле: почему формы землевладения в России в то время не поспели в своем развитии за вновь выдвинувшимися экономическими задачами? Потому, что эти формы землевладения были более отсталыми сравнительно с западно-европейскими. А эта отсталость землевладельческих форм вытекала в свою очередь из отсталости русского феодализма и феодального хозяйства в России, по существу главным образом натурально-хозяйственного, сравнительно с феодализмом и феодальным хозяйством стран Западной Европы, построенным на товарном хозяйстве с местным узким рынком, чему соответствовала там и перестройка землевладельческих форм, раннее достижение свободной отчуждаемости денежного гражданского оборота земли.

Но это своеобразие чисто-экономического процесса перехода к торговому капитализму в России вызвало затяжку и болезненность всего хода хозяйственного развития: пришлось страдать в хозяйственном смысле и от бурь и смут; пришлось выдержать передышку, отдых, залечивание ран; и потом, после этого второго момента роздыха, понадобилось сделать еще один гигантский прыжек вперед при Петре, сопровождавшийся новым разорением, хозяйственным кризисом. Вот почему для завершения процесса победы торгового капитализма в России понадобилось 175 лет, тогда как в Западной Европе и в античном мире для этого нужно было обычно чуть не вдвое меньше,—100 или 100 с небольшим лет.

И все-таки процесс в общем и целом оказался завершенным в первой четверти XVIII века. Почему? Прежде и больше всего, конечно, по причинам внутренним; Россия оказалась достаточно богатой производительными силами, чтобы справиться с экономической проблемой колоссальной трудности. Но повлияло здесь и то, что завершился этот процесс в России уже тогда, когда международное экономическое окружение ушло гораздо дальше вперед, так что эта международная хозяйственная атмосфера способствовала завершению экономической революции в России.

Своеобразным характером русской хозяйственной революции не исчерпывается, однако, экономическая оригинальность дворянской революции в разных странах: были страны с незавершенным или, хотя и завершенным, но замедленным процессом хозяйственного переворота; и, с другой стороны были такие, где процесс экономической перестройки проходил особенно скоро и легко.

Незавершенным оказался процесс экономической революции в Италии и Германии. Здесь повлияло и наследие феодальной эпохи—некоторая отсталось итальянского и немецкого феодализмов, племенной их характер,— и внешние естественные условия: Италия и Германия оказались лежащими не на большой морской дороге западно-европейского торгового капитализма—Атлантическом океане, были вдали от него.

Замедленным, хотя и законченным почти везде, вышел процесс торговой капиталистической революции в странах древнего востока. В Египте и сумеро-аккадо-вавилонской Месопотамии это произошло, надо думать, главным образом оттого, что не было способствующей, благоприятной международной среды, хотя дальнейшие исследования египетского и месопотамского феодализма, в которых чувствуется потребность, должны выяснить, не был ли феодализм этих стран экономически отсталым, как в России, и не оказало ли и это обстоятельство такое же задерживающее, затрудняющее влияние, как и у нас. Сравнительно-историческое изучение ставит таким образом на ближайшую очередь важную научную проблему в области конкретной и исторической науки.

Быстрее и легче всего прошла торгово-капиталистическая революция в Англии, Нидерландах и в античном мире. В античном мире так случилось по преимуществу по той причине, что там они были подготовлены небывало широким развитием муниципально-феодального торгово-посреднического хозяйства, делавшего Афины и Рим передовыми державами своего времени. В Англии и Нидерландах влекла не столько близость к Атлантике,— в этом отношении Испания и Франция от них не отличались,—сколько торгово-посредническая деятельность Нидерландов в предшествующее время и передовой характер английского экономического феодализма, рано, как нам уже известно, приспособлявшегося к обширному, а не только местному, рынку.

Таковы сходства и своеобразия в области хозяйства. Перейдем к сфере социальных отношений, к устройству общества.

Основное сходство здесь—главный строй, сохранение юридического неравенства общественных групп и переход преобладания от феодальной аристократии к землевладельческому дворянству и отчасти к примыкавшей к нему непосредственно богатой торговой буржуазии. Так было всегда и везде в этот период, потому что такая организация общества наилучшим образом приспособлена была к торжествовавшим над преданиями старины торгово-капиталистическим потребностям: классы—организаторы торгового капитализма должны были выдвинуться на первый план, старые господа положения, которые теперь являлись уже об'ективно задержкой, препятствием развитию производственных сил, осуждены были на гибель и действительно погибали.

Но опять-таки были значительные своеобразия отклонения от общей нормы, и они ближайшим и точнейшим образом об'ясняются теми экономическими особенностями разных культур, о которых шла речь выше.

Необыкновенная трудность разрешения торгово-капиталистической проблемы в России породила своеобразие ее нового общественного устройства. Это своеобразие проявилось больше всего в закрепощении крестьян личности землевладельцев, причем полное холопство исчезло, слившись с крепостным крестьянством. Это крепостни-

чество, помогая попутно крестьянской массе справиться с новыми хозяйственными задачами, отвечало главным образом потребности дворян-землевладельцев в рабочей силе и оказалось личным, а не поземельным именно в виду обширности рынка и вытекавшей отсюда необходимости перебрасывать рабочие руки на большие пространства. Западно-европейскому дворянству также, как мы знаем, были не чужды, особенно в конце средних веков, тенденции к личному закрепощению, а русскому крестьянству, не меньше, чем его западно-европейским собратам, присуще было стремление к полной свободе, но там не было той резкости и трудности хозяйственного перелома, как у нас, и потому верх одерживали, хотя и не вполне, не крепостнические, а аболиционистские тенденции, тогда как в России наоборот.

По тем же причинам в России крепостническое начало в устройстве общества захватило и высшие сословия, повело к самозакрепощению и приобретавшего господство дворянства, и это закрепощение держалось в течение всего периода дворянской революции.

Ничего подобного не было в других странах. Только страны древнего востока и античного мира представляли исключение: в тех и других было рабство, причем, впрочем рабы древне-восточных стран данного периода близки к русским крепостным, а античные рабы были несвободны в большей мере, чем где бы то ни было.

Причины всех этих особенностей понятны при свете данных, доставляемых методами исторического материализма и сравнительно-исторического изучения: очевидно, и на древнем востоке дворянская революция была трудным делом, совладать с которым можно было только при помощи крепостничества, а в античном капитализме сделаны были попытки пойти дальше простого торгового капитализма, шире захватить в свои руки производство,— и сделать это, при отсутствии машин, механических двигателей, можно было только беспощадной эксплоатацией рабского труда, трактовкой рабов как живого и мертвого хозяйственного инвентаря.

Самодержавие (монархический абсолютизм) и бюрократия—вот те два общих новых признака, которые характеризуют вновь слагающийся во всех странах в пе-

риод дворянской революции государственный порядок. Везде носителем власти признается при этом общественный союз, представителем которого является монарх—самодержец божиею милостью, а целью государства считается общее благо, причем, конечно, фактически власть принадлежала дворянству, а идея общего блага принимала сословно-дворянскую окраску. Везде политическая победа, захват власти дался дворянству нелегко: приходилось различать три момента борьбы за власть—первоначальную постановку, разгар борьбы, конечную победу.

Но, конечно, там, где особенно резок был экономический перелом, как в России и на древнем востоке,—и террор был сильнее, и смуты длительнее и глубже, и самодержавие и бюрократия приняли более резкие очертания и приобрели преувеличенное развитие.

С другой стороны, в тех странах, в которых, как в Италии и Германии, процесс оказался незавершенным в экономическом смысле,—то же наблюдалось и в политическом отношении: образовалось не общее, а более или менее местное, территориально-дробное самодержавие

Наконец, в античном мире особенность политического развития в эпоху дворянской революции заключалась в попытках приспособления к торгово-капиталистическому содержанию муниципально-феодальных форм, унаследованных от предыдущего периода.

Отличительной чертой духовной культуры всех стран, переживавших период дворянской революции, является индивидуализм разных оттенков в психологии правящих классов общества, причем психологическая их эволюция начинается обыкновенно двумя струями, в одной из которых видна религиозная примесь, а другая отличается большей чистотой и новизной, а затем в процессе дворянской революции постепенно вырабатывается двойственная эгоистически-индивидуалистическая дворянская и крупно-буржуазная психология. Что касается классов подчиненных, то у них слагается протестующее, оппозиционное настроение. При этом везде характеризованной сейчас психологии соответствуют перемены и в отдельных отраслях духовной культуры,—в религии, литературе, науке, философии и искусстве.

И опять-таки есть особенности у отсталых и передовых стран. Россия и по завершении дворянской революции лишь относительно и условно, далеко не вполне догнала Западную Европу. Поэтому и ее духовная культура далеко не достигла той яркости и глубины, как там. Зато в России было более высоко и резко выражено оппозиционное настроение угнетенных классов. С другой стороны, Англия, отчасти Франция, Нидерланды и страны античного мира, особенно древняя Греция, дали образцы чрезвычайно быстрого и широкого духовно-культурного развития. То же самое в известной степени можно сказать и об Италии: здесь, как и в античном мире, могущественное влияние оказала муниципально-феодальная культура Флоренции, Генуи, Венеции и других им подобных городов итальянского средневековья.

Формулируя таким образом полученные выводы в тезисах, общих положениях, мы получаем следующее:

1. Общие, типические черты дворянской революции в хозяйственной сфере сводятся к победе торгового капитализма (товарного или денежного хозяйства с обширным национальным и международным рынком), к росту обрабатывающей промышленности (индустрии) при сохранении первенствующего значения за сельским хозяйством, преимущественно земледелием, и к переходу главной массы земли от феодальной аристократии—духовной и светской—в руки дворянства; ручной труд—в мануфактурах и ремеслах сохраняется.

2. В области устройства общества дворянская революция вообще, во всех странах, характеризуется господством сословности и преобладанием землевладельческого дворянства и крупной торговой и ростовщической, отчасти также промышленной буржуазии.

3. В государственной сфере дворянскую революцию ознаменовывает образование монархического самодержавия (абсолютизма) и бюрократии и подчинение церкви новой дворянской государственности, причем вводится в обиход представления о государстве как союзе общественного господства и об общем благе как цели общественного союза, и представления эти на дела, в практике, в применении к жизни получают неизменно дво-

рянскую классовую окраску; в национально-дворянский цвет окрашивается и внешняя политика. Везде процесс завоевания и утверждения дворянской государственности отличается сложностью и трудностью, слагается обыкновенно из трех моментов: первоначальной постановки проблемы, бурного столкновения общественных сил, окончательной победы.

4. В духовной культуре эпохи дворянской революции везде происходит углубление и очищение религиозного сознания, индивидуализация религии; идет индивидуалистическое течение в литературе; причем рядом с чистым индивидуализмом наблюдается и смешанная религиозно-индивидуалистическая струя; оба течения потом сливаются и образуют дворянскую классическую литературу; ей соответствуют элементы нового научного знания и новой светской философии; направления, соответствующие литературным течениям в их первоначальном виде и конечном исходе, обнаруживаются и в искусстве; подкладкой всего этого служит интеллигентская психология индивидуализма, которая потом, в соединении со старой феодальной психологией создает двойственный, внутренне-противоречивый тип дворянского эгоистического индивидуализма. Протестующее настроение масс всюду выражалось в народных волнениях, сектантстве и расколах.

5. Россия в период дворянской революции представляет собою оригинальное явление по трудности и длительности происходившего в ней перелома, что об'ясняется отсталостью ее феодализма. Необыкновенная трудность перехода к новым отношениям вызвала здесь личное крепостничество крестьян, крепостной характер всего общества, в том числе и самозакрепощения дворянства, очень резко выраженный и террористически введенный тип самодержавия и сравнительно - отсталую, хотя принципиально - выдержанную, типичную новую духовную культуру и психологию и дворянства и протестующих, угнетенных масс.

6. Отсталые страны европейского запада—Италия и Германия—не завершили процесса дворянской революции в национальном масштабе, водворили у себя новую дворянскую культуру в территориально-раздробленном виде,

что об'ясняется как особенностями их феодализма, тоже отсталого, так и их отдаленностью от Атлантики.

7. Длительным и затруднительным был и процесс дворянской революции в странах древнего востока, что об'ясняется как отсутствием способствующей и содействующей международной среды, так и, надо думать, особенностями их феодализма.

8. Передовыми странами дворянской революции оказались Англия, Нидерланды и две античные культуры— эллинская и римская. Муниципальный феодализм в последних и передовой характер феодализма обычного типа у первых были основными причинами скорости и широты переживавшихся ими перемен. В особенности выделялись в этом отношении Англия и древняя Греция, откуда и получились такие необычайно богатые вклады в духовную культуру, какими являются гении Шекспира и великих греческих философов и первые социалистические учения Мора и Платона.

Важное общее заключение состоит в том, что дворянская революция была не только бурным взрывом, но и длительным процессом, хотя бурных событий было в ней, конечно, гораздо больше, чем в революционные эпохи более ранние.

200-00

